Ю. М. Иванов

В СТАЛИНСКОМ "РАЮ"

Москва
2005

Иванов Юрий Михайлович – кандидат экономических наук, доктор исторических наук.

В СТАЛИНСКОМ “РАЮ”

А всего иного пуще
Не прожить наверняка -
Без чего? Без правды сущей
Правды прямо в душу бьющей,
Да была б она погуще,
Как бы не была горька

А. Твардовский

Время было глухое и темное.
Правительство называли “начальством”,
а представление о внутренней политике
исчерпывалось выражениями: “ежовые
рукавицы” и “канцелярская тайна”

М. Е. Салтыков-Щедрин

Сохранявшийся после смерти Ленина нэп строился преимущественно на натуральных отношениях города с деревней. Стоило его преемникам преобразовать эти отношения на рыночных началах, как за каких-то три года начался развал основных устоев большевистской аграрной политики – давать деревне как можно меньше, брать у нее как можно больше. Ее системный кризис неотвратимо нарастал. Крестьяне отказывались продавать хлеб по заниженным ценам. Посевы зерновых – пшеницы и ржи – определявших уровень зарплаты рабочих сокращались. Зато расширялось производство технических культур и продукции животноводства, росли промыслы, компенсировавшие крестьянам сокращение денежных поступлений от зерновых.

В свою очередь нараставший дефицит хлеба в городах угрожал повышением зарплаты рабочих, а вместе с ним и сокращением прибавочной стоимости, присваиваемой большевистскими властями. В обстановке углублявшегося экономического кризиса в компартии обострилась борьба группировок за власть.

В наиболее отсталой по меркам Западной Европы стране, где, по данным Н. Кондратьева, в 1926 г. доля самодеятельного населения в сельском и лесном хозяйстве составляла 81,6%, тогда как в промышленности – всего лишь 7,6%[1], из которых подавляющее

[1] Н. Кондратьев К вопросу об особенностях развития сельского СССР и их значение. 8 октября 1927 г. ГРАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 282. Л. 8

большинство так или иначе сохраняло связи с деревней, решение аграрного вопроса определяло ее исторические судьбы. Стремясь сохранить основной принцип большевистской аграрной политики брать у деревни как можно больше, давая ей как можно меньше, сталинская когорта добивалась выхода из кризиса на путях замены рыночных связей внеэкономическим изъятием зерна из деревни. А так как масштабы изъятия и его претворение определялись политбюро, которое возглавлял Сталин, то это неизбежно вело к укреплению диктаторских начал его личной власти, давая ему преимущество в борьбе за власть над остальными партийными группировками.

Как и всякий зигзаг в политике отказ от рыночных связей требовал теоретического обоснования. Основой последнего послужили отсталые представления большевиков об аграрных процессах, протекавших в то время в мире. "Мелкокрестьянские хозяйства, – говорил объявлявший себя сторонником этих представлений Сталин, – имея в виду хозяйства деревенской бедноты, – мало защищены от всяких невзгод, от всяких неудач, случайностей и чтобы забронировать себя от таковых, они стараются остаться хозяйствами смешанного типа... Такой тип смешанного хозяйства, – тип мелкого хозяйства, – это несчастье для большой страны. Почему? Потому что такой вид хозяйства не обеспечит применения ни сельскохозяйственных машин, ни научных знаний по улучшению культур, ни применения удобрений и проч. и проч. Можем ли мы развивать сельское хозяйство по линии кулацких хозяйств, как единоличных хозяйств, по линии нарождения крупных сельскохозяйственных единиц, фермерских единиц и по линии нарождения больших латифундий, как в Венгрии, в Восточной Пруссии, Америке и пр.? – риторически спрашивал он и отвечал, – "Можно развивать дальше сельское хозяйство двумя путями: либо по линии развития единоличных крупных хозяйств, либо по линии развития коллективных крупных хозяйств. Третьего пути нет".[2]

Подобные выводы по западноевропейским меркам в лучшем случае были представлениями столетней давности, когда, наряду с крупными землевладельцами, существовал обширный слой полудеклассированной крестьянской бедноты, надежды на преодоление нищеты которой увязывались реформаторами различного толка, в том числе и марксистами, с созданием при государственной поддержке производственных кооперативов. Однако позднее в Западной Европе и других регионах с развитой рыночной экономикой кооперативное

[2] Выступление И. В. Сталина на закрытом бюро Сибкрайкома ВКП(б) 20 января 1928 г.//Известия ЦК КПСС. М., 1991. № 6. С. 203, 204.

движение пошло по иному пути, по пути развития кооперативов индивидуальных крестьянских хозяйств.

Зародившееся в России в условиях XX века коммунистическое движение, которому позднее подражали приходившие к власти компартии отсталых крестьянских стран, с самого начала уповало найти счастье в химерах прошлого стран с развитой рыночной экономикой. Справедливости ради, следует сказать, что в дореволюционной России, где устойчиво сохранялся обширный слой полудеклассированной деревенской бедноты, идеями создания коллективных хозяйств для совместной обработки земли бредили не одни только будущие коммунисты.

Об этом свидетельствуют, в частности, решения первого всероссийского сельскохозяйственного съезда, проходившего в Киеве вначале сентября 1913 г. "Участвовавшие ученые, агрономы и экономисты, земские деятели и правительственные чиновники приняли решение в "отношении к деревенской бедноте", в котором говорилось, что "одно из первых мест должна занять организация товариществ для совместного пользования земли как совместной, так и особенно арендованной, путем коллективной обработки ее".[3]

Когда Сталин и его приспешники заявляли о "пролетарском методе создания крупного общественного хозяйства" противопоставляя его "капиталистическому методу создания крупного единоличного хозяйства"[4], то это, помимо прочего, проистекало, прежде всего, от элементарного незнания предмета, о котором они рассуждали. Историей аграрного вопроса никто из них специально не занимался. Их представления в лучшем случае ограничивались сведениями, почерпнутыми из давно устаревшей к тому времени работы Ленина "Развитие капитализма в России".

Коммунисты, решая порой успешно в духе времени политические задачи (будь то свержение царизма в России либо свержение колониальных и полуколониальных режимов), в дальнейшем становились главным препятствием на пути общественного прогресса своих стран, прогресса обусловленного всесторонним развитием рынка, не укладывавшегося ни в какие схемы, предсказанные в середине XX в. Марксом и Энгельсом.

[3] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 1.Май 1927 г. – ноябрь 1929 г. М., 1999. С. 14.

[4] См., напр. Шестнадцатая конференция ВКП(б), Москва, 23-29 апреля 1929 г.//ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. II. М., 1936. С. 337.

Как известно, идеалом основоположников марксизма тогда была огосударствленная экономика, в которой производственная кооперация была призвана занимать подчиненное место, чего с упорством, достойного лучшего применения в XX в. добивались большевики. "А что при переходе к полному коммунистическому хозяйству, – писал Энгельс, – нам придется в широких размерах применять в качестве промежуточного звена кооперативное производство, – в этом Маркс и я никогда не сомневались. Но дело должно быть поставлено так, чтобы общество – следовательно, на первое время государство – сохранило за собой собственность на средства производства и, таким образом, особые интересы кооперативного товарищества не могли возобладать над интересами всего общества в целом".[5]

Производственное кооперирование им казалось тогда той формой объединения производителей, которая позволяла хозяйствовать без участия частного капитала. Однако с конца XIX в. развитие кооперации в странах с развитой рыночной экономикой пошло по иному пути. Вместо, не успевавших возникнуть и тут же начавших разваливаться производственных коллективов полудеклссированной бедноты, здесь стали расти и успешно развиваться кооперативы индивидуальных товаропроизводителей, обладавших в качестве непременного условия частным капиталом.

Те самые товарно-денежные отношения, которые в прошлом только разоряли владельцев семейных хозяйств, теперь на новом, более высоком витке исторического развития стали побуждать их объединяться, но не для ведения коллективного производства, а для того, чтобы иметь возможность, пользуясь благами кооперации, индивидуально производить для рынка без посредничества торгового капитала. Исторически, не кооперация индивидуальных производителей предшествовала в деревне кооперации производственной, как безапелляционно утверждала большевистская пропаганда, а наоборот, последняя, как правило, предшествовала первой, так и не выйдя за рамки неудавшегося эксперимента.

Важно и то, что в условиях организованного кооперативами интенсивного сельскохозяйственного производства семейные хозяйства оказались более рентабельными по сравнению с теми, в которых использовался наемный труд. У них была выше производительность труда из-за большей тщательности выполнения сельскохозяйственных операций, недоступной стороннему работнику и меньше издержек из-за отсутствия затрат на его содержание, выраставших при экстенсивном

[5] Письмо Энгельса. Т. 36. С. 486.

хозяйствовании вместе с объемом производства, предназначенного для продажи.

Какой бы отсталой Советская Россия не была, она оставалась европейской страной, где общеевропейские процессы так или иначе пробивали себе дорогу. Здесь также развивалась кооперация индивидуальных товаропроизводителей, специализировавшихся на производстве сыра, животного масла, крахмала и т. д. Такие кооперативы, преодолевая большевистские препоны и рогатки, преимущественно росли снизу. На 1 октября 1925 г. 52% подобных кооперативов РСФСР считались "дикими", т. е. не вступившими ни в один из официально зарегистрированных кооперативных союзов. На 1 октября 1926 г. все они объединяли почти 6 млн. членов (пресловутых кулаков и середняков), т. е. почти 25% крестьянских дворов или, иначе говоря, почти 70% крестьян, способных регулярно поставлять продукцию для рынка.[6]

В наибольшей мере кооперативное движение индивидуальных товаропроизводителей охватило те отрасли, где можно было наладить интенсивное производство сельскохозяйственной продукции и ее кооперативную переработку; в меньшей, где интенсификации еще не произошло. С рассматриваемой точки зрения наиболее отсталым было зерновое хозяйство, переходу к интенсивным методам и обусловленной ими товаризации которого препятствовали чрезвычайно заниженные цены. В условиях рынка большевики, таким образом, рубили сук, на котором сидели, препятствуя росту производства продовольственного зерна.

Согласно данным доклада А. И. Муралова на совещании земорганов в январе 1929 г., "самой невосстановленной частью во всем сельском хозяйстве являются зерновые культуры – 84,6%, в пересчете на душу – 78,7%. Особенно отсталость зерновой отрасли будет ясна, – говорил он, – если мы измерим восстановленность товарной части зерновой отрасли: она будет измеряться в 46% по РСФСР".[7]

Из властной когорты большевиков Ленин первым пришел к заключению о том, что кооперация индивидуальных товарных производителей является основной магистралью социалистического прогресса в сельском хозяйстве. В своей известной статье "О кооперации" он писал: "В нэпе мы сделали уступку крестьянину, как торговцу, принципу частной торговли; именно из этого вытекает

[6] См. Айхенвальд А. Советская экономика. Экономика и экономическая политика СССР. М.-Л., 1928. С. 165, 164.

[7] Стенографический отчет IV совещания земорганов 5-12 января 1929 г. М., 1929. С. 25.

(обратно тому, что думают) гигантское значение кооперации. В сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве нэпа есть все, что нам нужно, потому что теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая составляла камень преткновения для многих и многих социалистов".[8]

По Ленину, строем социализма в деревне должен был стать "строй цивилизованных кооператоров", производивших в своих частных хозяйствах продукцию для рынка. Сегодня социалистический характер такого строя у основной массы социал-демократов, и многих других партий не вызывает сомнения.

Статья Ленина "О кооперации" писалась в то время, когда он уже был глубоко болен. Страной управлял триумвират Сталина, Зиновьева и Каменева, категорически отвергавший основные положения этой статьи и всячески препятствовавший публикации ее в подлинном виде.[9] Что же касается производственных артелей и коммун, то Ленину давно было ясно, что они не в состоянии преобразовать деревню на социалистических началах. Так, выступая в декабре 1920 г. на VIII Всероссийском съезде советов, он заявил: "Я знаю, что колхозы еще настолько не налажены, в таком плачевном состоянии, что они оправдывают название богаделен. Надо опираться на единоличного крестьянина, он таков и в ближайшее время иным не будет; и мечтать о переходе к социализму и коллективизации не приходится".[10] Эту же мысль Ленин продолжал развивать и на X съезде партии, где он говорил, что опыт коллективных хозяйств "только показывает пример, как не надо хозяйничать: окрестные крестьяне смеются или злобствуют. Вы прекрасно знаете, сколько было таких примеров".[11]

Артели и коммуны в условиях нэпа действительно были богадельнями, постоянно требующими государственной поддержки. Они были не в состоянии обеспечить подъем сельского хозяйства. Но это не беспокоило генерального секретаря Сталина и жаждавших теплых местечек его приспешников. Главным для них была возможность, минуя

[8] Ленин В. И. О кооперации. Т. 45. С. 370.
[9] См. Ю. М. Иванов Чужой среди своих (последние годы жизни Ленина) М. 2002.
[10] Ленин В. И. Речь при обсуждении законопроекта СНК "О мерах укрепления и развития крестьянского хозяйства" на фракции РКП(б) VIII съезда советов 24 декабря. Т. 42. С. 180-181.
[11] Ленин В. И. Доклад о замене разверстки натуральным налогом 15 марта. Т. 43. С. 60.

рынок, за бесценок изымать у колхозов продукцию приказным путем. С этой целью, с одной стороны, увеличивались ассигнования, предназначенные для организации колхозов, с другой, – наращивались меры по внеэкономическому изъятию зерна и денег у крестьян, в первую очередь у кулаков и середняков, лишая их возможности приобретать зерно на рынке.

В обстановке, когда нэп с его деформированным рынком официально еще считался завещанным Лениным порядком, ограбление крестьян силовыми методами рассматривалось большинством партийной верхушки как чрезвычайная вынужденная мера, связанная с экстраординарным подключением ОГПУ.

Как всегда, когда Сталин чего-нибудь намечал, он к этому тщательно готовился заранее, не раскрывая свои планы. Прежде всего, ему нужно было убедить партийные верхи в том, что крестьяне утаивают от продажи безмерное количество хлеба. По его настоянию 10 декабря 1925 г. состоялось заседание политбюро, на котором обсуждался вопрос "О работе ЦСУ в области хлебофуражного баланса". Его результатом явилось заключение о том, что производство зерна регулярно недооценивается в среднем на 10-20% при большом занижении "невидимых" хлебных запасов у крестьян.

Возглавлявший ЦСУ с 1918 г. выдвиженец Ленина, известный земский статистик П. И. Попов был отстранен от должности. По оценке сменивших его В. И. Немчинова и А. И. Гайстера, "невидимые" запасы хлеба у крестьян достигли фантастически громадных размеров и продолжали расти. На 1926/27 хозяйственный год, по их расчетам, они составили 721 млн. пудов, а в 1927/28 – уже достигли 896-900 млн. пудов. Для партийной верхушки это были вожделенные цифры, позволявшие, казалось бы, одним махом решить свалившиеся на нее экономические проблемы.

Дальше – больше. В 1926 г. впервые за годы нэпа в качестве непременного участника хлебозаготовительной кампании стало привлекаться ОГПУ. 19 августа 1926 г. был разослан секретный циркуляр, в котором указывалось: "Исходя из условий текущей хлебозаготовительной кампании, на органы ОГПУ возлагается выявление по линии ЭКУ – Экономического управления – причин и факторов вызывающих "чрезмерные" колебания цен, содействующих усилению роли частных заготовителей и препятствующих деятельности государственных и кооперативных заготовителей".[12]

За этой внешне нейтральной с точки зрения ревнителей нэпа формулировкой скрывалось разрешение использовать ОГПУ в

[12] Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 18.

отношении тех, кто срывал хлебозаготовки. Уже в июне 1927 г. под предлогом мнимой военной угрозы (подробности ниже) в целях пресечения деятельности мифических "белогвардейско-монархических организаций" прежде всего в деревнях зерновых районов – на Украине, в Центральном Черноземье, на Дону и Северном Кавказе были проведены аресты бывших помещиков и белых, а также кулаков и буржуев, торговцев, попов и церковников. В документах ОГПУ сообщалось, что во время июньской операции было проведено до 20 тыс. обысков и арестовано 9 тыс. чел.[13]

Для Сталина главным было форсировать рост настроений, требовавших принятия чрезвычайных мер. 6 июля 1927 г. "все полномочные представительства и начальники губотделов ОГПУ" получили за подписью Ягоды циркулярное письмо, сообщавшее о необходимости "оперативного воздействия на деревенскую контрреволюцию".

11 июля 1927 г. появилась шифрограмма наркомторга, рассылавшаяся по каналам ОГПУ. В шифрограмме указывалось: "Связи с отсутствием запасов пшеничной муки в Москве, Ленинграде, прочих основных промцентрах настоятельно необходимо усилить всемерно вывоз пшеничной муки производящих районов, даже за счет максимального сокращения местного снабжения в июле... а также задержке некоторых нарядов Среднюю Азию, военведу..."[14]

В обстановке коммунистической пропаганды дутых достижений советской власти, достигнутых за десятилетие ее существования, ОГПУ становилось единственным источником информации о реальном положении дел, от которого политбюро добивалось получения сенсационных сообщений относительно происков выявляемых врагов. Однако, как не сгущали краски чекисты, ни в городе, ни в деревне массовых антибольшевистских выступлений не обнаруживалось. Случаи "забастовок" в городах, несмотря на падение заработной платы, как правило, были редки и малочисленны, хотя и учитывались приостановки работ даже на 10 минут.

Что касается деревни, то там удавалось преимущественно фиксировать лишь беседы за рюмкой либо после рюмки, провоцировавшиеся к тому же информаторами ОГПУ, разговоры о полезности крестьянских союзов для защиты крестьянских прав. Так, например, сообщалось, "что в селе Каринском Ягунинской волости Звенигородского уезда бедняк, бывший член ВЛКСМ, говорил в чайной: "Нам крестьянам, надо создать крестьянский союз, который будет

[13] См. Там же ... С. 20.
[14] Там же. С. 20.

контролем над партией и в случае, если партия будет делать для нас плохо, то мы прогоним ее от власти".[15] Однако дальше подобных бесед и порой появлявшихся написанных от руки листовок дело обычно не шло. К тому же и те, и другие были редки. Например, с 20 октября по 3 ноября в центральном промышленном районе ОГПУ было отмечено всего 19 подобных "выступлений": 10 – в Московской губернии, по 3 – в Тульской и Ярославской, а Орловской, Иваново-Вознесенской и Владимирской по одному.[16]

Когда же, как нередко до этого бывало в деревне, дело доходило до соседских разборок, в которых перепадало вечно пьяным, гребущим под себя местным властям, то они трактовались, как проявление кулацкого террора. В частности сообщалось, что в Московской губернии 20 октября в деревне Садовники Ленинской волости родственники кулака из мести за активные выступления на общих собраниях в защиту бедняков ранили камнем в голову бывшего председателя сельсовета.[17]

Но и эти случаи были редки и опять-таки порой провоцировались тайными информаторами ГПУ, имевшими задание выявлять недовольных политикой советской власти. Тем не менее, такие разборки подлинные и мнимые ежедневно муссировались на страницах газет, создавая видимость угрозы надвигающейся гражданской войны, требовавшей использования насильственных мер вообще и в особенности против скрывающих хлеб "озлобленных кулаков и подкулачников".

Особенно велико было возмущение крестьян низкими ценами на хлеб в производящих районах. "Вопрос о "ножницах", – указывалось в декабрьской сводке ОГПУ за 1927 г., – продолжает выдвигаться главным образом в производящих губерниях. В выступлениях представителей зажиточных групп и середняков указывается, что проведенное снижение цен (имеется в виду снижение цен на промышленные товары) недостаточно. "Необходимо сделать еще снижение" (Тамбовская губерния). "На пуд хлеба по-прежнему можно купить полрубашки" (Воронежская губерния). Недовольство "ножницами" особенно обостряется отсутствием в достаточном количестве товаров, которые еще не продвинулись до деревенского рынка. "Летом, когда у мужика денег не было, товар во всех лавках был, а подошла осень, и товаров не стало, а ПО (потребительские общества) дают только книжки по 10 руб., а товаров можно достать лишь на 40 коп". (Воронежская губерния) В

[15] "Совершенно секретно": Лубянка – Сталину о положении в стране (1922 – 1934). Т. 5. 1927 г. М., 2003. С. 625.
[16] Там же.
[17] Там же. С. 626.

Курской губернии низовые кооперативы Грайворонской волости категорически отказались от получения авансов на хлебозаготовки, мотивируя тем, что крестьяне не хотят сдавать хлеб за деньги, имея последние на руках от заработков на отхожих промыслах".[18]

В борьбе за власть Сталину в это время еще приходилось считаться с рыночниками, возглавляемыми Бухариным и Рыковым. Только опираясь на их поддержку и заявляя о своей приверженности рынку, ему наконец-то удалось в ноябре 1927 г. исключить из партии Троцкого и Зиновьева вместе с их явными сторонниками. В резолюциях, принимавшихся на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 21-23 октября 1927 г. и на XV съезде ВКП(б) 2-19 декабря 1927 г. указывалось, что "Одной из основных предпосылок развития СССР к социализму является *подъем производительных сил деревни и рост благосостояния широких крестьянских масс"*, в связи с чем "ножницы" должны систематически преодолеваться политикой снижения промышленных цен на основе рационализации и понижения себестоимости промышленной продукции".[19]

Но отказ от "ножниц" декларировал отказ от ограбления деревни в условиях существования рынка, т. е. от основного принципа большевиков – давать деревне как можно меньше, брать у нее как можно больше. На словах Сталин поддержал эту резолюцию, чтобы бы на деле быстрее ее похоронить. По его инициативе подготовка к масштабному внерыночному изъятию хлеба у крестьян стремительно набирала темпы. 4 января 1928 г. ОГПУ отдало телеграфное распоряжение арестовывать наиболее крупных частных хлебозаготовителей. 9 января 1928 г. политбюро признало необходимым организовать немедленную поездку по делам хлебозаготовок: Орджоникидзе – в Сибирь, Молотова – на Урал, Микояна – на Северный Кавказ, Кубяка – в Казахстан. В их задачу входило выколачивание хлеба из деревни любыми способами.

Как известно, Орджоникидзе под благовидным предлогом от поездки отказался. Вместо него в Сибирь поехал Сталин, показав в течение 18 января – 4 февраля 1928 г. пример как нужно отнимать хлеб у крестьян. Его сопровождали сотрудники ОГПУ и наркомата внутренних дел. Вооруженные отряды реквизировали не только хлеб, но и домашний скот, сельскохозяйственный инвентарь, самовары и другие предметы крестьянского обихода.

Террористический характер своих "подвигов" Сталин тщательно скрывал от общественности, чтобы не оказаться в положении сокрушителя нэпа. По его настоянию 15 января 1928 г. за подписью

[18] "Совершенно секретно"... Т. 5. 1927 г. С. 668.
[19] ВКП(б) в резолюциях... Ч. II. С. 214-215.

председателя ОГПУ В. Р. Менжинского вышло распоряжение, категорически запрещавшее появление каких либо публикаций о том, как проходят хлебозаготовки. Сталин постоянно публично "отрицал тот факт, что ведется сворачивание политики нэпа, временами он даже угрожающе говорил, что только враги Советской власти могут сейчас мечтать об отказе от политики нэпа".[20] Именно с его "легкой руки" клеймо "враг советской власти" превратилось в непременный атрибут повседневной жизни громадной страны.

"Врагами советской власти" объявлялись все, кто так или иначе не выполнял исходившие от Сталина и его команды предписания. Во время его поездки в Сибирь к ним причисляли всех утаивавших зерно либо не полностью рассчитавшихся по многочисленным государственным поборам. Наказанием были бойкот, аресты, и пытки, умножавшими крестьянские бедствия в лютый сибирский мороз. Когда пишут о командировках на хлебозаготовки уполномоченных политбюро, то "знатоки" обычно ограничиваются лишь констатацией того, сколько было изъято хлеба у крестьян, абстрагируясь от того, как этот хлеб изымался. Между тем картина вырисовывается ужасная. Ниже приводятся сведения, собранные Е. Осокиной – одной из очень немногих, удосуживавшихся разобраться в этом вопросе.

Заклейменным врагам советской власти, – пишет она, – вводилось множество запретов. Так, "запрет на воду означал посты у колодцев, которые определяли, кому давать воду, а кому нет. Бойкот на здравствование означал запрет здороваться с бойкотируемыми. Бойкот на курение запрещал давать закурить или прикуривать. Бойкот на огонь запрещал затапливать печь, а если хозяин ослушивался, то приходили и заливали ее. Бойкот на свет – забивали окна, чтобы в избе было темно. Запрещалось ходить к бойкотируемым в гости, а если нужно по делу, брали понятых. О бойкоте предупреждал плакат на воротах: "Не ходи ко мне – я враг советской власти". В случае исчезновения плаката бойкотируемого штрафовали, и поэтому его семья беспрерывно дежурила у ворот, чтобы плакат не стащили. Был также запрет на посещение общественных мест: гнали из больницы, из сельсовета, детей бойкотируемых исключали из школы. А то и вообще семье бойкотируемых запрещали выходить за ограду дома. Мазали ворота и окна дегтем.

Вот еще один из применяемых методов нажима. Сами создатели называли его "заготовка оркестром и фотографом". "Зажимщика" хлеба сначала водили по деревням для показа, затем собирали собрание сельчан. Всех зажимщиков сажали на высокую скамью и вызывали по

[20] "Совершенно секретно": Лубянка - Сталину... Т. 6. 1928 г. С. 26.

одиночке в президиум, где задавали только один вопрос: "Везешь хлеб или нет?" Если отвечал "да", то ему играли туш; фотографировали и записывали на Красную доску. Если "нет", то били в барабаны, не фотографировали и записывали на Черную доску.

Одной из разновидностей, широко применяемых в ходе заготовок массовых допросов, являлись так называемые "ударники". "Крестьян, неподдававшихся уговорам сдать хлеб, держали в закрытом помещении по несколько дней (от 2-х до 6-ти суток), бывало, что не давали есть и спать... На время "ударника" запрещалось кому-либо уезжать из села. Массовые многодневные допросы без сна и пищи, дополнялись карнавалами. Вот описание одного из них. Держателей хлеба (46 человек), из которых большинство были середняки, вызывали в школу и вели обработку. Затем им вручали черное знамя, на котором было написано "Мы друзья Чемберлена". Когда учитель вручил черное знамя одному из кулаков, тот его ударил ногой, после чего кулака пришлось скрутить, связать ему руки назад, остальные добровольно, без всякого нажима взяли после этого знамя. Тогда они выстроили этот карнавал с черным знаменем по улице. Сзади шли деревенские активисты и беднота с красным знаменем. Кругом бегали детишки и улюлюкали".[21]

Подобные расправы с врагами позднее послужили образцом для приходивших к власти коммунистических партий отсталых крестьянских стран, где эти партии, следуя русскому примеру, пытались полностью ликвидировать товарно-денежные отношения, подменяя их внеэкономическим принуждением к труду. Утрачивая свое европейское первородство, Советский Союз дал разительный пример отсталым крестьянским государствам Востока реализации несостоявшихся схем столетней давности.

С тех пор при российской поддержке здесь стали плодиться одетые по сталинской моде в полувоенные френчи и шапки свои собственные "вожди всех времен и народов". Борясь с бесчисленными "врагами народа" они становились руководителями и вдохновителями садистских игрищ коммунистической номенклатуры, существовавшей за счет прибавочной стоимости, созданной подневольным трудом масс.

Для Сталина принципиальным было только одно: проблема наращивания своей потенциально неограниченной власти, для решения которой труд из-под палки создавал идеальные условия. Ее наращивание приветствовали не только раболепные клевреты, получавшие хлебные должности, но и харбинские идеологи евразийства, которые,

[21] Осокина Е. За фасадом "сталинского изобилия". Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941. М., 1998. С. 63.

ориентируясь на установки сменовеховцев и устряловцев, полностью одобряли усиление власти генсека в СССР в конце 20-х-начале 30-х годов.

С точки зрения евразийцев режим абсолютной личной власти в России был продолжением традиций самодержавия с его территориальными и централистскими амбициями, окрашенными теперь в религиозно коммунистический цвет. Идеологические конструкции сталинского режима, – обосновано пишет И. А. Исаев, – "весьма напоминали религиозные и литургические формы, партийная структура – церковную иерархию. Язык заклинаний и проклятий в адрес еретиков, споры о вере подтверждают аналогию. Под многими политическими лозунгами и акциями (даже воинственно атеистическими) всегда проглядывает их православная основа... Новое осознание русской культуры, по мысли евразийцев, несет с собой осознание общечеловеческой миссии России – Евразии".[22] Как известно, последний вывод сегодня полностью разделяют коммунисты КПРФ.

Действительно, по иронии истории, марксизм, будучи наиболее последовательным атеистическим учением, в отсталой крестьянской стране превратилось в заурядную веру, давшую обильные всходы на почве культа непогрешимости Маркса и Ленина (Энгельс по понятным причинам не сподобился до такой "чести"). "Ленин это пророк нового человечества и апостол коммунизма" – неоднократно утверждал под рукоплескание партийных масс Зиновьев. Обряды его погребения и празднования памятных дат, мемориалы жертвам революции, напоминающие мемориалы христианских мучеников, борьба с ересью в свете непогрешимости обоих апостолов марксизма превращало последний в заурядную разновидность веры, истинность трактовки канонов которой принадлежала только генеральному секретарю.

Зарождение этой веры, теперь уже с тремя непогрешимыми апостолами Марксом, Лениным и Сталиным (интересно, кто будет следующий?), сегодня уже относят аж к зарождению христианства. Зюганов, например, утверждает, что "первым коммунистом был Христос". Между прочим, эту же мысль о христианских корнях коммунизма еще задолго до Зюганова последовательно отстаивал А. Введенский, утверждавший, что "коммунизм – это евангелие, напечатанное атеистическим шрифтом". Но с таким же успехом начала всех коммунистических начал можно обнаружить и в учении Мухаммеда, печатавшегося исключительно религиозным шрифтом.

[22] Исаев И. А. Геополитические корни авторитарного мышления (исторический опыт евразийства)// Формирование административно-командной системы. 20-е – 30-е годы. М., 1992. С. 137-138.

На эту же новоявленную связь марксизма с религией указывал и Гитлер, мечтая о создании для себя нечто подобного. "Коммунисты создали из своей фразеологии и идеологии подобие новой религии, даже с будущим царствием Божьим, – говорил он. Нам *тоже* нужна своя *новая религия*". [23] Под ней подразумевалось обоготворение вождя.

По своим общественным представлениям Сталин так и остался на уровне изгнанного из семинарии ученика, не избавившегося от грузинского правописания русского текста и не научившегося пользоваться справочниками и словарями.[24] Оказавшись после революции волей судьбы в составе высшей правящей элиты, он усвоил у нее лишь одно – умение устранять с дороги своих соперников в обстановке, когда партийцы "группируются сплошь и рядом, ориентируясь не на ту или иную политическую линию, а на того или иного Сидора Петровича", у которых, чья должность выше, тот и пан. В этой прослойке ответственных работников, с горечью пишет И. Юрьев, есть свои "верхи" и "низы". "Верхи" – те, кто "у власти", "низы" – те, кто к ней стремится".[25] Неподнаторевшему в марксизме Сталину, (без чего он вполне мог обходиться, используя для своих меняющихся нужд писания Молотова, Зиновьева, Бухарина, Жданова и др.) отношения между коммунистами во многом виделись сквозь призму усвоенных еще из истории церкви лицемерия, подковерных интриг, закулисной клеветы и шантажа в борьбе за право распоряжаться доходами черного духовенства.

Для внеэкономического изъятия у крестьян продовольственного зерна была разработана изощренная система мер уголовного наказания тех, кто отказывался продавать хлеб по чрезвычайно низким ценам. Утверждения о том, что именно "Сибирь со сталинскими заготовками явилась местом рождения 107-ой, а затем и других статей УК как юридического основания при проведении хлебозаготовок", неверны.[26] И 107 статья и большинство остальных статьей репрессивного законодательства вступали в силу еще до поездки Сталина, когда в Сибирь планировалось направить Орджоникидзе.

---

[23] Великие. Третий рейх. Тайны, загадки, секреты. М., 2005. С. 38.

[24] См. описание Джиласом кабинета Сталина в кн. Милована Джиласа "Разговоры со Сталиным". New York, 1970.См. также Аллилуева С. Двадцать писем другу, где она пишет о том, что вывезенная во время войны в Куйбышев библиотека ее матери так и осталась там, в столовой отца стояли лишь пустые шкафы

[25] Юрьев И. Наши настроения (к вопросу о преодолении элементов упадка в РКП) Курск, 1920. С. 13, 33.

[26] Трагедия советской деревни... С. 36.

Как всегда Сталин к своим акциям готовился загодя. Закон о сельхозналоге на 1926/27 г. ввел налогообложение доходов не только от земли и скота, но и от других отраслей сельского хозяйства, а также сторонних доходов с возрастающей прогрессией обложения, породив статью 60-ю о конфискации всего имущества неплательщиков.

27 марта 1927 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР был утвержден сводный закон о реквизиции и конфискации имущества, подтверждавший определение статьи 107 УК СССР 1926 г. В законе указывалось, что конфискация есть "принудительное и безвозмездное отчуждение имущества в пользу государства, производимое по приговору суда, а равно в случаях особо указанных в законе, по распоряжению уполномоченных на то государственных органов".[27]

В конце декабря 1927 г., политбюро, заявляя о существовании кулацкого сговора не продавать хлеб по низким ценам, "разродилось директивой: считать недопустимым повышение хлебных цен и воспретить постановку этого вопроса в печати, советских и партийных органах, и предложить крестьянам в обмен на продаваемый хлеб частично промышленные товары с обеспечением денежного остатка промтоварами потом".[28]

4 января 1928 г. на местах было получено телеграфное распоряжение ОГПУ "произвести аресты наиболее крупных частных заготовителей", применив 107 статью уголовного кодекса о конфискации по суду имущества у кулаков и спекулянтов в случае их отказа продавать "излишки" хлеба по заниженным ценам.

8 января был опубликован декрет о самообложении, по которому "с крестьян могли дополнительно взыскивать до одной трети от суммы налогового обложения... На практике размер "самообложения" часто достигал половины налога. Хотя собранные средства должны были расходоваться на местные нужды (на ремонт мостов, дорог, на строительство школ, больниц и т. д. – Ю. И.), крестьяне не видели результатов от расходования этих поборов и считали, что средства тратятся не по назначению: на них содержится местный административно-управленческий аппарат, проводятся общественные мероприятия с попойками и т. д.".[29] Фактически такое самообложение было премией местным властям за изъятие у крестьян "излишков" хлеба и денежных средств для его приобретения. Если же власти не достаточно

---

[27] Хронологическое собрание законов, указов президиума Верховного Совета и постановлений правительства РСФСР. Т. Первый. 1917-1927 г. М., 1949. С. 402.

[28] Осокина Е. За фасадом "сталинского изобилия"... С. 51.

[29] "Совершенно секретно": Лубянка Сталину ... Т. 6. С. 11.

радели на этом поприще, то они сами подпадали под статью 105: их исключали из партии и отдавали под суд.

С 1 февраля 1928 г. официально вводился крестьянский займ сроком на три года. Его предназначением было изъятие "на нужды сельского хозяйства" избыточных денежных средств у крестьян.

Подобные постановления, принимавшиеся по инициативе Сталина, стали юридическим основанием для организации масштабного административного изъятия хлеба и денег у крестьян с тем, чтобы в случаях отсутствия хлеба они не могли его покупать у частных продавцов. Негласно шла прямая атака на всю совокупность рыночных отношений. При этом официально декларировалось, что все происходит в интересах деревенской бедноты.

В действительности же она получала льготы лишь для того, чтобы вступить в колхозы. Созданные насилием запасы дешевого хлеба предназначались для обеспечения города и масштабной продажи его за границу. Бедняков-единоличников сплошь да рядом стригли под одну гребенку вместе с остальными крестьянами. А так как они были беднее всех, то репрессии на них сказывались больнее, чем на остальных крестьянах. Так, в начале 1928 г. наркомфин открыл кампанию по сбору недоимок. Естественно, "основные держатели денег и хлеба, зажиточные и середнячество, как правило, недоимок не имели. Бедняки и маломощные середняки (фактически беднота с посевами до 2-х десятин – Ю. И.), кто имели задолженности по выплате налогов и сборов, не имели ни денег, ни хлеба".[30] Как неплательщики они по статье 60 подвергались конфискации всего имущества вплоть до домашней утвари.

Официально бедняки были освобождены от хлебосдачи – у них попросту не было хлебных излишков. Однако "обзор заявлений и жалоб в президиум ВЦИК от осужденных по делам о хлебозаготовках на 15 марта 1928 г. показывает, что с самого начала среди них оказывалось немало середняков и бедняков, имевших всего по 170, 135 и даже 82 пуда хлеба".[31]

К тому же бедняки не могли избежать тягот самообложения пресловутых ККОВ (крестьянских комитетов общественной взаимопомощи). "На отчетных собраниях, – доносили информаторы ГПУ, – бедняки и середняки выступают с резкой критикой деятельности ККОВ, указывая, главным образом, на неработоспособность их, бесхозяйственность, недостаточную помощь бедноте, пьянство и разложение работников ККОВ. Ряд жалоб на неправильное распределение бедняцкого кредита и фондов комитетов, которые иногда

[30] Осокина Е. За фасадом "сталинского изобилия"... С. 52.
[31] Трагедия советской деревни... С. 41.

попадают середнякам и зажиточным, и потворство работников ККОВ кулачеству (Московская, Иваново-Вонесенская и другие губернии)".[32] В марте 1928 г. – отмечается в сводке ОГПУ. – "По Московской губернии зарегистрировано свыше 100 случаев отказа целых селений от проведения самообложения; аналогичные факты имели место в Вятской, Воронежской, Курской, Костромской и других губерниях".[33]

Как и все крестьяне, бедняки были *обязаны добровольно* (наиболее типичная формулировка сталинского рая) подписываться на крестьянский заем. Цинизм и лицемерие к этому времени уже прочно вошли в партийный обиход. "Председатель СНК СССР и РСФСР А. И. Рыков 1 апреля 1928 г. опубликовал в "Правде" письмо, в котором он говорил о добровольном характере займа и обещал разобраться с теми распространителями облигаций, кто нарушал добровольность. В то же время из центра на места шли директивы об обязательности распространения облигаций займа любым путем по разнарядке, спущенной сверху".[34]

Разнарядки были жесткие. Так, по деревням Чубаровского сельсовета Прохоровского района Псковского округа "секретарь ячейки ВКП(б) и председатель Рубровенского единого потребительского общества Павел Иванов вызывал более зажиточных крестьян в читальню и вместе с членом Прохоровского районного исполнительного комитета "всучивали" крестьянам заем таким порядком: сначала уговоры, потом битье кулаком по столу и угрозы, не дам мол, леса, муки и сукна с кооперации, "занесу на заметку"... Гражданам деревень Заречье и Заболотье не давали керосину, так как у них меньше всего приобретено займа. В больнице врач Никулинская не принимала даже тяжелобольных, если они не брали облигаций или не имели удостоверений о приобретении у Иванова облигаций. Ремединский избач (Срединского района Псковского округа) всех крестьян, не приобретших 10 рублевой облигации, заносил на черную доску. Милиционер Себесского административного отдела Мальцев обходит крестьянские дворы и заставляет крестьян насильно брать облигации. Получив отказ, обзывал "врагом советской власти"".[35]

Что касается кулаков и середняков, то они, сплошь да рядом не решаясь продавать хлеб по рыночным ценам (информаторы ГПУ не

[32] "Совершенно секретно": Лубянка Сталину... Т. 5. С. 668.
[33] Там же Т. 6. С. 171.
[34] Там же. С. 12.
[35] Политический обзор о настроении крестьян, составленные редакциями газет "Правда" и "Крестьянская беднота". РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 318. Л. 24, 26.

дремали), прятали его, напрасно надеясь на то, что это лишь временная напасть, что нэп, как их убеждали, продолжает сохраняться. С прятавшими хлеб понукаемые из центра власти поступали крайне жестоко. "Карцеры переполнены к ужасу укрывателями кулаками, – пишет М. Ульянова. Их судят пачками по 8-10 человек в день, разбирают имущество, лошадей, коров, муку, фасоль, а их самих отправляют в районную тюрьму. Гонят их пешком в городскую тюрьму... за 40 верст. А сзади идут плачущие женщины и дети".[36] Еще более жесткие меры применялись в отношении скупщиков и продавцов хлеба. Их лишали свободы от одного месяца до 5 лет с конфискацией имущества и запретом торговать в течение 5 лет.

Если подвести итоги сталинской акции 1928 г., то окажется, во-первых, что в деревне "сколько-нибудь значительных выступлений (имеется в виду антибольшевистских – Ю. И.) не отмечено".[37] Не отмечены они были и позднее, что свидетельствует о том, что пропагандируемые ОГПУ сетования относительно угрозы социального взрыва из-за недостатка дешевого хлеба были блефом, предназначенным для запугивания партийной верхушки. Сталину было важно убедить последнюю в том, что административно- командное изъятие хлеба у крестьян является, по меньшей мере, текущей необходимостью.

Во-вторых, в ходе насильственного изъятия зерна у крестьян упрочилась личная власть Сталина. В партийном аппарате окончательно выкристаллизовывалось ядро тех, кто готов был идти за ним в огонь и в воду в приближавшейся схватке со сторонниками нэпа, призывавшими к тому же к демократическому обсуждению вопросов, по крайней мере, в высших эшелонах власти. С изгнанием из партии Троцкого и Зиновьева и иже с ними бухаринские сторонники рыночных отношений становились гирями на пути к бесконтрольной власти генсекретаря.

Но немедленно объявить их врагами народа до того, как с тандемом Троцкого и Зиновьева еще не было окончательно покончено, Сталин не мог. Пока ему приходилось довольствоваться судебными процессами типа "шахтинского дела", "трудовой крестьянской партии", "организации меньшевиков-интернационалистов", "организации "вредителей снабжения" и т. д., где еще до суда, в ходе следствия, партийными средствами массовой информации формировалось общественное мнение против обвиняемых, объявляя их "вину" безусловно доказанной. "Лидеры коммунистической партии не раз повторяли: "В обстановке диктатуры пролетариата может быть и две, и

---

[36] Сводка № 2 по 23 письма из поступивших в редакцию "Правды" с 15-20 июня 1928 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д.318. Л. 59.
[37] "Совершенно секретно". Лубянка – Сталину... Т. 6. С. 10.

три и четыре партии, но только при одном условии: одна партия будет у власти, а все остальные в тюрьме".[38]

Показательные процессы, штамповавшие все новых и новых фальсифицированных врагов народа, прочно вошли в обиход страны. Они подготавливали плаху для Бухарина и остальных рыночников. Последние не разделяли сталинских идей. Но над ними постоянно довлел дамоклов меч обвинений во фракционности, заставлявший их во имя компромисса с раздававшим должности Сталиным соглашаться на проведение подобных процессов, наивно полагая, что им лично клеймо враг народа не грозит.

Вместе с великим переломом в стране наступил голод. У нас много пишут о голоде на Кубани и Украине в 1933 г., но при этом сознательно либо невольно упускают из виду, что сталинская политика насильственного изъятия хлеба с самого начала порождала голод, что голод был ее отделимым спутником. В 1928 г. в наиболее бедственном положении оказались Центральный и Северо-Западный промышленные районы России, на долю которого приходилась половина рабочего класса Союза и около 60% промышленной продукции. Традиционно дефицит хлеба здесь покрывался частными торговцами, доставлявшими его сюда из Центрально-Черноземной области. Теперь приток хлеба сократился как из-за того, что пшеница и рожь в области стали невыгодными, их посевы уменьшились, так и из-за драконовских мер против скупщиков и продавцов зерна.

В Выксунском уезде Нижегородской области, – отмечается в февральской сводке ОГПУ за 1928 г. наблюдались продажи бедняками последних лошадей и коров для покупки хлеба, который поднялся в цене до 3-4 руб. за пуд. В Лужской волости Иваново-Вознесенской губернии ржаная мука поднялась в цене до 3 руб. 50 коп. и отмечены случаи, когда крестьяне ездят в города Родники и Шую за 40-60 верст за печным хлебом". Таким образом, впервые в истории советской России в условиях среднего урожая деревня не могла прокормить себя за собственный счет.

Эта же тенденция продолжалась и в марте. "Особенно слабо проходит кампания по очистке и сортировке зерна, – отмечается в сводке ОГПУ. Заявки населения на семматериалы значительно урезываются. Особенно остро стоит вопрос со снабжением семматериалом бедноты (Ленинградский, Череповецкий округ) кулаки, пользуясь недостатком семян, в ряде районов подняли цены на семматериал до 3 руб. за пуд (Боровичский округ).

---

[38] Цит. по: Гулаг: его строители, обитатели и герои (Россия – по дорогам фанатизма и мученичества). М.-СПБ., 1998. С. 8.

Итоги голода здесь подводит декабрьская сводка ОГПУ за 1928 г.: "Положение с хлебоснабжением населения по ряду губерний потребляющей полосы (Иваново-Вознесенская, Тверская, Рязанская, Калужская, Нижегородская) продолжает оставаться напряженным... Количество населенных пунктов и процент населения, употребляющего в пищу суррогат хлеба в декабре увеличился. В Шахновском сельсовете Тульской губернии хлеб, употребляемый бедняками, содержит на 60-80% суррогаты весьма низкого качества. На почве употребления в пищу хлеба весьма низкого качества отмечены заболевания".[39]

В отличие от упоминания голода в сводках ОГПУ в виде досадного следствия кулацких происков Е. Осокина пишет по этому поводу подробно и, главное, со знанием дела. "Весной появились донесения ОГПУ о локальном голоде в деревнях. Страдало в основном бедняцкое население. "Продовольственные затруднения" охватили Ленинградскую область (особенно Псковский, Новгородский, Великолуцкий уезды), ряд губерний Центрального района (Ярославская, Калужская, Тверская, Нижегородская, Иваново-Вознесенская, Владимирская, Рязанская, Тульская, Смоленская губернии)... В пищу употреблялись суррогаты хлеба. Что только не добавляли в него! – толченые клеверные головки и сушеную березовую кору, отруби, жмыхи, мякину, овес, гречневую, фасолевую и картофельную муку, отруби, вику, пареный лук. Желудочные заболевания стали принимать массовый характер. Начались опухания. Сводки ОГПУ свидетельствуют и о случаях голодной смерти. Усилился сыпной тиф. Семена проедались, и сев был под угрозой срыва. Нарастал убой и распродажа скота. Усилилось отходничество... Росло число "ходоков за правдой", избиений председателей сельсоветов, членов комиссий по распределению хлеба, а также взломов и поджогов амбаров, краж хлеба, демонстративных выходов из кооперативов".[40] Заметим кстати, что в это время голодала не только деревня, но и город, где срочно вводились карточки на продовольствие (подробности ниже).

В 1929 г. изменилась тональность сводок ОГПУ. Объем информации о российских регионах заметно сократился. В разделе "Крестьяне" исчезла рубрика "Продовольственные затруднения". Создается впечатление, что главный дирижер распорядился снизить тональности чрезвычайщины, подчеркивая теперь, что административное изъятие хлеба у крестьян не является поводом для социального взрыва. Тем не менее, из ставших чрезвычайно скупыми сводок ОГПУ видно, что голод продолжал обостряться.

---

[39] "Совершенно секретно". Лубянка Сталину... Т. 6. С. 114, 172, 619.

[40] Осокина Е. За фасадом "сталинского изобилия"... С. 64.

Так, в январской сводке сообщается, что в потребляющих районах Центра и Северо-Запада нормы выдачи хлеба "урезываются и сокращаются". В февральской сводке отмечается: "В феврале месяце положение с продовольственным снабжением сельского населения не улучшилось, а местами ухудшилось. Нормы выдачи хлеба в отдельных губерниях сокращены (Ярославская, Тульская, Иваново-Вознесенская, Калужская). По данным Калужского потребсоюза, в феврале в среднем на едока выдается не больше 6 фунтов в месяц (т. е. 80 г. в день – Ю. И.). В отдельных районах Нижегородской губернии крестьяне – бедняки пайщики кооперации получают 10-20 фунтов на хозяйство". Если считать минимальный размер сельской семьи 4 человека, то тогда на одного придется 80-160 г. хлеба в день. Поэтому не случайно в сводке по Ленинградскому военному округу указывается: "На почве систематического недоедания, употребления в пищу различных суррогатов хлеба зарегистрировано много заболеваний и опуханий, а в отдельных случаях и смерти детей".[41]

В этом же году беда пришла и в хлебородные округа России. В декабрьской сводке говорится, что в Центрально-Черноземной области "при значительном недостатке хлеба у бедноты ряда сел местные организации не принимают решительных мер к смягчению его. В некоторых селах беднота обращается за помощью к односельчанам. Отмечены случаи, когда за помощью хлебом обращались колхозники (Курский округ). Местами нуждающиеся в хлебе применяют суррогаты". А в Средне-Волжском крае фиксируется "недостаток хлеба у бедноты в Коровинском районе, где в ряде сел бедняки употребляют в пищу лебеду. Зарегистрирован один случай опухания членов семьи бедняка. Рядом с недостатком хлеба наблюдается отсутствие корма, в результате фиксируется усиленный падеж скота".[42]

Таким образом, беда так или иначе пришла во все вовлеченные в рыночные отношения села России. Начавшись в потребляющих губерниях голод зимой 1932 г. затронул хозяйства хлебородных округов. "Насильственная коллективизация, – пишет Н. А. Ивницкий, – привела к падению сельскохозяйственного производства. Валовой сбор зерна в 1931-1932 гг., несмотря на некоторый рост посевных площадей, снизился не только по сравнению с 1913 г., но и с доколхозным 1928 г. на 35-40 млн. центнеров, а урожайность с одного га составила 6,7-8 ц. против примерно 8,5 ц. в 1913 г".[43]

---

[41] "Совершенно секретно". Лубянка - Сталину... Т. 7. С. 48, 148.

[42] Там же. С. 583.

[43] Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание... С. 161.

Спасаясь от надвигающегося голода, многие не пожелавшие вступать в колхозы крестьяне, в том числе кулаки и середняки, распродав имущество, переселялись в города. Официально такое бегство из деревни называлось "самораскулачиванием".

Силовое изъятие зерна у крестьян дало меньшие плоды, чем в условиях конвенционного раздела рынка. В 1927/28-м хозяйственном году было заготовлено хлеба меньше, чем в 1926/ 27 г. 107-я статья показала, что крестьянских запасов порядка 900 млн. пудов, подсчитанных В. И. Немчиновым и А. И. Гайстером, нет. Когда экспертный совет ЦСУ под председательством члена коллегии П. И. Попова пересмотрел хлебофуражный баланс за 1926/28 г. то со всеми натяжками оказалось всего 529 млн. пудов, а в 1927/28 г. – 561 млн. пудов.

Но Сталина эти просчеты не смущали. Добиваясь административно-командного изъятия хлеба, он задолго до своей поездки в Сибирь сознательно блефовал разговорами о возможности социального взрыва, порожденного "кулацкой стачкой". Теперь эти разговоры стали не нужны. Избавившись от Троцкого и Зиновьева, Сталин готовился к новому туру борьбы. Дремавшие до этого противоречия между его прихлебателями и рыночниками стали новой осью развернувшейся политической борьбы.

Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6-11 апреля 1928 г по инициативе Бухарина и его последователей принял постановление, в котором, наряду с одобрением проводившихся Сталиным "экстраординарных мер", твердо указывалось, что "лозунг XV съезда партии "развивать дальше наступление на кулачество" осуществим лишь на основе "новой экономической политики", являющейся единственно правильной формой сочетания крупной социалистической индустрии и мелкого крестьянского хозяйства, и на почве строгого проведения революционной законности пролетарского государства". В связи с этим заявлялось, что "злостная агитация кулачества, нэпманов и их подголосков об отмене нэпа должна встретить решительный отпор со стороны партии. Поэтому же партия должна особенно решительно ликвидировать извращения и перегибы, которые наблюдались на практике и еще не изжиты до конца, несмотря на соответствующие предупреждения политбюро ЦК".[44]

Хотя по содержанию постановление было явно воинственно-рыночным, для Сталина с его командно-административными устремлениями оно не ставило реальных препон. 1 февраля 1930 г. ЦИК и СНК СССР принял решение: "1) отменить в районах сплошной

[44] ВКП(б) в резолюциях ... Часть II. С. 274.

коллективизации действие закона о разрешении аренды земли и применении наемного труда в единоличных крестьянских хозяйствах; 2) Предоставить краевым (областным) исполнительным комитетам и правительствам автономных республик право применить в этих районах все необходимые меры борьбы с кулачеством вплоть до полной конфискации имущества кулаков и выселения их из пределов отдельных районов и краев (областей)".[45]

Как указывалось в грозном постановлении Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) производственное кооперирование является основной целью социалистического преобразования сельского хозяйства. Но ни бедняки, ни остальные крестьяне не имели желания объединяться в производственные коллективы, "видя в них второе крепостное право. "Советская власть, – говорили крестьяне, – организацией колхозов стремится совсем закабалить крестьянство. При царе крестьяне работали на помещиков, а при Советской власти на коммунистов".[46]

Таким образом, наряду со сталинскими установками еще были установки противоположные. К сожалению, в "Сборнике материалов и документов о трагедии советской деревни в годы коллективизации и раскулачивания" нет даже упоминания ни о резолюции апрельского пленума "О хлебозаготовках текущего года и об организации хлебозаготовительной кампании на 1928/29 г.", как нет и упоминания о написанных в духе этой резолюции письмах Молотову Кондратьева, Чаянова, Вольфа – председателя сельскохозяйственной секции Госплана и других. Иначе говоря, борьба со сталинизмом провозглашалась на основе использования многочисленных просталинских документов при исключении из их перечня документов антисталинской направленности.

Говорить в предисловии сборника лишь о том, что замнаркома финансов СССР М. И. Фрумкин, будучи в первой половине января уполномоченным ЦК ВКП(б) и СТО на Урале, указывал, что "основными причинами, вызвавшими неудовлетворительный ход хлебозаготовок, являются цены и промтовары", значит не сказать ничего. Фрумкин был одним из очень немногих, осмелившихся вступить в открытую полемику со Сталиным по всем аспектам аграрной политики. 5 ноября 1928 г. он, как несогласный с линией политбюро, следуя еще сохранявшейся ленинской установке, разослал всем членам и кандидатам ЦК и членам ЦКК ВКП(б) письмо для коллективного обсуждения положения в сельском хозяйстве и взаимоотношениях с крестьянством.

[45] Законы о коллективизации сельского хозяйства и борьбе за урожай. М.-Л., 1930. С. 31-32.

[46] Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994. С. 138.

Об этом письме и его обсуждении у авторов предисловия сборника не сказано ни слова. А ведь это было последнее в истории компартии *критическое обсуждение* политической установки генсекретаря.

В письме Фрумкин констатирует, что в течение последних четырех лет хлебозаготовки (без учета маслосемян) практически остаются на одном уровне. В 1925/26 г. они равнялись 514 млн. пудов, 1926/27 г. – 646 млн. пудов, в 1927/28 г. – 616 млн. пудов, а по плану на 1928/29 г. они должны были составить 600 млн. пудов. На основе этих данных он пришел к выводу, что "продукция и товарность земледелия сохраняют почти стабильное положение, что в связи с ростом населения означает не только отставание от темпа развития промышленности, но и самое доподлинное отставание".[47]

В связи с этим Фрумкин предлагал всемерно развивать рынок на основе продаж состоятельных крестьян – кулаков и середняков, а государственные средства тратить на объединение бедноты в производственные кооперативы, к которым много позже придут те, кто сегодня обладает частным капиталом. "Мы можем рассчитывать, – писал он, – на возможный максимальный результат увеличения продукции сельского хозяйства путем мобилизации средств крестьян, которые, несомненно, могут сделать значительные вложения для развития своего хозяйства. Само собой разумеется, что вложение этих средств доступно только более крепким середнякам, зажиточной части и кулацкой верхушке. Максимальный эффект расширения посевных площадей и поднятия урожайности получится, если государственные средства будут использованы для подъема бедняцких и маломощных середняцких хозяйств (коллективных так и в меньшей степени единоличных) и при одновременном вложении своих средств зажиточными группами".[48]

В ответ Сталин, ссылаясь на аксиому большевизма о сосуществовании в России элементов социализма и капитализма, ограничился лишь несколькими проклятиями в адрес автора этого письма. Он утверждал, что "основная ошибка Фрумкина состоит в том, что он видит перед собой только *одну* задачу поднятия индивидуального крестьянского хозяйства", что "на самом деле письмо Фрумкина является, ходатайством за *облегчение* кулака, ходатайством *за отмену ограничений* в отношении кулака".[49]

---

[47] Письмо М. Фрумкина, разосланное всем членам и кандидатам ЦК и членам ЦКК ВКП(б) о положении сельского хозяйства и о взаимоотношениях с крестьянством. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 333. Л. 19.

[48] Там же. Л. 25.

[49] Сталин И. В. Т. 11. С. 122-123, 125-126.

Действительно, для всех российских коммунистов, искавших решение проблем в реалиях Европы первой половины XIX в., всякое частное хозяйство отождествлялось с феноменом капитализма. Лишь немногие из них были знакомы по первоисточникам с европейскими идеями XX в. После прихода коммунистов к власти подавляющее большинство тех, кто знал европейские языки, не имели к первоисточникам доступа, а те, кто имел доступ, не знали языков либо не имели желания изучать идеи, которые с высоты коммунистического чванства уже давно пора было выбросить как устаревший хлам. Вместо осмысления окружающих их реалий, вся энергия управленческого аппарата компартии уходила на мелочную возню борьбы за власть, где Сталин себя чувствовал как рыба в воде.

Мы уже оговаривали, что Ленин в конце жизни пришел к выводу о том, что кооперация индивидуальных крестьянских хозяйств, в условия, как он считал, диктатуры пролетариата по сути своей является социалистической. А это означало, что состоятельные слои деревни: кулаки и середняки благодаря рынку становятся ячейками социалистической организации общества, переставая быть представителями капиталистической стихии.

Основой же власти Сталина был не рынок, а внеэкономическое принуждение. Поэтому, стремясь показать себя верным учеником Ленина (так требовал ритуал) он ссылался на его установки эпохи военного коммунизма, в частности, формулу: опора на бедноту в союзе с середняком для решительной борьбы с кулаком. Формула давала возможность, избегая рынка, изымать продовольствие командно-административными методами. Однако в отличие от прошлого теперь она была призвана обслуживать не деревню, а промышленность, где, как и в сельском хозяйстве, во все большей мере нарастали внеэкономические меры принуждения к труду.

Как известно, в основе прежней формулы союза с середняком была заложена идея массового производственного кооперирования крестьянства, в котором середняк должен был принимать активное участие. В связи с этим, чтобы не расходиться с Лениным, середняк был лукаво поделен на два подвида: один зажиточный середняк, примыкавший к кулаку, другой маломощный – тяготевший к бедноте. К последнему причисляли тех, у кого посевы зерновых были не больше 2-х десятин. Фактически это был тот же бедняк, тогда, как собственно середняк, по оценке Прокоповича (мы с ним согласны) был тот, кто имел не менее 4-х десятин посева. В результате середняк в разных ипостасях – "маломощный" и "зажиточный" стал непременным персонажем бесчисленных постановлений и прессы, контролируемой большевиками.

Другая особенность официальных компромиссных установок силовиков с рыночниками заключалась в том, что всех сторонних лиц, трудившихся в хозяйствах кулаков и середняков России, причисляли к наемным рабочим, хотя они не получали зарплаты, а трудились за хлеб, о чем свидетельствуют все многочисленные обследования. Опять-таки это было нововведение далекое от марксизма вообще и ленинских представлений об отработках в особенности. Между наймом и отработками существуют глубокие различия. При найме работник сам кредитует предпринимателя, продавая свою рабочую силу, при отработках, наоборот, владелец средств производства кредитует работника, предоставляя стол, кров, возможно, одежду. Окончательный расчет при этом производился хлебом. Россия в этом отношении была отнюдь не уникальна. Подобные отработки, принимавшие разнообразный характер, были наиболее характерной чертой отсталых крестьянских стран Востока, где низкая производительность труда делала наемный труд, как правило, невыгодным.

О каком наемном труде могла идти речь, если "производительность ручного труда в сельском хозяйстве мизерна, а именно: при уборке хлеба серпом один работник убирает десятину в течение 7-8 дней, обмолот урожая с одной десятины при ручной работе занимает 15 рабочих дней. Такие нормы производительности не обеспечивают товарности сельскому хозяйству, неизбежно затягивают уборку и реализацию хлебов, а в случае неблагоприятной погоды создают угрозу и в смысле огромных потерь в урожае".[50] В свою очередь "мизерная" производительность труда создавала идеальный климат для существования отработок, включавших насильственные методы принуждения к труду.

Стремясь повсеместно утвердить отношения внеэкономического принуждения, Сталин добивался всеобъемлющего господства "единой фабрики", которая знает только один язык отношений со своими работниками – язык беспрекословного исполнения распоряжений начальства. Об этом же в свое время говорил Ленин, утверждая, что социализм будет означать совокупность "работников и служащих *одного* крупного "синдиката" при полном подчинении "всей работы этого синдиката государству". "Все общество, – предсказывал Ленин, – будет одной конторой и одной фабрикой" с "фабричной дисциплиной", которую победивший капиталистов, свергнувший эксплуататоров пролетариат распространит на все общество".[51]

---

[50] Справка и другие материалы наркомзема. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 276. Л. 17.

[51] Ленин В. И. Государство и революция. Т. 33. С. 97, 101.

Естественно, что опиравшаяся на государственное принуждение фабричная дисциплина, распространенная на все общество, несовместима с каким-либо общественным контролем над администрацией, с какой-либо демократией. Возникающая при этом строгая иерархия огосударствленных должностей, беспрекословное выполнение исполнение указаний директора, в таких случаях составляет основу организации общественного производства.

Эти же представления о казарменном социализме были характерны для первой половины XIX века, когда еще совершался промышленный переворот. Между тем уже в конце этого века под воздействием рынка дилемма капитализма и социализма стихийно стала исчезать, порождая новые формы общественного производства в виде трестов. Самое замечательное, что Маркс и Энгельс одними из первых отметили процессы становления социалистического общества в рыночных условиях.

В частности, Маркс и Энгельс доказывали, что по мере роста акционерных компаний производство "становится общественным", а его частнокапиталистические формы упраздняются.[52] Это дало им основание обосновано утверждать, что "вследствие развития самой системы капиталистического производства капиталисты вытесняются точно так же, как ткач, работающий на ручном станке".[53]

"Что же представляет собой *частное* капиталистическое производство? – риторически спрашивал Энгельс и отвечал, – Производство, которое ведется *отдельным* предпринимателем; а ведь оно уже все больше и больше становится исключением. Капиталистическое производство, ведущееся акционерными обществами – это уже больше не *частное* производство, а производство в интересах многих объединившихся лиц. Если мы от акционерных обществ переходим к трестам, которые подчиняют себе и монополизируют целые отрасли промышленности, то тут прекращается не только *частное производство,* но и отсутствие планомерности".[54]

Разумеется, Энгельс здесь еще остается в плену директивного планирования. Но в данном случае не это суть важно, а его указание на то, что частное производство как самостоятельная категория эпохи капитализма исчезает. Оно само превращалось в неотделимую часть акционерного производства, зачастую протекавшего за его стенами. С

---

[52] См. Маркс К. Капитал. Т. 25. Ч. 1. С. 479.

[53] Энгельс Ф. Общественные классы – необходимые и излишние. Т.19. С. 298-299.

[54] Энгельс Ф. К критике проекта социал-демократической программы 1891 г. Т. 22. С. 234.

тех пор прошло почти 40 лет, когда под воздействием рынка четко обозначились новые тенденции в управлении акционерными компаниями, тенденции перехода всего управления корпорациями от частных лиц, владеющих капиталом, к наемному директорату. Эти новые тенденции на американском материале были впервые осмыслены А. Берлом и Г. Минсом, опубликовавшими в 1929 г. книгу "Современная корпорация и частная собственность".[55]

Таким образом, в то время как мир все дальше продвигался на путях рыночного прогресса, Россия все дальше уходила от столбовой дороги развития человечества, замыкаясь в своих кровавых усилиях ликвидировать последние остатки рынка. Беда заключалась не только в том, что компартия окончательно превратилась в реакционную силу, но и в том, что проводившиеся ею антирыночные мутации протекали на громадной территории земного шара, где в огромных анклавах, несмотря на жесточайшие преследования, сохранялся взращенный рынком европейский менталитет. Естественно, каким бы не был кратким этот период с точки зрения мировой истории, его последствия не могли не сказаться на судьбах всего человечества.

Антирыночные мутации окончательно изменили весь облик страны, превратив ее в заповедник подневольного труда. Свобода с ее идеалами демократии и равенства всегда обусловлена существованием юридически независимых лиц. Экономической подоплекой подобных отношений может быть только рынок с его обменом стоимостями. По удачному выражению Маркса, демократические свободы являются лишь "идеализированными выражениями обмена меновыми стоимостями".[56] В этом Маркс, безусловно, прав. Не случайно демократия впервые явилась непременным спутником буржуазного общества, отношения которого базировались на рыночных связях. Другой ее экономической подоплеки человечество не знало и не знает до сих пор.

С ликвидацией рыночных отношений принудительный труд стал повсеместной основой всего советского общества. Правда, порой его ограничивают рамками одного лишь гулага. Но это неверно. Не только его узники, но и остальные сегменты армии труда обязаны были безропотно исполнять диктаторские установки государственного аппарата. Помимо заключенных, были обязанные трудиться спецпоселенцы, не имевшие права покидать отведенные им места проживания, были лишенные паспортов колхозники, вынужденные за

[55] Berle A. A. Means G. C. The Modern Corporation and Private Property. N. Y., 1935.

[56] Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов (первоначальный вариант "Капитала"). Т. 46. Ч. 1 С. 191.

ничто трудиться на общественных полях, наконец, в городах, чтобы работать, требовалась прописка, без которой на работу никто не принимался, а в случае самовольного ухода с места работы их объявляли тунеядцами и высылали в места с более жесткими мерами государственного принуждения. Собственно вольнонаемного труда, о котором порой пишут многие сотрудники РАН, практически не было.

Чтобы заставлять трудиться, постоянно требовалась сила принуждения, ударный костяк которой составляли войска ГПУ и милиция. Причем ее роль по мере развития сталинского "социализма" постоянно росла. Известный тезис о возрастающей роли насилия в условиях "сталинского социализма" был абсолютно верен. Насилие было его необходимым компонентом. Его использование, во-первых, позволяло перемещать трудившихся в зависимости от обстоятельств в более или менее жесткие условия принуждения и, во-вторых, неограниченно выявлять врагов народа.

В обстановке театрализованного восторга и одобрения действий властей на митингах, собраниях, демонстрациях и т. д. ГПУ и милиция с их гигантской сетью информаторов становились единственным источником получения "объективных" сведений об отношении населения к тем или иным событиям, подкрашенными фольклором чекистского происхождения. Так, с начавшейся в 1924 г. распродажей водки ее расфасовка "получила своеобразные шутливые, но весьма политизированные названия – бутылку 0,1 литра называли пионером, 0,25 литра – комсомольцем, а 0,5 литра – партийцем". Зато пьяниц стали называть "приспешниками троцкистско-зиновьевской банды".[57]

Наиболее жестокая система принуждения действовала в концлагерях ГУЛАГа. "Опьянение властью над людьми, – пишет В. Шаламов, – безнаказанность, издевательства, унижения, поощрения – нравственная мера служебной карьеры начальника"[58]. В лагерях ГУЛАГа его первыми помощниками в этих делах были так называемые сталинские урки ("суки"), которые в отличие от отказников (блатарей), становились десятниками, бригадирами и т. п. Впервые эта подлая система была опробована на Соловецких островах.

Приходится только удивляться тому, что признанные знатоки истории сталинского ГУЛАГа заявляют о том, что "первым примером запуска крупного проекта с использованием принудительного труда, было строительство Беломорско-Балтийского канала, который никогда

[57] Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. СПБ., 1999. С. 33, 45.

[58] Шаламов В. Преодоление зла. М., 2003. С. 651.

активно не использовался".[59] Между тем Соловецкие острова своим беспримерно жестоким принуждением еще в 20-х годах прославились на всю страну, став позднее основным поставщиком подневольных кадров для балтлага.

Концентрационный лагерь здесь возник в 1923 г. Все старшие административные командные должности занимали проштрафившиеся спившиеся чекисты, на остальных – заключенные. Особенно много прогорало чекистов на так называемой "золотухе", когда в случаях острой нехватки валюты вход шли чрезвычайные меры – ОГПУ поручалось добыть у населения 1-2 млн. руб. золотом, после чего следовали аресты с целью вымогательства ценностей, часть которых оседала в карманах бравых чекистов.[60] В 1925, 1926 и 1927 годах вольнонаемных на Соловках не было. В обязанности ответственного руководителя работ входило "избиение работающих арестантов, глумление и издевательства над их личностью: а на лесозаготовках и телесные пытки. Для уборки замученных регулярно присылались сани. На 2-х – 3-х санях громоздились "груды трупов, якобы умерших, – пишет И. М. Зайцев, – на самом деле забитых до смерти или замерзших, так как казенной одежды не было: работали в своей; многие полуголые; тут же привозили группу лесорубов с отмороженными руками и ногами, а сзади саней шла партия окровавленных, избитых и изувеченных лесорубов, которые выжили все пытки, а сейчас отправляли их как слабосильный элемент, не поддающийся воздействию. В лесу, на местах работ, некоторые лесорубы, доведенные до отчаяния, отрубали себе кисти или ступни ног. За это согласно приказу угрожал расстрел".[61]

На рубеже 30-х годов метастазы подобного подневольного труда вышли далеко за пределы Соловецких островов. На базе плодившихся

[59] История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Массовые репрессии в СССР. Т. 1. М., 2004. С. 28.
[60] "Могут убрать к черту". Документы политбюро ЦК ВКП(б) о внешнеэкономической политике партии. 1929-1934. // Исторический архив. 1996. № 3. С. 151. Похищение людей с целью вымогательства ценностей в начале 30-х годов было повседневной нормой. Однако начало использования этого бандитского приема, за который сегодня полагается уголовное наказание, относится к 20-м годам не только на территории России, но и в Средней Азии.
[61] Зайцев И. М. (генерал-майор). Соловки (коммунистическая каторга, или место пыток и смерти). Шанхай, 1931. С. 21-22. Зайцев И. М. – генерал-майор белой армии. Из Синьцзяна добровольно вернулся в Россию. Через 2 месяца арестован. Сослан на Соловки, откуда успешно бежал.

как грибы концентрационных лагерей 28 июня 1929 г. возникло управление северных лагерей особого назначения. Местом его дислокации стал Усть-Сысольск (ныне Сыктывкар) Под его началом находились концентрационные лагеря в Вишере, Котласе, на территории Карелии, Кольском полуострове и. т. д. Заключенных заставляли работать, прежде всего, на лесоповале, так как лес в этот период был одним из важнейших источников валютных поступлений. Эти лагеря стали основными поставщиками рабочей силы для строительства Беломорско-Балтийского канала.

В 1930-м году, когда соловковская система непосильного труда, издевательств, пыток и убийств уже стала обыденной нормой на громадных просторах "родины чудесной", США первыми (в этом их несомненная историческая заслуга) показали мировой общественности пример борьбы против использования в СССР принудительного труда. Здесь вводились "ограничительные барьеры против советского экспорта: спичек, лесоматериалов, антрацита, марганцевой руды, асбеста... Советское правительство обвиняли в применении принудительного труда и продаже товаров на международных рынках по ценам ниже себестоимости".[62]

В ответ на эти обвинения предсовнаркома Молотов цинично доказывал, что только в СССР существует *самый свободный в мире труд.* Подобно опытному десятнику, прошедшему кровавый бригадирский путь с беспредельной властью над заключенными, он по сталинской команде в ярких красках расписывал счастливую жизнь узников концентрационных лагерей.[63] "Могу еще добавить несколько слов об условиях труда и быта заключенных, – говорил он на VI съезде советов. Продолжительность рабочего дня установлена во всех лагерях заключенных в 8 часов. При получении обеспеченного пайка и вообще достаточного снабжения и, кроме того, ежемесячного получения от 20 до 30 руб. на руки, они имеют нормы труда, не превышающие выработку вольного рабочего. Лагеря представляют собой поселения людей, свободно, без охраны, передвигающихся и работающих на территории соответствующего строительства. Здесь развернута культурно-воспитательная работа, получаются книги и журналы... К позору капитализма многие и многие тысячи безработных позавидуют сейчас условиям труда и жизни заключенных в наших северных районах".[64] При

[62] Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925-1936. М., 1995. С. 195.
[63] Кровавую роль десятников прекрасно описал В. Шаламов//Шаламов В. Преодоление зла... С. 760.
[64] Отчет правительства Союза ССР. Доклад предсовнаркома СССР Молотова VI съезду Советов//Правда 11 марта 1931.

такой идиллии вряд ли стоило ему беспокоиться за судьбу своей жены, когда она распоряжением Сталина стала подневольной гулаговской системы.

Естественно, что первые серьезные попытки анализа принудительного труда в СССР происходили при непосредственном участии тех, кто вынужден был покинуть Союз. В частности, наиболее обстоятельно этот вопрос был проанализирован в экономическом кабинете проф. С. Н. Прокоповича в Праге, где было выделено "три основные группы применения принудительного труда в СССР:

1) Принудительный труд, назначаемый судом и административными органами за преступления и проступки;

2) Скрытые виды применения принудительного труда в виде выполнения различного рода повинностей и трудовых обязательств;

3) Косвенное принуждение к труду, посредством создания условий невозможности свободного выбора, перемены труда, отказа от определенного вида труда и т. п.".[65]

Фактически сотрудники Экономического кабинета охватили весь спектр использования принудительного труда в СССР, включая его якобы вольнонаемные разновидности.

Другое дело вопрос о выгодности подневольного труда по сравнению с вольным. Как известно, в нашей стране на основе манипуляций ГПУ десятилетиями доказывалось, что труд заключенного, содержание которого по официальным отчетам за 1932-1933 гг. составляло треть средней (включавшей плату управленческого персонала) оплаты труда в Советском Союзе, наиболее выгодный, обеспечивающий государству самые высокие доходы[66]

Подобными выкладками руководствовались, например, Д. Даллин и Б. Николаевский. Согласно данным, приведенным в их книге, в 1932-1933 гг. содержание заключенного обходилось в 500 руб. в год, тогда как средняя зарплата по стране равнялась 1496 руб. в год.[67] Но такие выкладки искажают подлинную картину. В них не учитывается содержание штата многочисленной охраны, которая вместе с бригадирами, десятниками и прочими "суками" постоянно обворовывали заключенных, лишая их всего, в том числе хлебной пайки. О том, как это делалось, красноречиво рассказано В. Шаламовым, на собственном

[65] Вопрос о принудительном труде в СССР//Бюллетень Экономического кабинета проф. С. Н. Прокоповича. Прага, май 1931. № 88. С. 3.
[66] См. Гвоздкова Л. И. Сталинские лагеря на территории Кузбасса. Кемерово. 1994. С. 91.
[67] Dallin D., Nicalaevsky B. Forced Labor in Soviet Russia. New Haven, 1947. P. 88.

горбу, испытавшим эту систему. В условиях, когда орудиями труда были деревянная тачка, топор, лом, и т. д. государству доставались лишь крохи от постоянно голодающего, стынущего на лютом морозе узника. Да и этот результат достигался лишь благодаря форсированному непосильной работой его уничтожению. В действительности труд узника по сравнению с трудом настоящего наемного рабочего был крайне невыгоден.

В 2004 г. была опубликована интересная работа С. Журавлева и М. Мухина "Крепость социализма", посвященная социальной истории московского электрозавода.[68] В ней приводятся следующие показатели: Выработка продукции в рублевом выражении на одного работника составила на заводе в 1930 г. – 987 руб. (при средней зарплате – 114,2 руб.), в 1931 г. – 1031 руб. (при зарплате 131 руб.). Таким образом, судя по официальным данным заводской администрации, средний рабочий получал в виде прямой зарплаты только 9-ю часть того, что реально вырабатывал. Восемь девятых, таким образом, составляла прибавочная стоимость.

Известная ее доля поступала на содержание управленческого аппарата. По данным С. Журавлева и М. Мухина, "заработок среднего служащего не только превышал заработок рабочего в 2 раза, но и, по документам завода, заметна тенденция увеличения этого разрыва в течение 1930-х гг.".[69] Даже в гипертрофированном случае совпадения числа служащих с числом рабочих на зарплату управленческому персоналу уходило бы две девятых прибавочной стоимости, а остаток (шесть девятых) поступил бы в распоряжение государства. А это указывает на то, что чем меньше спектр принуждения, тем выше производство прибавочной стоимости, поступавшей в распоряжение государства. Вместе с тем не следует забывать, что неотделимой составляющей указанного производства прибавочной стоимости был труд заключенных, занятых в данном случае на рудниках производивших вольфрам и молибден.

Рыночные отношения открывали неизмеримо больший простор для развития производительных сил и подъема жизненного уровня населения по сравнению с достижениями "первой в мире стране победившего социализма". В то время как в России потребление товаров и услуг неуклонно сокращалось по сравнению с 1913 г., в ведущих европейских странах, несмотря на экономическую депрессию, оно было много выше довоенного времени. Например, в 1935 г. по сравнению с

[68] Журавлев С., Мухин М. "Крепость социализма". Повседневность и мотивизация труда на советском предприятии. М., 2004.
[69] Там же. С. 65.

1913/14 г. потребление товаров и услуг рабочими и служащими в Германии составило 123%. во Франции – 483%, в Англии – 143%, Финляндии – 997%.[70]

Чтобы убедиться в преимуществах стран с рыночной экономикой, достаточно сравнить Финляндию и Карелию. Природные условия и тут и там примерно одинаковы, примерно одинаковы и исторические привычки населения. Различие между ними заключалось в том, что первая развивалась в условиях рынка, вторая имела несчастье превратиться в гигантский ГУЛАГ, где "на производственных командировках за невыполнение уроков заключенных оставляли на ночь в лесу, где они отмораживали себе конечности".[71]

Руками заключенных здесь были построены не только Беломорско-Балтийский канал, но и Сегежский целлюлозно-бумажный комбинат, железнодорожная линия Сорокская-Обзерная, Пиндушская судоверфь, Сорокинский порт, Повенецкий судоремонтный завод и т. д. К началу 1940 гг. заключенные давали более половины всей заговлявшейся в республике древесины".[72]

Разумеется, не все население Карелии числилось в лагерях. Но, как писал еще И. Солоневич, "ничем существенным лагерь от "воли" не отличается. В лагере, если хуже, чем на воле, то очень уже не намного – конечно, для основных масс лагерников – для рабочих и крестьян. Все, что происходит в лагере, происходит и на воле – и наоборот. Но только в лагере все это нагляднее, проще, четче".[73]

Но всякий принудительный труд – проклятие. У основной массы узников основная задача состояла в том, чтобы в рамках возможного и невозможного всячески его избегать. Поэтому для выполнения плана по инициативе лагерной администрации сознательно истреблялись лучшие леса, наиболее ценные природные ресурсы, оставляя после себя на долгие годы непригодную для хозяйственного освоения пустыню.

Россия с ее хищнически истреблением населения и не менее хищническим истреблением лесов уже в 30-х гг. уступала во всех отношениях маленькой Финляндии, ставшей в условиях рынка одним из ведущих мировых производителей леса и продуктов его переработки: бумаги, бумажной массы, пиломатериалов и т. д. Причем, все это было

[70] См. Annuare des Statstiques du Travail 1935-1936. Geneva, 1936.
[71] Их называли КР. Петрозаводск, 1992. С. 13.
[72] ГУЛАГ в Карелии. Сборник документов и материалов. 1930-1941. Петрозаводск, 1992. С. 3.
[73] Солонович И. Россия в концлагере. Buenos Aires. 1958. С. 10. И Солонович еще до исследования кабинета Прокоповича указал на повсеместность принудительного труда в СССР.

достигнуто в обстановке подъема жизненного уровня масс, когда уровень жизни советского инженера стал намного ниже уровня жизни финского рабочего.[74] Стоит ли удивляться тому, что вся страна поддерживала К. Г. Маннергейма, когда он последовательно пресекал попытки своего "великого" соседа, изгнав финнов, превратить Финляндию в очередной заповедник подневольного труда "первого в мире государства построившего социализм".

Сталин собирался навсегда лишить финнов родины, чтобы они навсегда забыли, что такое свободная жизнь. На совещании во время войны 1939-1940 г. он предложил "переселить население Финляндии в соответствующие климатические условия, а сюда (имеется в виду Финляндия – Ю. И.) пересилить другое население из соответствующих климатических условий. В чем дело, – заявил он, – население Финляндии меньше, чем население одного Ленинграда! Можно переселить".[75]

Гулаг – наиболее одиозная форма использования подневольного труда. О нем написаны горы книг. Среди них – шеститомник "История сталинского ГУЛАГа (конец 1920-х – первая половина 50-х гг."), составленная на основе официальных документов этого ведомства и курировавших его организаций. В результате само видение предмета исследования (хотят этого авторы или нет) преломляется сквозь призму взглядов тех, кто непосредственно был заинтересован в существовании подневольного труда узников концентрационных лагерей. С таким же успехом можно изучать, например, Освенцим, опираясь исключительно на документы Гиммлера и его команды.

Знать документы подобного типа, разумеется, необходимо. Однако для полного познания объекта исследования нужно использовать также документы и тех, кто находился на положении узников, погибавших от голода и непосильного труда. Эталоном в этом отношении может служить, например, книга польского исследователя Яна Зена, собравшего документы о концентрационном лагере Освенцим-Бжезинка.[76]

При одностороннем же подходе авторов "Истории сталинского Гулага" они невольно либо сознательно скатываются до оправдания существования (с незначительными поправками) того самого явления, с которым заранее объявляли непримиримую борьбу. С этой точки зрения весьма примечательна их оценка смертности в ГУЛАГе. "Смертность в

[74] См. там же.
[75] Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1990 С. 349.
[76] Концентрационный лагерь Освенцим – Бжезинка (Auschwitz-Birkinau). На основании документов и источников составил д-р Ян Зэн. Варшава, 1957.

Гулаге превышала смертность гражданского населения, – меланхолично констатируют они. В начале 1930-х гг. смертность составляла 3-5%. Этот показатель увеличился до 15% по отношению к среднегодовому числу заключенных в 1933 г. и затем опять снизился до 2-5%".[77] Низкие показатели в данном случае объясняются просто: узники лагерей в течение нескольких месяцев умирали от голода, издевательств и непосильной работы. Затем их сменяли новые кандидаты на смерть при маломенявшейся годовой численности заключенных.

Таким образом, если не вдаваться в выходящие за рамки официальной статистики подробности, то создается видимость благопристойного благополучия, оправдывающего вывод составителей сборника о том, что "любой политический режим (во всяком случае, большинство из них) стремится к тому, чтобы содержание заключенных хотя бы частично окупалось их трудом. Однако режимы, которые принято называть тоталитарными, сажают за решетку не только воров, убийц, насильников, но своих политических противников и оппонентов – реальных, потенциальных, а часто воображаемых".[78]

Вспомним еще одну выходящую за рамки официальной статистики подробность: в ГУЛАГе содержание воров, насильников и убийц никогда даже частично не окупалось их собственным трудом. Они неизменно были в числе тех, кто вместе с администрацией лагерей убивали узников голодом и непосильной работой.

Такое же применение уголовников для уничтожения заключенных практиковалось и в гитлеровских концентрационных лагерях. Причем и здесь использовалась аналогичная гулаговской бухгалтерия учета смертности. Так, в Освенциме, по гитлеровским данным, за время от 19 января до 19 августа 1942 г. "умирало в один день: меньше всего 19. 1. 1942 г. – 17 заключенных, больше всего 18. 8 1942 г. – 390, в среднем 97 заключенных. По отношению к численности заключенных на данный день самая малая смертность заключенных в течение одного дня составляла 0,14%, а самая большая – 2,85%. Численный состав заключенных на день 19. 8 1942 г. равнялся 22925". За этими внешне благополучными цифрами скрывается тот факт, что в течение года истреблялось от 10 до 20 контингентов зарегистрированных узников.[79] Что же касается тех, кого эшелонами отправляли в освенцимские крематории, то их учитывали по другому списку.

[77] "История сталинского Гулага": краткий обзор основных проблем и концепций//"История сталинского Гулага"... Т. 1. С. 39.

[78] Краткий обзор основных проблем и концепций//"История сталинского Гулага"... Т. 1. С. 33.

[79] Концентрационный лагерь Освенцим – Бжезинка... С. 46-47, 124.

Благостное отношение к использованию принудительно труда составляет лейтмотив комментариев сборника. "Смертность была неразрывно связана с режимом содержания заключенных, – пишут авторы. Децентрализация управления привела к серьезным нарушениям режима на местах, но с переходом на централизованную систему управления из центра была направлена на места система "нормативов". Администрация Гулага устанавливала нормативы на жилье, еду и одежду и местные власти должны были следовать им. Хотя существовала большая дистанция между нормативами и их использованием, сам факт их существования показывает намерение управленческого аппарата поддерживать работников в состоянии, позволяющем им работать продуктивно. Наказания за недостаточное снабжение или другие злоупотребления обычно не были очень строгими, однако они существовали. Из страха перед наказанием местные администраторы преуменьшали в отчетах смертность, и был даже случай, когда конвоиры покончили собой, опасаясь, что их накажут за плохое обращение с заключенными".[80]

Не правда ли, какая трогательная забота ОГПУ о работоспособности заключенных. В действительности, и для руководителей центрального аппарата ГУЛАГа, и для руководителей его подразделений на местах заключенные были всего лишь "лагерной пылью", "продуктивность" которой исчислялась кратчайшей смертью от непосильного труда и заменой их новым контингентом несчастных.

Указанные выше заходы и оговорки, в конечном счете, сводятся к одному – оправдать с "исторической точки зрения" существование ГУЛАГа. Как подчеркивают составители сборника "исторический подход" имеет право на существование, оценивая экономику принудительного труда в контексте ее времени. "Такой ключевой реальностью 1930-х – 1950-х гг., – пишут они, – была советская индустриализация, имевшая, как неоднократно отмечалось в литературе, догоняющий, экстенсивный характер и по этой причине осуществлялся государством при помощи преимущественно насильственных методов. Во-первых, она (речь идет об экономике принудительного труда – Ю. И.) обеспечивала развитие тех отдаленных районов, привлечение в которые вольнонаемных работников требовало значительных средств. Во-вторых, она поставляла чрезвычайно мобильную рабочую силу, легко перебрасываемую с объекта на объект в зависимости от потребностей государства. В-третьих, эту рабочую силу можно было эксплуатировать практически без ограничений вплоть до полного истощения. В-

[80] Краткий обзор основных проблем и концепций//"История сталинского Гулага"... Т. 1. С. 39.

четвертых, угроза попасть в жернова Гулага "дисциплинировала" "свободных" работников. В-пятых, существование значительной прослойки заключенных и других "спецконтингентов" снижало давление на скудный потребительский рынок, облегчало решение острейшей жилищной проблемы и т. д.".[81]

"Не правда ли, – скажет читатель, – это панегирик существовавшему в свое время ГУЛАГу, где число жертв исчислялось миллионами". Вряд ли стоит критически разбирать цитированную выше обскурантистскую галиматью. Отмечу только, что накануне коллективизации тяга крестьян добровольно переселяться в Сибирь из европейской России была огромной. "На почве продзатруднений по Псковскому, Новгородскому и Великолукскому округам, – отмечалось, например, в сводке ГПУ за 1928 г., – растет переселенчество крестьян из недородных районов в Сибирь, ДВК и другие области. В Великолукском округе переселение крестьян носит массовый характер, и заявки на переселение далеко превышают представленные округу наряды". Согласно приведенным данным, по нарядам имелась возможность переселить 4500 хозяйств, а заявок было подано 11527. В связи с этим составители сводки указывали: "так как переселенческие органы не в состоянии удовлетворить полностью все заявки, крестьяне уезжают самостоятельно. В большинстве переселяется беднота, маломощное крестьянство и частью середняки. Среди кулачества тяги к переселению нет".[82] Вряд ли здесь стоит сравнивать эффективность труда таких переселенцев в освоении необжитых пространств Сибири и Дальнего Востока с эффективностью труда спецпереселенцев. Тем не менее, в годы сплошной коллективизации добровольное переселение было запрещено, так как колхозы нуждались в бесплатных работниках.

Наконец, последнее – неверно утверждение составителей сборника о том, что "именно физическое уничтожение "врагов", а не их использование в качестве "дешевой" рабочей силы, с самого начала было объявлено главной целью "большого террора".[83] На самом деле в годы "большого террора" были уничтожены сотни тысяч "врагов народа" для того, чтобы основную массу остальных уничтожать непосильным трудом в качестве "дешевой" рабочей силы. Чтобы убедиться в этом, достаточно почитать прекрасные рассказы В. Шаламова, книгу Е. Гинцберг "Крутой маршрут", а также произведения множества других авторов, известных всякому мало-мальски интеллигентному читателю.

[81] Там же. С. 46.

[82] "Совершенно секретно": Лубянка – Сталину... Т. 6. С. 620.

[83] Краткий обзор основных проблем и концепций//"История сталинского Гулага"... Т. 1. С. 30.

Основной предпосылкой созданной Сталиным всеобъемлющей системы внеэкономического принуждения было существование всеобъемлющей собственности государства на средства производства. Государство одновременно было производителем и потребителем того, что оно производило. Иначе говоря, производство и потребление здесь, как и в натуральном хозяйстве замыкались преимущественно на самом себе.

Будучи аппаратом насилия, многократно возросшего в условиях всеобъемлющего принуждения, оно могло потреблять преимущественно лишь то, что было необходимо для существования силовых структур, среди которых ведущее место занимала армия, нуждавшаяся в милитаризованном хозяйстве. Таким образом, милитаризация промышленности нашей страны отнюдь не была случайностью. Она была необходимой предпосылкой ее нормального функционирования. Стоит ли удивляться тому, что к концу существования сталинского социализма 80% всех производственных мощностей нашей страны так или иначе работали на армию.

Начало этому положил переход к ликвидации рынка и утверждение силовых методов изъятия хлеба у крестьян. "Военная истерия 1927 г., – обосновано пишет Ф. Шейла, – изменила атмосферу, и вскоре правительство решило ввести в стране "предмобилизационное положение", сохранявшееся на протяжении всех 30-х гг. С этого времени советские границы были почти закрыты для перемещения людей и товаров, и СССР заявил о своем намерении добиться "экономической самостоятельности".[84] Под предлогом "предмобилизанного положения" промышленным предприятиям присваивалось звание "крепость социалистической обороны", где вводился непрерывный круглосуточный график работы, а рабочему и инженерно-техническому персоналу запрещалось увольняться и переходить на другую работу.

Советский Союз намного раньше, чем остальные страны Европы ввел "предмобилизационное положение" с целью перестройки промышленности на военный лад. Тем не менее, как показали последующие события, наша страна так и осталась неготовой к грядущей войне, с которой сталинское руководство связывало свои экспансионистские планы. Насильственное принуждение к труду открывало намного меньше возможностей для решения военных задач по сравнению с возможностями стран с рыночной экономикой.

Чтобы подстегнуть милитаризацию экономики в обстановке острейшего дефицита требовалась угроза надвигающейся войны. Хотя ее

[84] Шейла Фицпатрик Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город. М., 2001. С. 11-12.

угроза постоянно муссировались в течение всех лет существования советской власти, окончательная ликвидация рынка потребовала принятия более радикальных мер. Поводом послужила нота 23 февраля министра иностранных дел Великобритании О. Чемберлена, в которой СССР обвинялся во вмешательстве в ее внутриполитическую жизнь. По инициативе СССР, здесь развертывалась кампания с требованиями роспуска парламента, отставки правительства консерваторов и прихода к власти "подлинно рабочего правительства". Поскольку вмешательство не прекращалось, английская полиция 12 мая произвела обыск в помещении англо-советского акционерного общества "Аркос". Собранные материалы дали основание правительству Великобритании объявить о разрыве дипломатических отношений между странами. 7 июня 1927 г. независимо от этого разрыва был убит посол в Польше убийца царя, присвоивший его перстень П. Л. Войков.

Указанные события были использованы для раздувания невиданного военного психоза, предварившего новую волну террора внутри страны. 27 июня 1927 г. политбюро ЦК ВКП(б) постановило опубликовать обращение ЦК в связи с возросшей опасностью войны и попытками белогвардейщины дезорганизовать тыл. "Газеты и руководители кричали о нависшей угрозе. В городах и селах спешили запастись продуктами, что усугубило экономические трудности... Троцкистско-зиновьевскую оппозицию обвиняли в вольном или невольном выступлении заодно с лондонскими реакционерами".[85]

Однако поднятая шумиха не могла обмануть массы, считавшие, что только СССР является виновником надвигающейся войны. В частности, на фабрике "Большевик" (Иваново-Вознесенской губернии) мастер в группе рабочих (10-15 чел.) доказывал, что в обострении отношений Советского Союза с буржуазными странами виновато только правительство, которое "ведет широкую коммунистическую агитацию и содержит группы тайных агитаторов в различных учреждениях за границей". На заводах пошли разговоры о том, что "рабочие должны повернуть оружие против коммунистов и использовать военные затруднения соввласти для переворота".[86]

Крестьяне также возмущались сообщениями о большевистских провокациях войны. "Позиция кулаков и зажиточных крестьян, докладывало ОГПУ, по всем районам Союза может быть охарактеризована во многих случаях как активное пораженчество,

[85] Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 1... С. 312.

[86] Докладная записка о реагировании различных слоев населения СССР на опасность войны. (по материалам Инфо ОГПУ). Октябрь 1927 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 289. Л. 7.

стремление дезертировать, уйти в банды, готовность примкнуть к антисоветскому фронту, активно содействовать поражению совправительства, стремление расправиться в момент начала войны с коммунистами и совработниками".[87]

В действительности никакой реальной военной угрозы в Европе не было, как и не было военных сил СССР, достаточных для того, чтобы начать здесь войну во имя утверждения диктатуры пролетариата во всемирном масштабе. Поэтому пожар военного психоза требовалось под благовидным предлогом пригасить, сохранив его тлетворное тление, позволявшее милитаризовать экономику и закручивать гайки принудительного труда. Таким предлогом явилось присоединение СССР к пакту Келлога – Бриана в 1928 г., по которому все главные державы брали на себя обязательства отказаться от войны как орудия национальной политики. В СССР его называли "Лицемерно-пацифистским", подчеркивая нарастающую угрозу приближения новой мировой бойни. В то же время подписание пакта, с одной стороны, давало повод утверждать, что советское правительство предотвратило войну за территориальный передел мира, с другой, – увеличивать военные расходы.

Между тем в Европе и Северной Америке четко наметилась тенденция отхода от считавшейся большевиками извечной борьбы за территориальный передел к ликвидации границ, обусловленной свободой передвижения капитала. Иными словами, на повестке дня стояло исключавшее военные конфликты рождение единой Европы и Северной Америки, что было неприемлемо для сталинского руководства, мечтавшего, говоря словами начальника Главного политического управления РККА Мехлиса о том, чтобы "умножить число советских республик", если будет вторая мировая война.

Основой политики ВКП(б) было существование непроходимых таможенных барьеров, под прикрытием которых на базе прямого принуждения к труду происходила всесторонняя милитаризация советского общества. Неслучайно, говоря об экономической платформе Амстердамского Интернационала, Д. Мануильский от имени Коминтерна с возмущением заявлял, что союз профсоюзов "повторяет свое *требование об упразднении таможенных барьеров, мешающих оздоровлению мирового хозяйства.* В частности, он требует *устранения таможенных границ в Европе...* Эти принципы должны применяться и *к колониальным областям*". А еще двумя годами ранее, к возмущению Д. Мануильского, требование уничтожения таможенных барьеров было

[87] Там же. Л. 18.

выдвинуто в меморандуме банкиров, представлявших интересы трестов".[88]

"Требование банкиров, и экономическая программа Амстердамского Интернационала, – говорил Д. Мануильский, – направлено в первую очередь против СССР, против монополии внешней торговли. Под этим лозунгом мировой социал-пацифизм пытается мобилизовать массы для подготовки новой войны под знаком *снесения* монополии внешней торговли СССР".[89] В данном случае Д. Мануильский не сказал главного: политбюро, как было еще записано в постановлении 1923 г. тоже добивалось объединения европейских стран, создания "Соединенных штатов рабоче-крестьянских республик Европы", огражденных таможенными барьерами от остального мира. При этом подразумевалось, что во главе "Соединенных штатов" должны стоять русские большевики.

Строго говоря, рождение единой Европы и Северной Америки без таможенных границ могло начаться еще в 30-х – 40-х годах прошлого века. Однако этот порожденный рынком объективно неизбежный процесс был заторможен соперничеством Сталина и Гитлера за передел мира, ввергнувшим человечество в новую мировую войну. Война была итогом политики правительств обеих стран, каждая из которых использовала свои пропагандистские мифы для оправдания своей агрессии.

Среди созданных позднее мифов сталинской пропаганды утверждалось, например, что потерпевшая поражение в первой мировой войне Германия восстанавливала свой военный потенциал с помощью Англии, Франции и США, содействуя тем самым ее будущей агрессии. "В январе 1933 г. в Германии к власти пришел фашизм, который с самого начала взял курс на завоевание мирового господства, пишет Г. К. Жуков. Вряд ли народы Англии, США, Франции подозревали тогда, какую плохую услуга оказывают им империалистические силы их стран, активно помогая Германии восстанавливать тяжелую промышленность. 70% всех долгосрочных кредитов предоставили немецким монополиям США. Поток зарубежных финансовых "вливаний" усилился после прихода к власти Гитлера".[90]

Сказанное явная ложь. Правительства Англии, США и Франции последовательно проводили политику предотвращения возрождения военной мощи Германии, ограничивая ее вооруженные силы рамками

[88] Мануильский Д. Итоги X пленума ИККИ. Доклад на московском партактиве 26 июля 1929 г. М., 1929. С. 19.
[89] Там же.
[90] Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1978. Т. 1. С. 110.

стотысячного рехсвера, выполнявшего полицейские функции. Сама Германия возрождать свою военную промышленность не могла – ей приходилось выплачивать странам – победительницам громадные репарации, возмещавшие ущерб, причиненный в ходе войны. "Зарубежные вливания", о которых пишет Г. К. Жуков, в том числе и США, направлялись в гражданские отрасли экономики. Они способствовали рассасыванию безработицы и подъему жизненного уровня германского народа, сужая тем самым социальную базу фашизма.

Этот факт признавал еще К. Радек, находившийся, как и все большевики, в плену изжившего себя противопоставления капитализма и социализма. "Стабилизация, – писал он, – германского капитализма последовавшая за восстановлением валюты, дауэсовским договором и американскими займами, приводит к спаду фашистской волны. В декабрьских выборах 1924 г. они теряют больше половины голосов, получив только 907".[91]

Единственной страной, помогавшей возрождению военного потенциала Германии, был Советский Союз, пытавшийся расширить свою территорию, опираясь на противоречия между поверженной Германией и странами победительницами в первой мировой войне. В союзе с Германией он добивался нового передела мира. В сущности, это была известная ленинская установка, исходившая из того, что "трагедия мирового капитала в том, что он не мог избежать мировой войны и не может установить всеобщий мир... Раскол в лагере империализма и связывание одного врага Советской России руками другого является основным фактом всей истории внешней политики Советской России".[92] Советская Россия, в частности, поступала так еще во время войны с Германией, когда французский военный атташе генерал Ниссель и его коллеги участвовали в совещаниях Троцкого с военными специалистами, посвященными созданию Красной Армии.

В послевоенных условиях таким ее союзником стала поверженная Германия. Последствия союза между ними во многом верно были предсказаны Ллойд-Джорджем, заявившим, что "при ухудшающемся положении Германии объединение России и Германии, доведенных до отчаяния, означало бы европейскую катастрофу. Германия не имеет достаточно капитала, чтобы возродить Россию экономически, но она может создать в России угрожающую военную силу".[93]

[91] Радек К. Опасность фашистского переворота в Германии. М., 1930. С. 69.
[92] Радек К. Внешняя политика Советской России. М. – Пг., 1923. С. 78.
[93] Цит. по: Радек К. Внешняя политика Советской России... С. 78.

Началом такого объединения послужил заключенный 16 апреля 1922 г. по инициативе Ленина Рапалльский договор. В апреле 1926 г. договор был подтвержден соглашением о ненападении и нейтралитете в случае, если одна из договаривающихся сторон будет вовлечена в конфликт с третьей державой. При этом германское правительство взяло на себя обязательство, что в случае вступления Германии в Лигу наций оно не будет участвовать в санкциях Лиги, направленных против СССР. Указанное соглашение развязало руки советскому правительству для последовавшего нагнетания военной истерии и наращивания военного потенциала страны на путях создания крестьянской кадровой армии.

В качестве образца последней, под который подгонялось все и вся, была взята 1-я конная армия, где почетным красноармейцем 1-го эскадрона 19-го кавполка 4-й кавдивизии был Сталин. Как и в годы гражданской войны в этой кадровой армии основной ударной силой считалась кавалерия, пехоте отводилось решение вспомогательных задач. Успешная в прошлом чехарда комсостава порождали иллюзии, что незаменимых командиров в армии нет. Их бесконечные перестановки следовали одна за другой.

Ставший по инициативе Сталина наркомом обороны Ворошилов, следуя его указаниям, на все ведущие посты выдвигал в первую очередь тех, кто в годы гражданской войны служил в 1-й конной. Даже в 1938 г., когда вся Европа форсировала использование в армии моторов, в Главный военный совет Рабоче-Крестьянской Красной Армии, за исключением В. К. Блюхера и И. В. Федько (впоследствии объявленных врагами народа), вошли только те, кто в прошлом служили в 1-й конной: Сталин, Ворошилов, Буденный, Кулик, Мехлис, Шапошников и Щаденко. О неимоверной устарелости их представлений о войне, в которой им предстояло воевать, красноречиво свидетельствует командование Мехлиса на Керченском полуострове на втором году военных действий против фашистской Германией. По его указаниям запрещалось рыть окопы, чтобы не подрывать наступательный дух армии, тяжелая артиллерия и армейские штабы выдвигались на самую передовую.[94] Так поступали в 1-й конной еще в годы гражданской войны.[95]

Расправа с такими военноначальниками, как Тухачевский, Егоров, Блюхер и тысячи иже с ними были неизбежным аккордом сталинской политики создания кадровой крестьянской армии. И дело здесь не столько в умелой провокации гитлеровской разведки, сколько в

[94] Симонов К. Глазами человека моего поколения... С. 297.

[95] См. Бабель И. Конармия//Бабель И. Одесские рассказы. М., 2000.

заинтересованности самого Сталина иметь повод для клеймения злейшими врагами народа выдвинутых Троцким военных руководителей.

Среди них одно из первых мест занимал независимо державшийся Тухачевский. Первый компромат против него появился в 1930 г., когда в год великого перелома проходила чистка Красной Армии от офицеров, служивших до революции в царских войсках. Второй нам известный – в 1935 г. – нашептанный при личной встрече Сталина с Иденом о якобы исходящих от немцев утверждениях о тайных встречах Тухачевского с Герингом, хотя именно Тухачевский с Уборевичем после прихода Гитлера к власти предложили прекратить сотрудничество Красной Армии с рехсвером, на что Сталин ответил отказом. Известное сообщение Бенеша о существовании плана осуществления военными профашистского переворота было тем, чего Сталин больше всего желал. Последовавшие массовые аресты позволили окончательно развенчать ореол Троцкого как создателя и руководителя Красной Армии в годы гражданской войны.

Его место бесповоротно занял пресекавший предательские замыслы “верный ученик Ленина”, руководитель Первой конной армии, товарищ Сталин. По данным академика А. Н. Яковлева, было репрессировано 70 тыс. военных. Из тюрем же и концентрационных лагерей вышли живыми всего 130 чел., в том числе Рокоссовский, Батов, Мерецков и другие, сыгравшие выдающуюся роль в разгроме фашистских полчищ в годы второй мировой войны

О том, как гитлеровская разведка фабриковала фальшивки по поводу заговора советских военноначальников у нас и за рубежом опубликовано горы книг, в которых на основе архивных документов досконально показывается, как это делалось. Тем не менее, до сих пор есть немало сомневающихся в исчерпывающей полноте выявленных документов. Они утверждают, что заговор военных, возможно, действительно имел место.

Такие сомнения лишь частный случай широко пропагандируемых в нашей печати представлений о том, что Сталин, в сущности, был во всем гениально прав, хотя его поступки и не были лишены диктуемыми обстоятельствами коварством и излишней жестокостью. Одним из первых, кто с подачи КПСС отстаивал эту точку зрения, был К. Симонов, написавший книгу “Глазами человека моего поколения”, в которой под флагом борьбы с последствиями сталинизма отстаивалась идея гениальности Сталина.

Книга К. Симонова имела большой резонанс среди отечественных историков и философов, разделявших его взгляды. Сегодня эти взгляды неустанно пропагандирует КПРФ во главе с Зюгановым, считающим, что Сталин был прав во всем, и объясняющим факты жестокости его режима

происками различного рода проходимцев типа Берии. Слишком краткая историческая дистанция отделяет сегодняшнее российское общество от еще не изжитых до конца представлений, навязанных просталинской пропагандой. Именно благодаря этим представлениям под эгидой Института отечественной истории РАН в сотрудничестве с коммунистами смог возникнуть своеобразный заградотряд, (с примкнувшим к нему фашистами и антисемитами) на пути познания отвратительной сущности сталинизма.

Точкой отсчета массового использования насилия в целях милитаризации экономики следует считать 1928 год – первый год внеэкономического изъятия хлеба у крестьян. Последствия этого шага ужасны. Несмотря на колоссальные материальные затраты в течение последовавших почти 15 лет, наша страна была обречена на все большое военное отставание от остальных мировых держав. Накануне войны Красная Армия практически не имела автоматов. На вооружении были модернизированные "трехлинейки" образца 1891 г. да и тех не хватало. Их дополняли пулеметы "Максим" с изобретенной еще батькой Махно тачанкой и проводная связь времен гражданской войны. Наиболее маневренные соединения представляла конница. Наши самолеты и танки, за исключением экспериментальных образцов уступали немецким.

В итоге к 1941 г. техническая отсталость Красной Армии от армий европейских стран достигла чудовищных размеров, намного превысив уровень 1928 г. "В 1941 г. – пишет М. И. Семиряга, – на тысячу человек личного состава действующей армии приходилось винтовок – всего 463, орудий и минометов – 7,8, танков – 0,4 и самолетов – 0,7. Зато "в сухопутных войсках один политработник приходился на 213 чел., а в танковых – даже на 74 чел.[96]

Постоянно готовясь к территориальным захватам во имя победы коммунистических идей, СССР был одной из тех европейских стран, в которой техническая отсталость армии была наиболее вопиющей, что не мешало ее сокрушившим "предателей" военноначальникам хвастливо заявлять, что она является самой могучей в мире. Так, выступая в марте 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б) Ворошилов говорил "Красная армия представляет собой гигантскую силу... является первоклассной лучше, чем какая-либо другая армия, технически вооруженной и прекрасно обученной армией". В доказательство он заявил, что "огневой залп

[96] Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы второй мировой войны. М., 2000. С. 454-455. Семиряга Михаил Иванович последние годы работал в Институте сравнительной политологии РАН. Его работы до сих пор представляют большую научную ценность.

артиллерии советского стрелкового корпуса составил 7136 кг, в то время как у французского – 6373, германского – 6078, весь минутный залп - 78932 (Франция – 60981, Германия – 59509)

Неизвестно, как рассчитывался этот пресловутый "ворошиловский залп". Но ясно одно после минутного залпа возник бы острый недостаток снарядов. Что же касается численности, то советская армия была действительно самой крупной в Европе, превышая численность армий сложившихся здесь основных военных группировок. СССР имел свыше 2-х млн. личного состава, Германия и Италия – 1,515 млн., Англия и Франция – 1,289 млн.

В условиях внеэкономического принуждения производительность труда оборонных заводов практически буксовала на месте. По оценке В. М. Кудрова, прирост производительности труда в народном хозяйстве СССР в 1928-1950 гг. составлял всего 34,4% или 1,4% в год.[97] Подневольный неквалифицированный труд всегда порождает отвращение к труду, желание работать как можно меньше и безразличие к качеству сделанного. На это обстоятельство обратил внимание еще Орджоникидзе, когда в 1933 г. писал: "Орудийные заводы и до настоящего времени производят свою продукцию в основном теми же методами, которыми орудия делались десятки лет назад. Слишком много усилий тратится на пригонки-притирки деталей. Операции эти, как правило, осуществляются без технических приспособлений, вручную и требуют большого количества высококвалифицированных рабочих... Орудийные заводы превращаются в склады неукомплектованных деталей, или, лучше сказать в кустарные мастерские... Заводы сравнительно быстро справляются с изготовлением опытных образцов, которые, действительно, требуют много ручной работы, но как только дело доходит до массового производства, установленные сроки не выдерживаются".[98]

Низкое состояние технологического процесса и качества выпускаемой продукции были наиболее характерной чертой производства всех оборонных заводов. В 30-е годы оно упало ниже уровня 1928 г., когда еще существовал нэповский рынок. "Выпуск танков, пулеметов и патронов в 1935 г., – пишет М. Ю. Мухин, – упал ниже уровня 1932 г; авиавыпуск стагнировал, и лишь производство винтовочных патронов устойчиво росло. Ни преобразования 1935 г., ни

[97] Кудров В. М. Об альтернативных оценках производительности труда в СССР//Экономическая история. Ежегодник 2003. М., 2004. С. 63.

[98] Цит. по: Симонов Н. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950-е годы. Темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1966. С. 87.

реформа 1936 г. не привели к решительному росту выпуска оборонной продукции".[99]

Несмотря на возраставшие колоссальные затраты, выпуск военной техники сокращался. В конце 20-х – в начале 30-х гг. на военное производство затрачивалось 9-10% годового валового дохода страны, к концу 30-х годов его доля достигла приблизительно 30%.[100] Результат же был плачевным. "К 1938 г., – пишет Н. Симонов, – образцы бронетанковой техники, серийно выпускавшейся в СССР в 1928-1935 гг., практически выработали свой ресурс. Их состояние, по оценке специалистов, "было ужасным". Большей частью они просто валялись на территориях воинских частей с неисправными двигателями, трансмиссией и т. д., а большинство к тому же было разоружено. Запчасти отсутствовали, и ремонт производился только путем разукомплектования одних танков для восстановления других".[101] Наши самолеты уступали немецким. Когда перед самой войной командующий военно-воздушными силами Рычагов на Военном совете сказал Сталину, что "аварийность и будет большая, потому что вы заставляете нас летать на гробах"[102], то это стоило ему жизни. В 1937-1940 гг., когда в Европе уже бушевала вторая мировая война, – пишет Дж. Боффа, – выпуск металлургической продукции сохранялся почти на одном и том же уровне, а в 1939 г даже претерпел сокращение... Производство цемента, необходимого для возведения намеченных оборонительных сооружений на границе, претерпело даже сокращение".[103]

Зато развал оборонной промышленности открывал широкий простор для выявления "врагов народа", обвинявшихся во вредительстве, шпионаже, связях с фашистскими разведками.

В то же время сам сталинский режим закулисно налаживал военные связи как раз с теми странами, где утверждались фашистские режимы – Германией и Италией. До сих пор многое из этого сотрудничества скрывается в анналах ФСБ. Чаще всего о нем мы узнаем лишь в случайных упоминаниях. Достаточно указать на те проклятия и заклинания, которые не сходили со страниц советской печати в адрес

[99] Мухин М. Ю. Реформы управления военной промышленностью СССР и темпы роста производства в 1936-1941 гг.//Экономическая история... С. 144.
[100] Там же.
[101] Симонов Н. Военно-промышленный комплекс СССР... С. 102.
[102] Симонов К. Глазами человека моего поколения... С. 339.
[103] Боффа Дж. История Советского Союза Т. 1.... С. 563.

фашистской Италии. Однако это не исключало, например, посылки в 1932 г. советской военной миссии на итальянские войсковые маневры.[104]

" Советский Союз, – пишет С. Кремлев, – вовсю фрахтовал итальянские суда, бороздившие Черное и Азовское моря, а положительный баланс в нашей торговле с Италией на 100 миллионов лир был официально гарантирован соглашением, подписанным 6 мая 1933 г. со стороны СССР торгпредом Левенсоном, а со стороны Итальянского королевства – лично кавалером Бенито Муссолини".[105] На XVII съезде ВКП(б) в январе 1934 г. Сталин откровенно сказал: "Фашизм в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной".[106]

Как известно, по условиям Версальского договора Германия могла иметь лишь стотысячный рейхсвер, призванный выполнять полицейские функции. Ей запрещалось иметь авиацию, танки, бронированные корабли, подводный флот, а также вывозить и ввозить оружие и военные материалы. В этих условиях для возрождения ее военного потенциала требовался заинтересованный партнер, готовый в своих интересах тайно производить сделки. Таким партнером была коммунистическая Россия.

За переговорами 16 апреля 1922 г. последовал Рапальский договор, в соответствии с которым РСФСР и Германская республика отказались от возмещения военных и невоенных расходов и претензий, в том числе и довоенных государственных долгов. Взаимные отказы открывали путь для военного сотрудничества на новой основе. По письму Л. Красина от 27 мая 1922 г. была создана "особая группа" по сотрудничеству рейхсвера с РККА. Для начала советское правительство закупило около 150 немецких военных самолетов периода первой мировой войны. Самолеты были морально устаревшими и изношенными. Других поверженная Германия не имела. Они не могли восполнить разрушенный в годы гражданской войны самолетный парк Красной Армии.[107]

[104] Жизнь замечательных людей. Полководцы и военачальники Великой Отечественной. Выпуск второй. М., 1979. С. 151.
[105] Кремлев С. Россия и Германия: Путь к пакту. Коридоры раздора и пакт надежды. М., 2004. С. 98.
[106] XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии ВКП(б). 26 января-10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934 г. С. 13.
[107] Плачевное состояние авиапарка Красной Армии прекрасно описал И. Бабель в своей книге "Конармия". См. И. Бабель. Одесские рассказы. М., 2000.

О том, как развивались в 20-х годах отношения между рейсхвером и РККА, свидетельствует докладная записка на имя народного комиссара по военным и морским делам СССР Ворошилова, подписанная начальником IV управления штаба РККА Я. Берзиным (Кьюзисом) 24 декабря 1928 г. Записка лапидарна, зато четко излагает происходившие события.

Осень 1923 г. а) подписан договор с фирмой "Юнкерс" о поставке самолетов и постройке на территории СССР авиазавода; б) о совместной постройке завода по выделке иприта (акционерные общества "Вико" и "Метахим". 1924 г.) Через фирму "Метахим" принят заказ рейхсвера на изготовление 400 тыс. снарядов для полевых трехдюймовых орудий. В 1926 г. снаряды передали немцам. Однако акция нанесла советской стороне политический ущерб. Данный факт стал известен немецким социал-демократам, предавшим его общественной огласке.

1926-1927 г. Договор с фирмой Юнкерс и договор о постройке ипритного завода пришлось расторгнуть. Фирма Юнкерс не исполнила взятые на себя обязательства по поставке металлических самолетов и завода не построила. Субсидии рехсвера были слишком малы, чтобы в полном масштабе осуществить задуманное. Зато фирма успешно завоевывала рынок гражданской авиации, приносивший ей высокие доходы.

Договор о совместной постройке ипритного завода также пришлось расторгнуть, потому что фирма "Штольценберг", которой рейсхвер предоставил около 20 млн. марок, фактически обманула. Поставленное "Штольценбергом" оборудование не соответствовало условиям договора: методы изготовления иприта были признаны нашими специалистами устаревшими и негодными (разрабатывать новые методы они не могли, опасаясь всевидящего ока социал-демократов - Ю. И.).

Начиная с 1925 г., когда уже определились неуспехи с Юнкерсом и ипритным заводом сотрудничество постепенно переводится на новые рельсы. Если договорами 1923 г. немцы стремились стать поставщиками авиации и химпродуктов, чтобы обеспечить за собой влияние на соответствующие отрасли, то с этого времени они "более всего заинтересованы в том, чтобы вскоре приобрести еще большее влияние на русскую армию, воздушный флот и флот". В связи с этим немцы соглашаются допустить 5 наших (на взаимных началах) на свои тактические учения в поле и маневры, а в 1926 уже ставят вопрос о совещании по оперативным вопросам с целью выработки оперативных взглядов.

В настоящее время взаимоотношения с рейхсвером:

1) Взаимное ознакомление с состоянием и методами подготовки обеих армий путем командировки лиц комсостава на маневры, полевые поездки и на академические курсы:

а) в совместных химических опытах (предприятие "Томка")

б) в совместной организации танковой школы в Казани ("Кама")

в) в авиационной школе в Липецке ("Липецк")

2) Констатирование разведывательной деятельности обеих армий против Польши[108]

Тот факт, что сотрудничество РККА с рейсвером не приняло характера масштабного наращивания военного производства, объясняется тем, что, запрещая Германии восстанавливать последнее, Франция, Англия и США направляли свои инвестиции в гражданские отрасли. Поэтому возможно было только ограниченное сотрудничество в виде совместной подготовки командных кадров РККА и рейхсвера. Знакомясь с возможностями Красной Армии, активно готовились к будущему разбою на нашей территории многие из тех, кто в последствии стали ведущими военноначальниками фашистской Германии: Модель, Горн, Крузе, Браухич, Кейтль, Манштейн, Кремер и другие. В Липецке боевую подготовку прошли 120-130 немецких пилотов, предназначавшихся для грядущей войны, в Казани совершенствовал свое мастерство Гудериан и т. д.

С приходом Гитлера к власти и создания вермахта военные связи с Советским Союзом фашистской Германии стали свертываться. Советский импорт немецкого промышленного оборудования резко упал, составив в 1932 г. всего 4,7%. В 1938 г. место Германии заняли Англия (16%) и США (26%). [109]Позднее обширный товарообмен между Советским Союзом и Германией на взаимной военной основе стал ведущим лишь накануне второй мировой войны.

От военных связей РККА с рейхсвером в первую очередь выигрывала Германия – свидетельство беспомощности сталинского политбюро стратегически решить возникшую ситуацию. В итоге Сталин поступил так, как делал всегда, взвалив свои просчеты на происки "врагов народа", коими объявлены были высшие военноначальники. Выступая 2 июня 1937 г., он заявил: "Это военный заговор... Рейхсвер хотел, чтобы в случае войны, все было готово, чтобы армия не была готова к обороне, этого хотел рейхсвер, и они это дело готовили".[110]

[108] Цит. по: Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой... С. 62-63.
[109] Там же. С. 251.
[110] Цит. по: Дьяков Ю. Л. и Бушуева Т. С. Фашистский меч ковался в СССР... С. 347.

Уже давно стало трюизмом аксиома – внешняя политика является продолжением внутренней. В этой связи представляет интерес отношение сталинского руководства к социал-демократам, решительно пресекавшим его попытки умножить в Европе число советских республик. Как известно, Ленин постоянно призывал добиваться союза с левым крылом социал-демократии. "Немецкая социал-демократия, – писал, в частности, он, – неоднородна внутри... в этой партии образовалось и замечательно быстро растет левое пролетарское крыло (имеющее, кажется, до 3/4 миллионов членов) – пролетарии уходящие от Шейдемана и быстро идущие к коммунизму. Это пролетарское крыло уже предлагало на Лейпцигском (1919) съезде независимцев немедленное и безусловное присоединение к III Интернационалу. Бояться "компромисса" с этим крылом партии – прямо смешно. Напротив, *обязательно* для коммунистов искать и *найти* подходящую форму компромисса с ними, такого компромисса, который бы, с одной стороны, облегчал и ускорял необходимое полное слияние с этим крылом, а с другой стороны ни в чем не стеснял коммунистов в их идейно-политической борьбе против оппортунистического правого крыла "независимцев". Вероятно, выработать подходящую форму компромисса будет нелегко, но только шарлатан мог бы обещать немецким рабочим и немецким коммунистам "легкий" путь к победе".

Известно, что еще в годы существования организованной Сталиным "семерки" политбюро для борьбы с Троцким, последний исподволь обвинялся в меньшевизме. Это послужило одной из главных причин появления столь ранних шарлатанских призывов к непримиримой войне с социал-демократией вообще и с его левым крылом в особенности. Закоперщиками были Сталин и Зиновьев. Ленин еще не умер, как Зиновьев в начале января причислил социал-демократию к фашистскому крылу, а Сталин выдвинул формулу "не коалиция с социал-демократами, а смертельный с ней бой". С тех пор обе формулировки стали постоянно гулять по страницам коммунистической печати.

В 1926 г. после смещения Зиновьева с поста председателя Коминтерна, они были подхвачены Бухариным, разрабатывавшим по предложению Сталина Программу Коммунистического Интернационала. Предлагая на VI конгрессе Коминтерна (1928 г.) утвердить свой проект, Бухарин заявил: "Коминтерн совершенно открыто дал понять, что он поведет самую решительную борьбу против всякого социал-демократического правительства в Европе, что он приложит все усилия, дабы повести пролетарские массы на борьбу за свержение этих

правительств".[111] Это была лишь запевка спектакля, отрежисированного Сталиным.

Программа была принята на 46-м заседании Конгресса, 1 сентября 1928 г. В ней указывалось, что левые являются наиболее опасной фракцией социал-демократической партии. "Основная роль социал-демократии, – говорилось в программе, – заключается теперь в подрыве необходимого боевого единства пролетариата в его борьбе с империализмом. Раскалывая и разлагая единый фронт пролетарской борьбы с капиталом, социал-демократия является главной опорой империализма в рабочем классе. Второй Интернационал и его профессиональное отделение, Амстердамское объединение профсоюзов, стали, таким образом, резервом буржуазного общества, его наиболее верным оплотом".

Окончательную точку над "и" в непримиримости отношения большевиков к социал-демократии поставили, написанные Сталиным тезисы "О международном положении и очередных задачах Коммунистического Интернационала", принятые за основу на заседании Президиума 25 июля 1929 г. для внесения на X пленум Исполкома Коминтерна, где указывалось, что завершился "переход социал-демократии к социал-фашизму". Поэтому "пленум ИККИ вменяет в обязанность всем секциям Коммунистического Интернационала усилить борьбу против международной социал-демократии как социальной опоры капитализма".[112]

Не меньший интерес представляют тезисы к отчету "Правая опасность в коммунистической партии Германии" 3-й подкомиссии по подготовке X пленума, приложение к тезисам о коммунистической партии Германии для 3-й подкомиссии по 1-му пункту порядка дня X Пленума исполкома Коминтерна". В тезисах указывалось: "Примиренцы не видят *глубины* разногласий между оппортунизмом и большевизмом, классовых корней разногласий. Примиренцы довоенного периода не видят, что борьба между большевизмом и меньшевизмом отражала борьбу между пролетариатом и буржуазией за руководство крестьянством. Нынешние примиренцы не видят того, что борьба между ленинизмом и оппортунизмом в рядах Коминтерна отражает борьбу между коммунизмом и реформизмом за руководство рабочим классом, т. е. по существу борьбу между коммунизмом и капитализмом".[113]

---

[111] VI Конгресс Коминтерна. Стенографический отчет. Международное положение и задачи Коминтерна. Выпуск 1. М.-Л., 1929. С. 17.
[112] Проект тезисов... ГРАПИ. Ф. 16. Оп. 168. Л. 5.
[113] Тезисы... ГРАСПИ. Ф. 495. Оп. 168. Д. 16. Л. 39-40.

Наиболее зубовные пассажи в адрес социал-демократии произносились в согласованном со Сталиным докладе Д. Мануильского "Международное положение и задачи Коммунистического Интернационала к X Пленуму Исполкома Коминтерна". "Наша борьба за большинство рабочего класса, – заявил он, – будет сопровождаться *кровавыми боями* не только с буржуазией, но и социал-демократий". "Социал-демократия будет брать инициативу у буржуазии в подавлении рабочего класса. Она будет тем больше зверетъ, тем быстрее фашизироваться, чем сильнее будет падать ее влияние на рабочие массы. Социальный базис ее будет изменен, она все больше будет опираться на те слои, которые вчера еще составляли армию фашизма. Второй тезис Коминтерна, выдвинутый против оппортунистов, о том, что для того, чтобы подорвать влияние социал-демократии, необходимо *переходить* в самое *бешеное наступление* против нея".[114]

Насколько Сталин был искусен в отстаивании своего личного авторитета, настолько же он был беспомощен в своих прогнозах расстановки сил в предстоящей мировой войне. Приток американских капиталов в Англию для него был равнозначен превращению последней в колонию Соединенных Штатов. Поэтому он, например, утверждал, что "никакие переговоры и даже временные соглашения правительства Макдональда с Америкой не только не устранят неизбежности вооруженного *конфликта* между САСШ штатами и Англией, но они будут таким же этапом в его подготовке".[115]

После X пленума ИККИ клеймо социал-фашизм стало особенно широко пропагандироваться как в устных выступлениях, так и в советской печати. В частности, Д. Мануильский говорил: "Каковы признаки этого перерастания социал-демократии в социал-фашизм? Во-первых, социал-демократия все более и более становится самой агрессивной партией войны против СССР; во-вторых, повсюду социал-демократия старается взять у буржуазии инициативу в деле подавления рабочего движения, в деле самых бешеных репрессий против его авангарда – в лице компартии; в третьих, капитал, опираясь на социал-демократию, повсюду стремится отменить устаревшие институты буржуазной демократии, парламентаризм, систему политических партий... в четвертых, меняется социальный базис социал-демократии. Рабочие массы идут налево, "вожди" – направо; социал-демократия

[114] См. Доклад Д. Мануильского.... ГРАСПИ. Ф. 495. Оп. 168. Д. 19. Л. 8, Л. 16, 23.

[115] Проект тезисов "О международном положении и очередных задачах Коммунистического Интернационала"... ГРАПИ. Ф. 16. Оп. 168. Д. 14.

начинает наводняться теми элементами, которые еще вчера составляли армию фашизма".[116]

Но это еще не был предел ожесточенности борьбы сталинского руководства с социал-демократией. На XI пленуме ИККИ (март-апрель 1931 г.) " утверждалось, что фашизм органически вырастает из социал-демократии. Все попытки показать различие между ними были осуждены как оппортунизм".[117] Позднее Коминтерн приветствовал приход Гитлера к власти (30 января 1933 г.), считая, что он ускорит в Германии свершение большевистского переворота. "1 апреля президиум ИККИ принял постановление по германскому вопросу... Выражалось убеждение, что "установление открытой фашистской диктатуры, развивая все демократические иллюзии в массах и освобождая массы из-под влияния социал-демократии, ускоряет темп развития Германии к пролетарской революции".[118]

Что касается фашизма, то отношение к нему сталинского руководства было далеко неоднозначным. Постоянные проклятия в его адрес на страницах печати на потребу масс у нас и за рубежом, на деле периодически включали совместные выступления коминтерновских компартий с фашистами против тех, кто отстаивал демократические идеалы. Его начало было положено главным эмиссаром советского правительства в Германии Радеком, считавшим, что немцы уже созрели для "пролетарской" революции.

20 июня 1923 г. на заседании расширенного пленума ИККИ Радек выступил с речью, призвав германских коммунистов сотрудничать с фашистами. Его поддержала Клара Цеткин. Поводом послужил расстрел фашиста Лео Шлягетера французскими властями Рейнской области. "Против кого хотят бороться германские националисты, – спрашивал Радек, – против капитала Антанты или против русского народа? С кем хотят объединяться? С русскими рабочими и крестьянами для совместного свержения ига антантовского капитала для порабощения немецкого и русского народов? Если патриотические (читай фашистские – Ю. И.) круги Германии не решаются сделать дело большевизма дело большинства народа своим делом и создать таким образом фронт против антантовского и германского капитала, тогда путь Шлагетера был дорогой в ничто".[119]

[116] Мануильский Д. Итоги X пленума ИККИ. М.-Л. 1929. С. 29.

[117] Коминтерн против фашизма и войны. Документы. М., 1999. С. 23.

[118] Там же. С. 27.

[119] Цит. по: Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980. С. 192.

Следуя указаниям Коминтерна, главный орган германской компартии "Роте фане" предоставила свои страницы фашистам. На совместных собраниях немецких коммунистов и фашистов руководитель германской компартии Рут Фишер призывала к борьбе против еврейских капиталистов, а фашисты призывали коммунистов избавляться от еврейских лидеров (Рут Фишер была еврейкой), обещая им полную поддержку. "13 июля 1923 г. Радек был вынужден дать пояснение, сказав, что в вопросе о сотрудничестве с нацистами, не может быть и речи о сантиментах, что вопрос трезвого политического расчета. Вместе с тем, он заявил, что "люди, которые могут погибнуть за фашизм ему "гораздо симпатичнее людей, которые лишь борются за свои кресла"".[120]

Готовился к "созревшей" в Германии пролетарской революции и Советский Союз, чтобы претворить в жизнь создание Соединенных штатов рабоче-крестьянских республик Европы на основе союза СССР с победившей революцией в Германии. "В январе 1923 г., – пишет Л. Безыменский комиссии Фрунзе, Лебедев, Розенгольц было поручено "разработать условия, методы и способы военной обороны, если обоим государствам (России и Германии) была бы навязана борьба за существование"".[121] В Германию была тайно направлена комиссия, включавшая советского посла в Берлине Н. Крестинского для военно-политического руководства и материально-технического обеспечения. На эти цели сталинским руководством была выделена громадная по тем временам сумма – 400 тыс. дол. С тех пор все крупные акции, организованные Коминтерном, включали для их осуществления создание российского руководства, финансовую подпитку и привлечение советских загранучреждений.

"20 октября 1923 г. военная комиссия ЦК разработала план мобилизации Красной Армии – на случай вооруженной помощи германскому пролетариату (до "2,5 млн. чел.) и создания для этой цели 20 новых дивизий".[122] На эти же цели "наркомат по военным и морским делам потребовал от ВСНХ максимально возможной подачи стрелкового и артиллерийского вооружения и боеприпасов. На восстановление военной промышленности в течение 1923/24 выделялись дотации в размере 30 млн. червонных рублей".[123] Датой вооруженного восстания было назначено 9 ноября 1923 г.

10 октября 1923 г. "Роте Фане" вышла на русском языке. Этот же текст в номере был переведен на немецкий язык. В тексте указывалось.

---

[120] Там же. С. 193.

[121] Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой... С. 60.

[122] Там же.

[123] Симонов Н. Военно-промышленный комплекс СССР... С.56.

"Грядущая революция является самым важным событием наших дней... Победа германского пролетариата, несомненно, переместит центр мировой революции из Москвы в Берлин".[124] Пожелавшим успехов "Роте Фане" был Сталин. Наивно рассчитывая на успех коммунистической революции в Германии, Сталин спешил перехватить для себя пальму первенства. Но его "безукоризненный" прогноз развалился как карточный домик. Коммунистическая революция в Германии под кодовым названием "Немецкий Октябрь" потерпела сокрушительный крах. Одновременно (8-9 ноября 1923 г.) не менее сокрушительный крах потерпел путч фашистов в Мюнхене. С тех пор, как и в коммунистической России, день 8 ноября был возведен немецкими фашистами в ранг выдающегося национального праздника.

Проходивший затем в июне-июле 1924 г. V конгресс Коминтерна вошел в историю как конгресс борьбы за большевизацию компартий под руководством российских большевиков. Попытки высказать сомнения в правильности этой установки были жестоко подавлены. В частности, привыкшие к исконно польскому свободомыслию лидеры польской компартии Варский, Валецкий и Вера Костышева в связи с этим написали письмо в политбюро ЦК РКП(б). В ответ Зиновьев, пообещав "переломать им кости", отстранил их от должностей и арестовал, что послужило началом проведения репрессий против неугодных сталинскому руководству.

Автор не располагает материалами, позволяющими с уверенностью утверждать о существовании дальнейшего сотрудничества местных организаций немецких коммунистов с фашистами в период упадка последнего. Однако бесспорно одно: по инициативе Коминтерна руководство компартии Германии форсировало его, когда Гитлер добивался возглавить исполнительную власть.

Первого мая 1929 г., провозглашенного коммунистами и фашистами днем труда, красные фронтовики вместе со штурмовиками участвовали в неудачном путче в Берлине с целью свержения власти прусского правительства, возглавлявшегося социал-демократами. Последние действовали решительно. 32 человека были убиты и умерли от ран. 150 ранены. Остальные участники путча – коммунисты и фашисты – разбежались.

В связи с этим социал-демократы очень точно определили позорную роль, сыгранную в организации путча советским руководством. Они публично заявили, что "коммунисты заставляют своих членов присягать Советской России и тешат их обещаниями

---

[124] Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой... С. 53.

будущих благ, в то время как они, социал-демократы, стоят за строительство германской республики, за германское отечество".[125]

Эти обещания будущих благ продолжались и после путча. В августе 1931 г. по настоянию ИККИ немецкая компартия приняла решение о поддержке референдума, затеянного фашистами с целью отстранения от власти прусского правительства, которое возглавлял лидер социал-демократической партии Германии О. Бауэр. Как известно референдум, стал одним из важнейших этапов прихода Гитлера к власти. Любопытная деталь, претендуя на роль единственного марксистского истолкователя процессов, протекавших в мире, сталинское политбюро так и не смогло дать хоть что-то раскрывающее подлинную сущность фашизма. Его определение не раз подвергалось изменениям в свете решения текущих утилитарных задач. Так, в решениях IV конгресса Коминтерна (декабрь-январь 1923 гг.) указывалось, в Италии "фашистские организации стали создаваться в 1914 г. В них входили интеллигенты, отчасти деклассированные рабочие (босяцкий пролетариат), отчасти мелкая буржуазия". В связи с этим утверждалось, что "во всех странах имеются организации подобно фашистам (в Германии – Оргеш, в Финляндии – шюцкоры, в Польше – спортивные кружки) Поэтому рекомендовалось, чтобы в программе Коминтерна, следуя русскому образцу, были включено требование "конфискации земли и инвентаря и передачи их безземельному пролетариату и малоимущему крестьянству".[126]

Позднее на расширенном пленуме исполкома Коминтерна (12-13 июня 1923 г.) указывалось, что, несмотря на то, что фашизм "в силу своего происхождения и характера его носителей заключает в себе также и революционные тенденции, могущие заостряться против капитализма и его государства, он все же делается грозной силой в руках контрреволюции. Это сказывается наглядно, где он побеждает, например, в Италии". Находящиеся в фашистских рядах – смутно и бессознательно – революционные массы должны втянуться в пролетарскую, классовую борьбу против классового господства и эксплуататорской власти буржуазии".[127] Тем самым Коминтерн дал зеленый свет совместным выступлениям коммунистов с фашистами.

---

[125] Цит. по:VI Конгресс Коминтерна. Выпуск 1... С. 158.

[126] Важнейшие решения 4-го Конгресса Коммунистического интернационала. (Материалы для докладов на партсобраниях в войсках ПВО в декабре и январе 1922-23 года). Пг., 1922. С. 13, 16, 21.

[127] Расширенный пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. Отчет. М., 1923. С. 298, 299.

На пятом конгрессе Коминтерна (17 июня- 8 июля 1925 г.), проходившего под руководством Зиновьева, основной директивой компартиям стали тезисы: "парламентаризм отживает свой век", "превращение Коминтерна в единую всемирную партию ленинизма". Поскольку конгресс проходил после краха попыток коммунистов осуществить с помощью фашистов революцию в Германии, в его резолюциях появились новые формулировки, требовавшие "систематического разъяснения контрреволюционного и враждебного пролетариату характера фашизма".

Фашизм по-прежнему объявлялся "мелкобуржуазным движением". Питательной средой для его корней, – указывалось в решениях, – являются, главным образом, те средние слои буржуазии, которые капиталистический кризис обрекает на гибель, а также элементы, деклассированные войной, как бывшие офицеры, и пр., отчасти даже некоторые элементы, горько разочарованные в своих надеждах на революцию и озлобленные". При все более прогрессирующем распаде буржуазного общества все буржуазные партии, и особенно социал-демократия, принимают более или менее фашистский характер, прибегая к фашистским методам борьбы с пролетариатом и способствуя, таким образом, разрушению того общественного порядка, для сохранения которого они предназначены. Фашизм и социал-демократия составляют два острия одного и того же оружия диктатуры крупного капитала. В силу своих внутренних противоречий (столкновение интересов крупной и мелкой буржуазии с интересами пролетарских элементов) фашизм вслед за своей победой приходит к политическому банкротству, ведущему его к внутреннему распаду (Италия). К аналогичному кризису он приходит и там, где, не достигнув формальной победы, он принужден открыто поддерживать и защищать господство крупной буржуазии (Германия)".[128]

На этой оптимистической ноте скорого наступления долгожданной эры, когда коммунисты победят фашистов (теперь представителей не мелкой, а средней буржуазии) во всех капиталистических странах и, объединившись с Советским Союзом, станут советскими республиками, заканчивались резолюции пятого конгресса Коминтерна.

К этому времени Зиновьев в глазах Сталина уже превратился в отморозка, осмелившегося вступить в блок с Троцким. В связи с этим, чтобы запятнать отступника, составление новой программы Коминтерна было поручено Бухарину. Программу последнего утвердил, следующий,

---

[128] Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. Часть вторая. М.-Л., 1925. С. 47, 52.

VI конгресс Коминтерна в 1928 году. Относительно фашизма в программе "отмечалась "неустойчивость капиталистических отношений; наличие значительных деклассированных социальных элементов, обнищание широких слоев городской мелкой буржуазии и интеллигенции, недовольство деревенской мелкой буржуазии, наконец, постоянная угроза массовых выступлений пролетариата... Главной задачей фашизма является разгром революционного рабочего авангарда, т. е. коммунистических слоев пролетариата и их кадрового состава".

В общем, здесь мы видим известное возвращение к идеям, которые Коминтерн пропагандировал еще в бытность Зиновьева, а именно фашизм – проявление настроений нищающих городских и деревенских слоев мелкой буржуазии. Но в программе было и новое: В ней ни слова не говорится о грядущем переходе на сторону коммунистов деклассированных рабочих и мелкой буржуазии, выступавших до этого в фашистских рядах. В программе утверждалось, что "фашизм, упрочившись у руля государственной власти, все более обнаруживает себя как террористическая диктатура крупного капитала, теряя по дороге свои антикапиталистические побрякушки".

В своем докладе и заключительном слове Бухарин подчеркивал, что "в период V Всемирного конгресса фашизм переживал лишь *начальную стадию* своего развития. Теперь у нас имеется уже не только классическая форма фашизма, но и ряд *переходных стадий* к нему. Фашизм стремится прочно укорениться в качестве особой системы, особого с позволения сказать "мировоззрения", нового "культурного идеала". Отсюда вывод: "проблема проводимой нами тактики единого фронта становится уже теперь несколько иначе, чем 4 года назад. В связи с новыми явлениями в рабочем движении Исполком Коммунистического Интернационала наметил и провел тактический поворот налево в отношении английской партии, французской партии и т. д.".

Наконец, любопытен заключительный аккорд его выступления, раскрывавший, для чего все это говорилось. "На VI конгрессе, – заявил Бухарин, – мы можем констатировать следующее: германская коммунистическая партия впервые за последние три года может с радостью сообщить об окончательном и полном поражении ультралевых троцкистских ренегатов. Частично они превратились в мелкобуржуазных обывателей, частично примкнули к социал-демократии. Нет надобности тратить на них слова".[129]

Следуя установкам Сталина, публично выступавшие от имени Коминтерна сплошь да рядом оказывались на положении камикадзе, во-

[129] VI Конгресс Коминтерна. Стенографический отчет... Выпуск третий. С. 32, 34, 77, 78, 342.

первых, потому что "великий вождь" не допускал того, чтобы, кто-то, кроме него, от своего имени мог публично оценивать текущие события, и, во-вторых, такие оценки сплошь да рядом позднее могли оказаться несостоятельными, подрывая тем самым имидж непогрешимости вождя. Поэтому заранее готовился повод для политической дискредитации выступавшего, позволяющий в случае чего приклеить ярлык врага народа. В данном случае таким выступавшим оказался Бухарин. На 21 заседании X пленума ИККИ была принята резолюция, на основе которой он был выведен из состава исполкома Коминтерна. В резолюции говорилось: "Бухарин пришел к теории мирного врастания кулака в социализм, что на деле является теорией перерождения социалистического хозяйства, теорией реставрации капитализма в СССР".[130]

Сталина постоянно мучил зуд осуществить в капиталистических странах коммунистический переворот и, объединив вновь возникшие советские республики с Советским Союзом, стать во главе нового объединения. На 2-ом заседании X пленума ИККИ Д. Мануильский говорил: "Борьба пролетариата в нынешнюю империалистическую эпоху труднее, чем она была до войны 1914-1918 гг. В таких странах фашизма, как Италия, Югославия начать боевую экономическую стачку равносильно тому, чтобы начать "последний решающий бой". Противоречия класса здесь доведены до небывалой в прошлом остроты, но они пока накапливаются, чтобы вылиться при развале системы капитализма, увлекающем в пропасть фашизм и социал-демократию, в такие бурные формы, перед которыми побледнеет гражданская война в СССР".[131]

Когда же начался мировой кризис 1929 г., Сталин посчитал, что, наконец-то, наступил час "последнего и решительного боя", перед которым предстоит "побледнеть ужасам гражданской войны в СССР". На XI пленуме ИККИ (март-апрель 1931 г.) был утвержден его тезис о "наступлении "третьего периода" – нового тура революции и войн, который потрясет мир "гораздо глубже и шире, чем подъем 1918-1919 гг., а по размаху будет продолжением Октября 1917 г., приведя к победе пролетариата в ряде капиталистических стран".[132]

"Журнал "Коммунистический Интернационал", подводя итоги пленума, писал: "Высказывался взгляд, что наш главный враг – это фашизм. Такой взгляд представляет большую опасность, ибо он льет

[130] См. ГРАСПИ. Ф. 495. Оп. 168. Д. 135. Л. 97.
[131] Стенограмма 2-го заседания X Пленума Исполкома Коминтерна. Доклад Мануильского... РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 168. Д. 79. Л. 13.
[132] Коминтерн против фашизма... С. 21.

воду на мельницу социал-демократии". Основная установка пленума звучала так: борьба против буржуазной диктатуры, выступающей как в форме фашизма, так и в форме буржуазной демократии".[133]

Развивая этот тезис после прихода Гитлера к власти, "1 апреля 1933 г. президиум ИККИ принял постановление по германскому вопросу... Выражалось убеждение, что "установление открытой фашистской диктатуры, развивая все демократические иллюзии в массах и освобождая массы из-под влияния социал-демократии, ускоряет темп развития Германии к пролетарской революции".[134] Таким образом, согласно сталинскому прогнозу, приход Гитлера к власти должен был способствовать приходу к власти коммунистов в Германии!

В отличие от предшествовавших коминтерновских определений фашизма, писавшихся Зиновьевым и Бухариным, последовавшая сталинская формулировка была до предела упрощена. В его редакции напрочь исчезла социальная база фашизма. Последний определялся как "централизация государственного аппарата насилия, доведенная до чудовищных размеров, отвечающих степени централизации международного капитала и монополистическому характеру капитализма".[135] Такая формулировка, во-первых, давала возможность объявлять существование фашистской власти в любой стране в тех случаях, когда это политически было выгодно, и, во- вторых, вести отсчет "вездесущего генезиса фашизма" с начала зарождения акционерных обществ, которые вошли в коммунистическую лексику под названием монополий, т. е. с конца XIX века.

В действительности фашизм появился только после первой мировой войны. Во многих странах Европы имелись разного происхождения фашистские группы и организации. Однако только в Италии и Германии они сумели возглавить государственную власть. Причем в Италии это произошло значительно раньше, чем в Германии. Гитлеровская Германия почти все заимствовала у режима Муссолини за исключением некоторых национальных особенностей итальянского фашизма. В частности, довоенная Италия не знала антисемитизма. Как известно, одной из жен Муссолини была, тайный агент Коминтерна, еврейка Балобанова.

Сегодня о режиме Муссолини мы многое знаем из интереснейших книг Л. Б. Белоусова "Итальянский рабочий класс в годы фашизма" и

[133] Цит. по: Коминтерн против фашизма ... С. 23.
[134] См. там же. С. 27.
[135] Мануильский Д. Коммунистический Интернационал в борьбе за большинство рабочего класса. М.-Л., 1929. С. 28.

"Режим Муссолини и массы"[136] Свои выводы об итальянском фашизме мы обосновывали на использовании фактического материала этих работ.

Не претендуя на формулирование абсолютной истины, ниже нами дается собственное определение фашизма. По нашему мнению, последний являлся порождением деклассированных войной *городских* слоев, создавших опиравшийся на жесточайшее насилие свой слой служащих, подчиненных сверху донизу беспрекословному повиновению главе государства, осуществлявшего милитаризацию страны.

Если сравнить такой режим с коммунистическим, то здесь и там мы имеем дело с опиравшимся на насилие господством служащих, подчиненных беспрекословному повиновению тому, кто стоял во главе страны. Различие между режимами заключалось лишь в том, что социальной опорой коммунистического режима были деклассированные слои *деревни*, тогда как фашистского – деклассированные слои *города.* Первый покоился на тотальном использовании принудительного труда рабочих и крестьян, заинтересованных в одном: работать как можно меньше, не заботясь о качестве продукции; второй – используя сочетание насилия и рынка, добивался ее высокого качества.

Политической основой и тех других была ненависть к врагам. В довоенные годы большевики концентрировали свои усилия исключительно на геноциде собственного народа, выявляя и уничтожая "социально опасных" внутренних врагов. Дорвавшиеся до власти фашисты – на геноциде врагов внешних, объявляя себя пролетарскими нациями, страдающими от "гнета "богатых", плутократических держав, к коим причислялись все крупные европейские государства".[137] И те, и другие, каждые по-своему занимались массовым уничтожением людей в таких чудовищных масштабах, которых в прошлом человечество никогда не знало.

С точки зрения объема репрессий по отношению к внутренним врагам, фашистские мерзавцы Италии и Германии действовали более гуманно, чем их коммунистические противники в России, где, как писала, например, "Комсомольская правда", "выкорчевывание и истребление всех врагов народа и всего прогрессивного человечества являются важнейшим принципом пролетарской морали и социалистического гуманизма". [138]

[136] Белоусов Л. С. Итальянский рабочий класс в годы фашизма. М., 1996 Режим Муссолини и массы. М., 2000.
[137] Там же. С. 96.
[138] Цит. по: Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города. Нормы и аномалии. СПБ., 1999. С. 148.

В то время как, например, в Советском Союзе число осужденного и уничтоженного собственного населения исчислялось миллионами, в Италии "за весь период существования Особого трибунала (аналога наших троек – Ю. И.) с 1927 г. по 1943 г. было осуждено на различные сроки тюремного заключения всего 4587 чел".[139] В Германии число таких репрессивных было значительно больше, но и здесь было далеко до большевистских рекордов. По данным, приведенным в книге М. И. Семиряги, С 1933 г. по 1941 г. в Германии было замучено и убито боле 200 тыс. антифашистов".[140] Важно и то, что, в отличие от Германии, в Италии в это же время в местах заключения не было массовых кровавых пыток и издевательств над антифашистами.

Зато, когда дело касалось покоряемых и покоренных народов, чудовищные преступления фашизма против человечества сопровождались на каждом шагу. Как это делать, первый пример показал Муссолини, начав захватническую войну против практически обезоруженной Эфиопии. В ночь на 3 октября 1935 г. итальянские фашисты внезапно напали на эту африканскую страну. "К середине февраля 1935 г., – пишет С. Кремлев, – в Африке было 350 тыс. итальянских солдат и 15 тыс. офицеров, не считая полутора сотен тысяч вспомогательных сил. Эта орава двигалась на 15 тысячах автомобилей, имела 80 тыс. вьючных животных, была вооружена полумиллионом винтовок, десятком тысяч пулеметов, тремя сотнями танков, восемью сотнями орудий и полутысячей пулеметов. Почти 2 тысячи радиостанций заливали африканский эфир непривычными для него радиоволнами".[141] Заметим, что вооруженность итальянских подразделений была несравненно выше, чем подразделений советской армии, показав тем самым преимущества использования фашистами рынка при производстве оружия.

Фашистские войска беспощадно подавляли отчаянное сопротивление африканцев: их поливали свинцом из скорострельного оружия, грабили, насиловали, убивали, на мирные поселения с самолетов сбрасывали бесчисленные бомбы, начиненные ипритом. Число жертв составило порядка миллиона человек. В мае 1936 г. итальянские войска вступили в Аддис-Абебу. Муссолини объявил о включении Эфиопии в состав колонии "Итальянская Восточная Африка". Однако вооруженная борьба эфиопского народа продолжалось; господство захватчиков фактически распространялось на города и территории близ железных и

[139] Там же. С. 57.
[140] Семиряга М. И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М., 1991. С. 135.
[141] Кремлев С. Россия и Германия: путь к пакту... С. 131.

шоссейных дорог. Одновременно продолжалось и уничтожение эфиопского народа.

Все это было только начало. Фашистская Германия на оккупированных территориях в годы второй мировой войны согнала в "многочисленные лагеря смерти 18 млн. чел. из 30 стран Европы. 11 млн. не суждено было вернуться на свободу".[142] Свыше половины из них были евреи.

Как известно, фашистские партии Италии и Германии, как и коммунистическая партия Советского Союза, заявляли о своей принадлежности к партиям рабочего класса. И те, и другие спекулировали на этом одинаково. Однако факт остается фактом, там, где господствовали фашисты, рабочие, как и все население этих стран, в условиях рынка жили намного лучше, чем жили при Сталине рабочие и население нашей страны.

Например, в результате предпринятых Муссолини мер была значительно расширена сеть социального страхования рабочих, введены пособия по болезни, безработице и инвалидности, осуществлялось государственное регулирование заработной платы, установлен режим правового регулирования конфликтов. Как пишет Л. С. Белоусов даже в годы кризиса 1929 г. заработная плата рабочих в промышленности и на транспорте росла, либо оставалась неизменной или сокращалась незначительно.[143] Позднее, в годы Второй Мировой войны, рыночная обстановка Европы и там, где фашисты приходили к власти, и там, где шла отчаянная борьба против фашизма, способствовала сохранению в существенных чертах высокого довоенного уровня населения, тогда как в Советском Союзе бессмысленный принудительный труд свыше двух десятилетий обрекал население на вымирание от голода и непосильной работы.

В предыдущей главе мы показали прогрессивное снижение жизненного уровня российских рабочих, показали также, что этот уровень стал намного ниже, чем он был при самодержавии.[144] В условиях окончательной ликвидации рынка дальнейшее его ухудшение окончательно свело жизнь рабочих до такого низкого уровня, при котором не способна была бы выжить даже скотина. Они были обречены на ускоренное вымирание от голода и непосильной работы.

[142] Семиряга М. И. Тюремная империя нацизма... С.134.
[143] Белоусов Л. С. Итальянский рабочий класс... С. 3-4.
[144] См. Иванов Ю. М. К истории фабрично-заводских рабочих России. Конец XIX века – начало XIX века (сравнительный анализ). Глава 3-я В большевистских тупиках нэпа. М., 2005.

Ниже мы продолжаем рассматривать жизнь рабочих под углом трех составляющих: жилье, питание и условия работы. Как известно, еще в годы нэпа рабочие жили в общежитиях – в 1925/26 г. – четверть всего рабочего класса. Тогда они считались самыми несчастными людьми, обреченными не иметь даже собственного угла. В 30- годы положение изменилось: сталинское руководство принялось энергично форсировать приток в города выходцев из деревни, не обременяя себя заботами о строительстве жилья. Теперь иметь место в общежитии, где царила немыслимая теснота, стало считаться удачей. Не попавшие в общежития спали в палатках, землянках либо прямо на снегу.

Любопытно, что в это же время правительство Муссолини делало все для того, чтобы пресечь наплыв выходцев из деревни, под лозунгами "битва за хлеб" (не правда ли знакомый до сих пор лозунг!) и "интегральной мелиорации", под которой подразумевалось проведение общественных работ в сельской местности (ведь тоже знакомо!). Декрет № 1022 от 5 июля 1932 г., – пишет Л. С. Белоусов, – создавал практически непреодолимые преграды для поселения мигрантов в городах, насчитывавших свыше 25 тыс. жителей и в городских центрах "имеющих заметное промышленное значение". Для получения работы в такого рода центрах требовалось не только постоянное проживание в нем, но и обладание какой либо специальностью, чего выходцы из деревень, естественно, не имели. Кроме того, новый закон не только запрещал переезд из провинции в провинцию, но и перемещение внутри самой провинции из коммуны в коммуну".[145] В отличие от сталинского режима, опиравшегося на прямое принуждение к труду, принуждение в фашистской Италии было более мягким, преимущественно косвенным, посредством запрещения покидать место жительства.

В то время как итальянские рабочие проживали в отдельных квартирах либо комнатах, российские ютились, где придется. Вот как, в частности, описывает Н. Б. Лебедина их жилищные условия в Ленинграде, где, в отличие от многих городов, конечно, не могло быть палаток, землянок и невозможно было постоянно спать на снегу. В общежитиях в это время проживало почти треть рабочих города. "Рабочие общежития, – пишет она, – стали основной формой жилья в 30-х гг. Большинство общежитий того времени в Ленинграде были барачного типа, грязные, плохо оборудованные. Проживание в них сопровождалось массой неудобств: холодом, теснотой, антисанитарией, что уже само по себе порождало тягу к спиртному". Большевики считали все это в порядке вещей. "Социализм нельзя строить в белых перчатках", – заявил Сталин. По материалам обследования 1927 г., только в крупных

[145] Белоусов Л. С. Итальянский рабочий класс... С. 12.

городах европейской части РСФСР расходы молодых рабочих на спиртные напитки составляли 16-17% их заработка.

"Большинству приезжих приходилось жить в лучшем случае в бараках при заводах и фабриках. Здесь чаще всего, кроме двухъярусных нар не было никакой мебели, отсутствовали столовые и прачечные, нередко на 50 чел. имелся всего 1 водопроводный кран... "Красная газета" 5 марта 1932 г. писала: "из-за отсутствия топчанов и матрасов в общежитиях спят по двое на одной постели. Имеется много случаев, когда спят прямо на полу. Семейные и одиночки помещаются в общей комнате... на 35200 строителей имеется всего лишь 2600 одеял".

Александро-Невская лавра в то время использовалась под рабочее общежитие. "Обследование 1937 г. выявило, что люди живут по 80 чел. в одном помещении, которое не проветривается. Никакой мебели, кроме кроватей нет. Не лучше была обстановка и в общежитии мясокомбината. Там на 46 чел. имелось всего 33 койки, отсутствовало кухонное помещение, на всех был лишь один водопроводный кран. Общежитие фабрики "Возрождение" – в комнате 30 кв. м. поселены 20 чел. Им даны лишь 14 коек. В общежитии нет уборных, нет умывальников".[146] В такой обстановке ни о какой мебели, чистых постельных принадлежностей и одежде не могло быть и речи. Рабочие постоянно обходились одними и теми же грязными обносками.

Еще хуже было положение рабочих в других городах. Из донесения инспекторов наркомздрава 20 марта 1930 г.: "некоторые пункты расселения в городах непригодны для жилья ("Биржевая ветка" в Архангельске – складское помещение с просвечивающимися стенами в одну доску – тесовину, абсолютно без окон, холодное). На периферии бараки совершенно не приспособлены для житья с семьями и малыми детьми – с земли снег не убран, первые нары на земле (снегу), крыша просвечивается (положены не вплотную жерди, сверху еловые ветви и засыпаны мерзлой осыпающейся землей). Крыша начинается от земли. Отопление недостаточное: две железные печи – времянки на барак при кубатуре в 720 куб. м., "или маленькие кирпичные печи, которые, по словам прораба, нагревают при топке трубами. Полов нет, при таянии снега и земли неизбежно будет большая грязь". В бараках колоссальная скученность: на место 1,5 м. шириной, 1,25 м. высотой и 2 м. длиной размещаются 4-5 чел. "Во многих бараках устроено до 5 ярусов", на периферии – обычно 3, редко 4 яруса. Дезинфекция одежды нигде не производится ввиду этого "вшивость колоссальная" и т. д. В таких условиях жили в Архангельске 24 тыс. ссыльных, в Вологде – 20 тыс.".

[146] Лебедина Н. Б. Повседневная жизнь советского города... С. 43, 44, 34, 172, 174.

Помимо заранее подготовленных для проживания рабочих общежитий был еще "самострой". "В каждом бараке размещалось примерно 200 чел. на трех, иногда пятиярусных нарах. Строительство бараков обходилось в 7 рублей на человека – меньше, чем был дневной заработок неквалифицированного рабочего. Одна кухня планировалась на 6 бараков, баня – на 10 бараков. Но фактически и этого не было.[147]

Намного хуже были жилищные условия спецпоселенцев. Согласно заявлению комиссии Андреева, "на большинстве приисков кулаки размещены в землянках с двойными нарами, полуразрушенных без окон, дверей, пола и потолка халупах, палатках и в лучшем случае, в общих бараках. Люди живут чрезвычайно скучено, в невероятных антисанитарных условиях. Помещений под культурно-просветительные и санитарные нужды (школы, бани, складочные помещения) нет. Организация питания безобразна, варка пищи на кострах, хлебопечение предоставлено собственному попечению вселенных".[148] При этом на комендантов возлагался контроль за поступлением и распределением промышленных и продовольственных товаров, организация трудовых процессов, оплаты труда, определение норм выработок, расценок и удержания, соблюдение порядка".[149]

Многих спецпереселенцев заставляли работать строителями на новостройках, где по окончании строительства их оставляли трудиться. На новостройках рабочие ночевали в бараках так называемого облегченного типа – дощатых, земляных, саманных. Но и они были перенаселены. В 1932 г., например, в Новокузнецке на одного человека приходилось всего 1,27 кв. м. "В бараках были заняты под жилье все подсобные помещения, – пишет В. И. Исаев, сушильные, умывальные комнаты и т. п. семейные жили вместе с одинокими. Спали на топчанах, часто не было даже матрацев, не говоря уже о постельном белье. Не хватало, столов, табуреток. В бараках разводились насекомые".[150] "Бараков не хватало, писал И. Эренбург о жизни строителей Кузнецкого комбината. – Семья спала на одной койке. Люди чесались, обнимались и плодились в темноте. Они развешивали вокруг коек трухлявое, зловонное тряпье, пытались оградить свои ноги от чужих глаз".[151]

[147] Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание... С. 211, 215.

[148] История сталинского ГУЛАГа... Т. 5. Спецпоселенцы в СССР. Кулацкая ссылка – основа создания спецпоселений. С. 36.

[149] Там же. С. 39.

[150] Исаев В. И. Быт рабочих Сибири. 1926-1937. Новосибирск, 1988. С. 44.

[151] Эренбург И. Собр. соч. М., 1964. Т. 3. С. 153.

На новостройках никто не беспокоился о том, как живут рабочие. "Мы просмотрели, – пишет З. Мордухович, – материалы, протоколы, заключения инспекции труда по проектам новых заводов. Типичные заключения по вопросам жилищного строительства были таковы: "принять к сведению заявления администрации, что жилищами рабочие будут обеспечены", "принять к сведению, что рабочая сила будет набираться из окружающих деревень, так что вопрос об обеспечении ее жилищами отпадает".[152] Это были фактически формальные отписки, позволявшие руководителям заставлять рабочих жить в невероятной тесноте и грязи, оставляя им из всех радостей жизни только плотские наслаждения и пьянство, благо водка продавалась на каждом шагу.

В[153] наиболее худшие условия были поставлены миллионные массы рабочих Гулага. В пятидесятиградусные морозы они сплошь да рядом были практически лишены элементарного жилья, что довершало их массовое убийство. В качестве примера приводим отрывок из писем заключенного А. Ф. Лосева жене В. М. Лосевой. "Ты пишешь, что в Бутырках ты была с 40 человеками в одной камере в течение нескольких месяцев. А я, родная, до сих пор нахожусь в таком положении, что многие с сожалением вспоминают Бутырки, так как набиты мы (в мокрых и холодных палатках) настолько, что, если ночью поворачивается с боку на бок кто-нибудь, то с ним должны поворачиваться еще человек 4-5".

А вот, что пишет со знанием дела А. Солженицын в своей книге "Архипелаг Гулаг": "Даже в бараках медвежьегорского лагпункта при управлении Белбалтлага спали на вагонках (уже изобретенных) не по четыре, а по восемь человек: на каждом щите двое валетом. Вместо монастырских каменных зданий (речь идет о Соловках – Ю. И.) продуваемые временные бараки, а то палатки, а то и просто в снегу".[154]

Каким же надо обладать цинизмом, чтобы писать: "без специальных поселений, т. е. принудительного расселения вместе с семьями и принудительного труда не было возможно столь быстрое освоение пустынных пространств Севера, Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии".[155] Под видом критики сталинизма здесь протаскивается известная идея о целесообразности существования в то время основы основ сталинской власти – прямого принуждения к труду населения нашей страны.

[152] Мордухович З. На борьбу с текучестью рабочей силы. М., 1931. С. 75.

[153] Гулаг в Карелии... С. 37.

[154] Цит. по: Там же. С. 38.

[155] История сталинского ГУЛАГа... Т 5. С. 92.

Сегодня эту идею отстаивают все поклонники Сталина, наводняющие книжный рынок многочисленными красочно оформленными книгами, изданными большими тиражами. Откуда только берутся громадные деньги на их публикацию!? Утешает одно: кроме живущих мечтами о прошлом коммунистов пенсионного возраста они никого больше не интересуют. Тем, кто помоложе, ознакомление с их содержанием доставляет такое же сомнительное удовольствие, как регулярная "проработка" в прошлом евангелия сталинизма: "Краткого курса..." с его приснопамятной четвертой главой.

Переход к прямому принуждению к труду сопровождался резким ухудшением питания рабочих. Страна встречала 1929 г. огромными очередями за хлебом, разгромом хлебных будок, драками и давками в очередях. По сводкам ОГПУ, "хлеб получали с боя". Вновь возродилась уже забытая карточная система. 6 декабря 1929 г. политбюро разрешило советам крупных промышленных центров ввести карточки на хлеб. 14 февраля 1929 г. карточная система на хлеб была объявлена всесоюзной. Карточки вводились с 1-го марта 1929 г. При этом в городах заборные книжки для получения хлеба выдавались только тем, кто имел работу.

С краткими перерывами, не говоря уже о военных годах, карточная система просуществовала вплоть до 1941 г. Как обосновано пишет Е. А. Осокина, "карточки, официально признанные руководством страны или распространявшиеся вопреки его желанию решениями местной власти и "творчеством масс", сопровождали все предвоенные пятилетки". [156]В официальной трактовке их появление объяснялось "опережающим ростом благосостояния населения по сравнению с темпами развития промышленного производства и сельского хозяйства".

По заявлению Сталина реальная заработная плата неуклонно повышалась из года в год". Согласно его оценке 27 июня 1930 г., "реальная заработная плата рабочих, считая социальное страхование и отчисления от прибылей в фонд улучшения быта рабочих, выросла в отношении довоенного уровня до 167%",[157] т. е. более чем в полтора раза. Но это еще не было пределом измышлений статистиков. По данным ЦСУ СССР к концу 1930-х гг. реальный доход в расчете на одного рабочего в промышленности и строительстве по сравнению с 1913 . вырос в 2,7 раза.[158]

[156] Осокина Е. А. Союз плана и рынка в социалистической торговле.//Социальная история. Ежегодник 1998/99. М. 1999. С.343.

[157] Сталин И. В. Политический отчет Центрального Комитета XXVI съезду ВКП(б). 27 июня 1930 г. Т. 12 С. 297, 296.

[158] История советского рабочего класса. Т. 2. М., 1984. С. 345.

В связи с резким ухудшением положения рабочих, вызывавшем возмущение рыночников, Сталин в 1929 г сам на короткий срок возглавил комиссию по рабочему снабжению. Чтобы заручиться поддержкой своих сторонников при обсуждении скользких продовольственных проблем, он решением политбюро в 1929/30 г. пригласил на совещание 4700 чел., а в 1930/31 г. – свыше 10 тыс. чел. Эти форумы, встречавшими рукоплесканиями каждое его замечание, многократно превышали численность участников партийных съездов.

На основе выработанных предложений и пожеланий ОГПУ в 1930-м г. "раскрыло" контрреволюционную организацию "вредителей снабжения", которая якобы ставила цель "создать в стране голод и вызвать недовольство среди широких рабочих масс и этим содействовать свержению диктатуры пролетариата". Во главе организации оказались профессор Рязанцев и Е. С. Каратыгин, в прошлом чиновник министерства финансов и главный редактор "Торгово-промышленной газеты".[159]

Год "великого перелома" действительно стал переломным в деле ускорения сокращения потребления продовольствия, продолжавшегося в течение всех предвоенных лет. В 1928/29 г. на Яхромской фабрике Дмитровского уезда Подмосковья рабочим в кооперативах отписалось на едока по 300 г ржаного и по 200 г белого хлеба в день. В Чувашии рабочие получали по 8 кг хлеба в месяц, т. е. порядка 270 г, членам семей – по 3 кг, т. е. 100 г в день. В Ярославле рабочим и служащим и детям – по 600 г.

Рабочие голодали. В августе 1930 г. они писали Рыкову: "Просим вас от имени 50 тыс. рабочих Ижевского завода спасите нас от голода. Столовые закрываются, дают воду с овсяной крупой и немного хлеба. В магазинах дают по полфунта черного хлеба или муки на человека, больше уже ничего не дают вот уже месяц. Мы пухнем от голода, работать нет сил... Рабочие бегут с производства, продают все с себя, лишь бы прокормить детей".[160]

В апреле 1932 г., в ряде текстильных районов Ивановской области "возмущенные снижением и без того скудных пайков (в Вичуге, например, некоторым рабочим в течение нескольких месяцев не выдавали положенную муку, а дети вместо 100 г хлеба в день получали 60 г (меньше, чем в блокадном Ленинграде – Ю. И.)) текстильщики забастовали и вышли на улицы. Выступления подавили силой, арестовав

[159] Осокина Е. За фасадом "сталинского изобилия"... С. 84.

[160] Цит. по: Осокина Е. А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения 1928-1935 гг. М., 1993. С. 42.

на предприятиях многих зачинщиков и "очистив" города области от "вражеских элементов"".[161]

Как пишет Е. А. Осокина, "Все рабочие, включая и индустриальный авангард, влачили полуголодное существование. Никто, даже семьи столичных индустриальных рабочих, практически не получали из государственных фондов жиров, молочных продуктов, яиц, фруктов, чая. Снабжение мясом можно считать чисто символическим: член рабочей семьи в Московской и Ивановской области ел в среднем не более 10 г. По данным бюджетов, паек индустриального рабочего Москвы, один из лучших в стране, обеспечивал на члена семьи полкило хлеба, 30 г крупы, 350 г картофеля и овощей, 30-40 г мяса и рыбы, 40 г сладостей и сахара в день, стакан молока в неделю".[162] При сравнении приведенных Е. А. Осокиной данных с показателями потребления московского рабочего в 1926 г.[163], окажется, что, если тогда он мог потреблять мяса и рыбы 146,6 г в день, то теперь и тех и других всего 30-40 г или приблизительно в 4-5 раз меньше, крупы соответственно вдвое меньше, на 50 г меньше картофеля, сахара и сладостей в 4 раза меньше.

Важно и то, что при резко уменьшившейся зарплате рабочий практически ничего не мог покупать на стороне. В 1930 г. нормы выработки продукции были повышены, расценки понижены. При этом зарплата уменьшилась в 1,5-2 раза, о чем не только писать, но и говорить запрещалось. В том же году "началось принудительное размещение государственных займов индустриализации, причем с рабочих и служащих удерживалось ежегодно более месячного заработка".[164] Разговоры о падении заработной платы приравнивались к кадетско-меньшевистским выпадам с соответствующими наказаниями.

По данным бюджетов, средний доход члена семьи индустриального рабочего с учетом всех денежных поступлений за месяц в 1932-33 годах составлял 55-56 руб. В это же время килограмм ржаного хлеба по карточкам стоил 14-27 коп., ржаного – 36-60 коп. тогда как на рынках цена ржаного в начале 1932 г составляла 2 руб., а в 1933 г. – 5 руб., пшеничного – соответственно 2,5 руб. и 8 руб. Килограмм мяса на рынке стоил – 5-12 руб.

---

[161] Хлевнюк О. В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992. С. 11.

[162] Осокина Е. А. За фасадом сталинского "изобилия"... С. 124.

[163] См. Иванов Ю. М. К истории фабрично-заводских рабочих России... Глава 3-я. В большевистских тупиках нэпа. С. 50-51.

[164] Мерль Ст. Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе. Ожидание и реальность.//Отечественная история. 1998. № 1. С. 103.

Кроме хлебной пайки рабочий практически ничего не мог приобрести, так как его заработок постоянно уменьшался из-за периодических пересмотров норм выработки в сторону их увеличения. Общий индекс цен в стране к концу 1937 г. по сравнению с 1928 г. вырос в 5,3 раза. К концу 1940 г. он увеличился соответственно в 6,3 раза. Из употребления исчезло слово продавец. Его стали называть "резчиком", так как его главной обязанностью было нарезать хлебные пайки. По-видимому, с "воли" это слово перекочевало в ГУЛАГ.

Еще более удручающим выглядит сравнение питания московского рабочего с тем, что он потреблял в дореволюционной России. Согласно оценке Шейлы Фицпатрик, его потребление в 1933 г. составляло "лишь пятую часть от нормы потребления на рубеже столетия".[165]

В течение всего предвоенного десятилетия в стране периодически наступал голод, когда хлебная пайка становилась недосягаемой мечтой, как это сегодня мы наблюдаем в КНДР. Вслед за страшным 1933 г. наступил 1937 г., когда в "пищу пошли суррогаты: в муку добавляли головки от льносемян, жмых, дуранду, толченую лебеду, желуди, траву. Ели кошек, собак, трупы павших больных животных. Люди нищенствовали, пухли от голода, умирали". Как говорили рабочие: "Мы сидим без хлеба голодные, а управители наши сыты. Этих управителей теперь развелось, как вшей на загашнике – все они сидят на наших шеях и пьют рабочую кровь".[166]

В декабре 1939 г. вновь наступил голод. В магазинах исчезли хлеб и мука, одновременно взлетели цены на рынках. Началась закрытая торговля продуктами, в том числе хлебом на предприятиях, как уже это было в 1932 г. в годы "большого скачка". Но от закрытой торговли жирела, прежде всего, многочисленная армия "управителей". В Сызрани, например, "закрытая торговля обслуживала только пятую часть населения, получала почти 90% товаров. В Молотовской области (ныне Пермская) в открытую торговлю, которая обслуживала 65% населения, поступало всего лишь 2-3% товаров, остальное шло в закрытые распределители".[167] Последние предназначались для обслуживания партийных и советских руководителей.

Еще хуже обстояло с питанием спецпереселенцев. Их как скот доставляли к месту назначения в пароходных трюмах либо в железнодорожных вагонах. В вагонах перевозили по 40-50 чел. –

---

[165] Шейла Ф. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город. М., 2001. С. 16.

[166] Осокина Е. А. Иерархия потребления... С. 204.

[167] Осокина Е. А. За фасадом сталинского "изобилия"... С. 213.

мужчин, женщин и детей. Спертый воздух, зловоние стоявших здесь же параш, на 10 человек в сутки – буханка хлеба и полведра чая или жидкой похлебки и то не каждый день. Иногда вместо чая или похлебки – вода. В местах поселения они были обречены на массовую голодную смерть. Например, на Урале в 1932 г. ежедневный паек одного спецпоселенца составлял 200 г муки, 100 г капусты, 195 г картофеля. Причем отпускные цены для него на 15% превышали кооперативные.

Письмо спецпереселенцев участка № 8 особого назначения Сталинского округа Котельникового района красноречиво рисует типичную картину их страшной жизни в местах ссылки. "Уже 5 месяцев, – пишут они, как выселены и стали не похожи на людей; питаемся травой, а хлеба нам не выдают, а заработать нам негде. Мы отрезаны от всего мира, пухлые от голода, а дети совсем при таком питании не могут жить и умирают... В настоящее время мы как скелеты. На нас пахали в апреле месяце, когда мы были еще в силе, а в настоящий момент мы уже еле ходим, а в апреле мы еще старались, пахали, тащили 24 человека плуг".[168] В общем, перед нами типичная картина жизни в годы "большого скачка". Так назывался этот период в документах советской России. Как мы знаем, "большие скачки" были и в других отсталых странах. Счастье людям они не приносили.

Хуже всех питались узники концентрационных лагерей, где официальная дневная норма заключенного мало отличалась от нормы московского рабочего: 473 г хлеба, 30,1 г крупы, 7,3 г сахара и 75,4 г рыбы. Но эти нормы не доходили до политических заключенных, во-первых, из-за того, что в концлагеря ОГПУ направляло продовольствие много меньше положенного и, во-вторых, оно разворовывалось охраной и уголовниками. Политические заключенные, которыми числились и раскулаченные крестьяне, получали такую же пайку, что и штрафники.

Последними становились те, кто по тем или иным причинам не выполнял непосильные нормы или отказывался работать. Им были уготованы холодные карцеры с официально сокращенной нормой питания (утром жидкая баланда с одинокими плавающими зернышками крупы, вечером 250 г хлеба), обрекавшие на голодную смерть. Если же заключенный несколько раз отказывался от работы, его судили, зачастую приговаривая к смертной казни.

Как мы уже отмечали, год "великого перелома" был годом перехода к прямому принуждению к труду. На Западе в условиях рынка высокий спрос способствовал росту механизации производства, сопровождавшийся усложнением производственных операций, совершавшихся рабочими. В сталинской же России, где господствовало

[168] Неизвестная Россия. М., 1992. Т. 1. С. 196.

прямое принуждение и мизерная зарплата, повсеместная механизация оказывалась невыгодной. Последняя не могла конкурировать с чрезвычайно низкой стоимостью неквалифицированного труда. Поэтому внедрение новых технологий носило ограниченный, точечный характер, сохранявших множество ручных неквалифицированных операций.

На Западе даже в тех случаях, когда не удавалось избежать однообразных ручных операций, последние подчинялись движению механизмов, как это было, например, при использовании конвейеров. В связи с этим простои возникали либо по причинам сбоев самих механизмов, либо по причинам, непосредственно не связанными с ними, а именно по причинам, обусловленным рынком.

Иное дело, когда системы механизмов нет, и множество производственных операций осуществляется вручную, непосредственно не завися от работы машин. В таких случаях основные сбои происходят по причине использования ручного труда. Соревноваться с системой машин в своевременности, а, следовательно, и в скорости исполнения последовательных операций людям не дано. В сталинской же России к этому добавлялось то, что разнородные ручные операции выполнялись по прямому принуждению изнуренными рабочими, для которых благом было трудиться как можно меньше.

Сталинская экономика основывалась на принципе, сформулированным еще генерал-губернатором Конго П. Рихсманом: "Чего ради путем применения дорогостоящего оборудования удесятерять производительность труда одного рабочего, когда проще нанять на работу десять новых, которые произведут столько же и будут стоить дешевле, чем машина".[169]

О том, как достигался рикмановский эффект в сталинской России свидетельствуют материалы обследования предприятий хлопчатобумажной промышленности 1927 года, которые приводятся ниже.[170] Хотя обследование проводилось еще до года великого перелома, ее оборудование мало менялось в последующие годы в условиях принудительной интенсификации труда. Несмотря на заверения Сталина на XVI съезде, что началось овладение производством 35 новых текстильных машин, и его декларативное заявление о том, что в стране

[169] Цит. по: Иванов Ю. М. Наукоемкие технологии в России (история и современность).//Науковедение. № 1. М., 2004. С. 122.

[170] Труд и здоровье рабочих и крестьян. Орехово-Зуевские текстильщики. М., 1930. Проблема труда и здоровья российских рабочих в 30-е годы, к сожалению, до сих пор не стала темой специальных исследований, хотя в архивах минздрава и ВЦСПС, наверняка, хранятся материалы не одного обследования.

происходит техническая революция, “по сравнению с которой бледнеет не только первый промышленный переворот XVIII в. (с его паровым двигателем), но и второй технический переворот конца XIX в. (с его двигателем внутреннего сгорания и электричеством)”, техническая оснащенность российской текстильной промышленности оставалась такой же, какой она была в дореволюционной России.

В то время как на Западе и Востоке в условиях рынка широко использовались автоматические ткацкие станки, в России использовались ткацкие механизмы, которые обслуживали работницы, выполнявшие множество ручных операций. “Работа прядильщика, – пишет проводившая обследование санитарный врач Н. Ю. Васильева, – и присучальщика происходит при постоянной ходьбе, при напряжении внимания в помещениях с высокой температурой и влажностью в полуголом состоянии и с босыми ногами, так как в обуви скользко ходить по промасленному полу... Присучивание оборвавшихся нитей требует быстрой ходьбы и большой ловкости и быстроты движения рук и пальцев и большого напряжения внимания... Вместе с присучиванием производится также очистка валиков от накрутившихся на них колечек, что также делается во время движения машины...”. [171]

На всех производственных участках широко использовался ручной труд, в том числе и по доставке тяжелых грузов в цеха, в частности, при доставке кулей с хлопком весом до 100 кг. Их тянули на расстояние 50 м. четверо рабочих при помощи веревок, снабженных крючками. За день приходилось перетаскивать до 1,6 тонны.[172]

Рабочим приходилось трудиться в запыленных хлопком грязных цехах заставленных работающими машинами, когда, например, чесальные машины с неогражденными работающими механизмами были расположены в 3 ряда на расстоянии от 35 до 60 см. Питались они здесь же у машин. Один кран для умывания приходился на 25 чел. Во время обеда метлами удалялись с пола отходы хлопка, насыщая воздух большим количеством пыли.

Обследования показывали, что многочисленные факты слабого физического состояния текстильных рабочих и их высокий уровень заболеваемости обусловлены не только отвратительными условиями труда текущего, но прошлых поколений, сказывающихся на генетическом уровне. Целые поколения текстильщиков, как, впрочем, и остальных отрядов фабрично-заводских рабочих были обречены на быстрое вымирание, сопровождавшееся ускоренной сменой одного поколения другим.

[171] Там же. С. 18.
[172] Там же. С. 4.

“Нормальная функция женских половых органов, пишет доктор Н. А. Альбов, – у работниц ткацкого производства отмечена нами только в 10%... Ткачихи и работницы, которые ежедневно по 8 часов в день (с перерывом) должны стоять у своего станка, отмечают ощущение жара, покалывание в промежности и в ногах. Очевидно, последнее надо объяснить усиленным приливом крови к половым частям и постоянным раздражением церебросильной системы вследствие шума. Многие работницы также отмечают во время работы учащение мочеиспускания и в особенности это резко замечают молодые ткачихи, имеющие небольшой стаж”.[173]

Если на фабриках и заводах ограниченно использовалось хоть какое-то оборудование, то спецпереселенцам была уготовлена участь трудиться только ручным инструментом (топор, пила), который в лучшем случае в считанном количестве выдавался на поселение. В год великого перелома 65,3% переселенцев работали на лесозаготовках, 21,2% – на промыслах, 13,5% – в сельском хозяйстве. Переселенцам не сообщалось ни расценок, ни норм выработки, их обсчитывали на каждом шагу. Иногда по несколько месяцев не платили деньги. В 1930-1931 гг. численность спецпереселенцев составляла примерно 1,8 млн. чел. В 1932 г. там находилось, по данным Ягоды, 1,4 млн. чел. (по другим – 1,3 млн.), остальные – погибли либо при переселении, либо непосредственно после него.

Хуже всех условия труда были в ГУЛАГе, где единственным механизмом была самодельная деревянная тачка. Землю, дрова сплошь да рядом переносили в подолах рубах и бушлатов. Рабочий день продолжался 10-15 часов на лютом морозе. Делалось все, чтобы быстрее превратить человека в лагерную пыль и его сменил новый узник.

В начале 30-х гг. основной контингент заключенных составляли крестьяне. Причем ими были не только “раскулаченные”. В 1932 г. был опубликован закон о “колосках”, возрожденный позднее вновь после окончания второй мировой войны. По закону о “колосках”, виновных в расхищении общественной собственности “парикмахеров” (термин судивших их юристов) присуждали к лишению свободы на срок до 10 лет либо к смертной казни. Только за неполных 5 месяцев по этому закону было осуждено около 55 тыс. голодных колхозников и их детей, из них свыше 2-х тыс. было приговорено к расстрелу.

После уничтожения Кирова поток узников ГУЛАГа пополнился массами горожан, обвиненных в “троцкизме”, “измене родины”, “вредительстве” и многочисленных других злодеяниях из той же обоймы. Число узников резко возросло. Стране было объявлено о новом

[173] Там же. С. 41.

витке "обострения классовой борьбы", обрекавшей на ускоренную смерть старых и новых заключенных.

В начале 30-х годов крупные изменения произошли в социально структуре рабочих фабрик и заводов. Согласно данным переписи 1929 г., окончательно завершился разрыв фабрично-заводских рабочих с деревней. В частности, обследование металлистов и текстильщиков показало, что у первых доля имевших землю в деревне составляла всего 12,4%, у вторых – 4,4%.[174] И те и другие стали городскими рабочими.

Важно и то, что насильственное изъятие хлеба в деревне породило массовое бегство сельского населения в города. В 1928 г. в городах Советского союза осело 1633 тыс. выходцев из деревни, в 1930 г. – 2633 тыс., в 1931 г. 4,100 тыс., в 1932 г. – 2719 тыс., в 1933 г. (год введения паспортной системы в городах) – 772 тыс., в 1934 г. – 2452 тыс.[175] Причем подавляющее большинство оседавших в городах была молодежь, до этого не работавшая по найму. Для 75-85% из них работа в городской промышленности была первой регулярной работой вне семейных хозяйств.[176] Их обучение фабрично-заводскому труду происходило непосредственно на предприятиях.

До тех пор, пока уровень безработицы был высок, пока действовала система временного найма, обострявшая конкуренцию между рабочими, руководители предприятий были довольны. Однако в 30- годы положение в корне изменилось: уровень безработицы снизился, а потребность в рабочей силе возросла. В машиностроении и обработке металлов, например, на 1-е января 1929 г. трудились 503,3 тыс.[177] рабочих, соответственно в 1930 г. – 640,4 тыс., в 1931 г. – 1152,6 тыс., в 1932 г. – 1485,3 тыс.

В связи с этим конкуренцию за рабочее место сменила конкуренция за рабочего, угрожавшая ростом заработной платы. Если раньше администрация предприятия относилась к постоянно менявшему место работы как вполне добропорядочному работнику, то теперь он стал для нее "летуном", "рвачом", гоняющимся за "длинным рублем". "Многие из рабочих, – писал с возмущением З. Мордухович, – склонны даже использовать наши затруднения, в особенности дефицит в рабочей силе в личных, корыстных целях для рвачества и для погони за "длинным рублем"... Эта прослойка, как показала практика, оказывает

[174] Шкаратан О. И. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР. (историко-социологическое исследование). М., 1970. С. 167.
[175] Там же. С. 225.
[176] Гольцман М. и Коган Л. Старые и новые кадры пролетариата. М., 1934. С. 37.
[177] Труд в СССР. Статистический справочник. М., 1936. С. 153.

самое отрицательное влияние на производство, дезорганизует его".[178] Хозорганы требовали замены стихийной текучести кадров принудительным закреплением их за предприятиями.

Текучесть рабочей силы была велика. В поисках лучшей доли рабочие периодически меняли место работы. Так, если в 1929 г. текучесть составляла 115,2, то в 1930 г. – 152,2, в 1931 г. – 136,8, в 1932 г. – 135,3. А это означает, что при существовавшем на предприятиях дефиците рабочей силы каждый рабочий в среднем увольнялся более одного раза в год. Среднее же время его работы на одном месте в 1929 г. составляло 10,4 месяца, в 1930 г. – 7,9, в 1931 г. – 8,8, в 1932 г. – 8,9 месяца.[179] Важно и то, что теперь "бегунами" стали и квалифицированные рабочие, которые из-за снижения жизненного уровня старались найти место, где платили лучше.

Текучесть кадров, возраставшая в связи с ростом потребности в них конкурировавших предприятий, замедляла продолжавшееся падение реальной зарплаты рабочих масс, вынуждая политбюро ломать голову над тем, как остановить самовольный уход работников. Уход давал им возможность искать ниши, где платили несколько больше, а главное – снабжение было лучше. В начале 1930-х гг. декреты и постановления ЦК ВКП(б) и совнаркома с целью предотвращения текучести кадров следовали один за другим. 23 сентября 1930 г. был опубликован декрет, предусматривавший обязательную запись в расчетной книжке причины увольнения рабочего, независимо от того, согласен ли он на то, чтобы была сделана запись, или нет. До этого такие записи делались только с согласия увольнявшегося. 20 октября 1930 г. ЦК ВКП(б) опубликовал резолюцию, согласно которой квалифицированные рабочие и специалисты могли переводиться из одной производственной отрасли в другую только с согласия профсоюза. Резолюция потребовала пересмотра правил внутреннего распорядка и шкалы штрафов, а также лишения рабочего, при самовольном уходе его с предприятия, права работать по найму в течение 6 месяцев. Она содержала также призыв к рабочим к "самозакреплению" на рабочих местах. 15 декабря 1930 г. появился указ, по которому контракты о работе должны были заключаться на срок до 3-х лет.

Но все эти декреты и резолюции оказались малоэффективными. Руководители предприятий для того, чтобы выполнить план, всякими правдами и неправдами переманивали рабочих с других предприятий, а

[178] Мордухович З. На борьбу с текучестью рабочей силы М.-Л., 1931. С. 46.
[179] Filtzer D. Soviet Workers and Stalinist Industrialization. The Formation of Modern Soviet Production Relations 1928-1941. London, 1986. C. 59.

рабочие преднамеренно нарушали дисциплину для того, чтобы иметь возможность уволиться. "На предприятиях, – писал З. Мордухович, – сложилась такая практика, что рабочие, желающие уйти с предприятия и задерживаемые администрацией, сознательно прибегают к нарушению трудовой дисциплины, увольняются за это, и, таким образом, достигают своей цели обходным путем".[180]

Для борьбы с "летунами" и прогульщиками в конце 1932 г. было принято постановление, предусматривавшее увольнение работника всего за один прогул в месяц. Но руководители предприятия из-за нужды в кадрах были не в состоянии его уволить. В связи с этим такого рода проступки рассматривались на товарищеских дисциплинарных судах. Зарплату им выдавали из специальных "черных касс", над кроватями вывешивалась табличка "здесь спит прогульщик такой-то". Стены многих цехов украшали "доски позора" – своеобразные сатирические стенные газеты. В них однозначно оценивали рабочих, переменивших место работы: это – "летуны", дезертиры с трудового фронта и т. д.".[181]

Подобные решения "товарищеских" судов были попыткой перенесения в город успешного опыта большевиков в деревне во время насильственного изъятия хлеба у крестьян. Но то, что удавалось большевикам достичь в деревне, натравливая одни социальные группы на другие, на фабриках и заводах заканчивалось провалом. Сплоченные общей работой в единый коллектив рабочие сочувственно относились к тем, кого выставляли на "позор".

Проблема самовольного ухода рабочего с предприятия была решена только с введением прописки. В ноябре 1932 г. был принят закон, по которому за одни прогул рабочий увольнялся, лишался карточки и места жительства. Как "тунеядец", он подлежал выселению из города, чтобы пополнить число узников концентрационных лагерей. Закон вступил в силу зимой 1933 г. Прописка окончательно уничтожила вольный найм, закрепив рабочего подобно станку за предприятием. Подобно станку руководители фабрик и заводов отныне могли поступать с ним, как им вздумается.

Важным следствием великого перелома явилось форсированное вовлечение женщин в общественное производство, чему способствовало прямое распределение продовольствия руководителями предприятий, лишавшее иждивенцев государственного снабжения. В стране началась кампания всемерного вовлечения женщин на работу в государственном хозяйстве, где коммунистические декларации о равноправии,

[180] Мордухович З. На борьбу с текучестью рабочей силы. М., 1931. С. 39.
[181] Коровин Н. Р. Рабочий класс в 30-е годы. Иваново, 1994. С. 63.

прикрывали их более низкие заработки по сравнению с заработками мужчин.

Широкое использование женского труда преимущественно на низкооплачиваемых работах, требовавших значительных физических усилий, было поставлено во главу угла политики большевистской партии. "Рост промышленности на базе реконструкции и социалистической рационализации... – указывалось в постановлении ЦК ВКП(б) от 15 апреля 1929 г., – дает возможность без ущерба для функций материнства расширять применение женского труда в производстве, в том числе в тяжелой индустрии".[182]

Чтобы доказать отсутствие "ущерба" для функций материнства при выполнении тяжелых физических работ по требованию партии срочно пересматривались медицинские противопоказания. "В число "вредных работ", – как писал журнал "Большевик", вошел ряд профессий, специфическая вредность которых для женского организма не установлена. Эти профессии были включены список по традициям, перешедшим от старых гигиенистов – меньшевиков и меньшевиствующих".[183]

В русле этой кампании в ответ на запрос наркомата труда РСФСР Северо-Кавказский институт экономики, организации и оздоровления труда наркомата труда РСФСР, Макеевский институт техники безопасности горных работ, Уральский институт наркомата труда РСФСР и Московский институт имени Обуха "пришли к единодушному мнению, что в каменноугольной промышленности возможно значительное применение женского труда, в том числе и на ряде подземных работ без какого-либо вреда для женского организма".[184] Институт им. Обуха убеждал, что "недостаточный свет и пыль не могут быть противопоказанием для женского труда. Северо-Кавказский институт экономики отмечал, что "женщины на подземных работах болеют меньше, чем занятые на поверхности".[185]

Естественно, что на подобные работы принимали преимущественно молодых женщин от 17 до 23 лет. Но, несмотря на молодость, заболеваемость была очень высока. В 1930 г. по данным ВЦСПС случаи временной утраты трудоспособности (без учета родов, карантина и ухода за больными) на 100 женщин составляли: в обработке металлов – 164,1, резиновой промышленности – 166,1, швейной – 211,7, обувной – 204, спичечной – 214, в табачно-махорочной – 233,5.

[182] Большевик. 1932. № 11-12. С. 110.
[183] Там же. С. 111.
[184] Серебринников Г. П. Женский труд в СССР. М.-Л., 1934. С. 204.
[185] Там же. С. 206.

В условиях ликвидации вольного найма и перехода к прямому принуждению к труду большевики по инициативе Сталина пытались поднять производительность за счет интенсификации ручных операций и повышения норм выработки, или, говоря иначе, за счет усиления физического напряжения и уплотнения рабочего дня. Для достижения этого была развернута пресловутая кампания социалистического соревнования. Ударники, нередко работавшие без выходных и сверхурочно за лишнюю пайку хлеба, мясные обеды и скудные дефицитные промтовары соглашались ускорять ручные операции, что нередко приводило к полному истощению их организма, нервным срывам и т. д. Многие в конце концов оказывались в больницах. Зато полученные ими достижения постоянно использовались для увеличения норм. Последние зависели от места и времени, от состояния производства на каждом предприятии. Они не поддавались никакой унификации, что порождало громадное число нормативов. Достаточно сказать, например, что на считавшемся образцовым ламповом заводе в Москве по плану 1932 г. подлежало пересмотру 83534 нормы, что составляло 92% норм, действовавших на 1 декабря 1931 г. (в марте 1931 г. их было почти вдвое меньше – 46116 норм).[186]

Естественной реакцией голодающих, обреченных на непосильный труд рабочих были презрение и ненависть к ударникам, стремление ломать их инструмент мешать их работе, приводящей к повышению норм выработки. "Весь технический персонал, наиболее культурные и активные рабочие и работницы, – писала "Торгово-промышленная газета" – живут под страхом избиения", сообщая, в частности, о положении на одной из фабрик в Орехово-Зуево.[187] Для борьбы с подобными настроениями верховный суд РСФСР издал специальные инструкции, определявшие судебные наказания "отсталым и классово враждебным элементам, обвиняемым в преследовании ударников, включавшем физическое насилие и убийство". Указанные " классово враждебным элементы" действительно оказывали активное сопротивление поползновениям увеличивать норму эксплуатации при молчаливой поддержке их остальных фабрично-заводских рабочих.

Такие же методы повышения производительности труда применялись большевиками в концентрационных лагерях под лозунгом "труд делает свободных". Официальная доктрина, в частности,

[186] Журавлев С. Мухин М. "Крепость социализма"... С. 106.
[187] Хлевнюк О. В. Ударники первой пятилетки. М., 1989. С. 7.

Каганович, утверждала, что "социалистическое соревнование закладывает основы отмирания принудительного труда".[188]

В концентрационных лагерях также создавались "ударные бригады". Когда же работа была "особенно срочной" и должна была быть выполнена в срок, заключенных заставляли "по своей инициативе и желанию" продлевать рабочий день до 15 часов. Не случайно журнал "Советская юстиция", чтобы привлечь внимание читателей жирным шрифтом опубликовал лозунг: "Лишенные свободы несут, распространяют, развивают социалистическое соревнование и ударничество".[189]

С точки зрения сталинских палачей, ГУЛАГ воплощал высший порядок, которому будут следовать все, находившиеся за пределами его колючей проволоки. Эти настроения хорошо передал В. Гроссман в рассуждениях проштрафившегося чекиста Каценеленбогена. "Если смело, последовательно развивать систему лагерей, – говорил он, – освободив ее от тормозов и недостатков, это развитие приведет к стиранию граней. Лагерю предстоит слияние с запроволочной жизнью. В этом слиянии, в уничтожении противоположности между лагерем и запроволочной жизнью и есть зрелость, торжество великих принципов... Только в лагере принципу личной свободы в абсолютно чистой форме противопоставлен высший принцип – разум. Этот принцип приведет лагерь к той высоте, которая позволит ему самоупраздниться, слиться с жизнью деревни и города".[190]

Социалистическое соревнование в ГУЛАГе и за его пределами, меняя формы, существовало все годы жизни Сталина. В середине 30-х гг. по инициативе Орджоникидзе развернулось стахановское движение. В его основу, как и прежде, было заложено усиление физического напряжения и уплотнение рабочего дня, но теперь уже непосредственно при работе с механизмами, что влекло за собой разделение на новых принципах труда подсобных рабочих. Полученные стахановцами достижения становились мерилом повышения норм для остальных рабочих. Изнурительный, отупляющий ручной труд продолжал играть определяющую роль в производстве фабрик и заводов. Техническая отсталость промышленности нарастала. Если до революции металлообрабатывающие станки серийного происхождения ввозились из заграницы, то теперь их поштучно изготовляли вручную для себя

[188] Цит. по: Davies R. The Soviet Economy in Turmoil 1929-1930. Cambridge, 1989.
[189] Советская юстиция. 1934. № 2. С. 20.
[190] Гроссман В. Жизнь и судьба. Кишенев, 1989. С. 761.

фабрики и заводы. Специализированных предприятий по производству такой продукции в стране не было.

Не подлежит сомнению, что из всех европейских государств население Советского Союза бедствовало больше всех, что тщательно скрывалось властями. По инициативе Сталина создавалась видимость, что в Советском Союзе живут лучше, чем на проклятом "капиталистическом" Западе. Так, в проекте первого пятилетнего плана указывалось: "... реальный уровень жизни московского рабочего в августе 1928 г. был на несколько процентов выше, чем у берлинских рабочих. Таким образом, уже теперь наш советский рабочий в Москве по своему уровню жизни выше Берлина и Парижа".[191] З. С. Болотин, следуя партийным директивам писал: "В действительности даже в условиях существования карточной системы уровень потребления рабочими СССР продуктов питания был значительно выше довоенного, а по целому ряду продуктов выше и существующих за границей норм питания".[192]

Подобного рода вымыслы под аплодисменты присутствующих раздавались и на партийных форумах. Так, выступая на XVIII съезде в марте 1939 г., Д. Мануильский от имени делегации ВКП(б) в ИККИ говорил: В фашистской Италии за время фашистской диктатуры произошло снижение жизненного уровня масс почти на половину. Со времени абиссинской войны происходит резкое сокращение потребления по всем основным продуктам питания. В Германии принудительные отчисления от зарплаты, производимые фашистскими властями, достигают 25-30%. Законом установлен 10 часовой рабочий день, в особо же важных отраслях промышленности, т. е. во всей военной индустрии и на фортификационных работах – 14 часовой".[193]

Заметим, что даже для принудительно угнанных в Германию иностранных рабочих в годы войны продолжительность рабочей недели равнялась 56 часам, позже она была увеличена до 60 часов. Кроме того, каждый из них дважды в месяц должен был отработать и в воскресные дни. Нашим рабочим о такой продолжительности рабочего дня приходилось только мечтать. Их рабочий день практически был неограничен и не имел выходных при значительно более скудном питании.

Несусветная ложь, которую говорил Мануильский, могла выдаваться за правду только потому, что компартия, повторяя ее

---

[191] Пятилетний план народно-хозяйственного строительства в СССР. М., 1929. Т. 2. С. 15.

[192] Болотин З. С. Вопросы снабжения. М.-Л., 1935. С. 52.

[193] XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10-21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 47.

неустанно, подобно фашистам обладала монополией на все без исключения средства массовой информации. Газеты и журналы издавались партийными и советскими учреждениями, либо организациями, считавшимися "приводными ремнями" коммунистов. Радиоприемников у населения не было. Их заменяли громкоговорители, установленные только там, где имелось электричество, остальное население подвергалось устной обработке.

Сказания о "лампочке Ильича", стремительно шагавшей по стране, были не более, чем мифом, рожденным опять-таки сталинской пропагандой. В 1940 г. электричество имелось лишь у 4% колхозов, 36% МТС и 28% совхозов. [194] На огромных просторах нищей крестьянской страны для освещения в лучшем случае использовались керосиновые лампы. Основным же источником света, как и много столетий назад, оставалась лучина. Заметим, что Соединенным Штатам в условиях рынка и привлечения акционерного капитала потребовалось всего каких-то два года, чтобы накануне второй мировой войны электрифицировать практически все сельское хозяйство.

Громкоговорительной диковинки Европа никогда не знала. Она еще в первую мировую войну пользовалась приемниками. Пользовались приемниками и в фашистских странах, в частности, в Италии, где коллективно прослушивали радионовости. Монополия Муссолини на их трактовку здесь еще в конце 20-х гг. достигалась посредством глушилок, приводившихся в действие, несмотря на дефицит электроэнергии в стране.

И Сталин, и фашистские диктаторы беспощадно выхолащивали у населения заложенные в каждом народе традиции гуманизма. И тот, и другие принуждали читать книги и смотреть только те кинокартины, которые они считали необходимыми для возвеличивания ореола личной власти. В частности, в наших библиотеках периодически рассылались списки полежавших уничтожению книг. Если же эти книги находили в личных библиотеках арестованных, то их изымали для последующего уничтожения, а их владельцам, в лучшем случае, увеличивали сроки заключения, если не приговаривали к смертной казни.

Также поступали фашистские диктаторы, предпочитая порой тайным спискам, публичные сжигания книг на площадях. Зато обладание подданными нашей страны "Кратким курсом Всесоюзной коммунистической партии", объявленной "энциклопедией основных знаний в области марксизма-ленинизма", как и "Майн кампфом" в Германии, считалось непременным атрибутом преданности правящему режиму.

---

[194] Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 1... С. 491.

Главной опорой сталинского режима была нескончаемая череда бесчеловечных репрессий и издевательств, официально оправдывавшихся "усилением классовой борьбы". Таким же репрессиям фашисты подвергали население своих и подвластных стран. Диктаторы буквально соревновались в проведении жесточайших пыток, заимствуя опыт друг у друга. Пальма первенства при этом, несомненно, принадлежала Сталину, который раньше, чем, например, Гитлер, установил режим своей власти.

Крематорий в конце 20-гг. впервые появился в Одессе для захоронения людей умерших естественной смертью. Во время войны немецкие фашисты использовали их для уничтожения миллионов. Но еще до войны в "Сухановке" появился свой крематорий для уничтожения приговоренных к смерти политических заключенных. Сталинским палачам не нужно было сжигать бесчисленные трупы. В отличие от плотнонаселенной Европы советские концентрационные лагеря находились в местностях, исключавших общение с населением. Поэтому здесь бесчисленные трупы закапывали в братских могилах, где сплошь да рядом убитые становились частью вечной мерзлоты. Сталину многое приходилось скрывать, о чем его просили и руководители коминтерновских партий. В частности, "Жан-Поль Сатр настаивал на том, что отчеты о советских трудовых лагерях следует держать в тайне, даже, если они правдивы, потому что рабочий класс Франции может поддаться антисоветским настроениям".[195]

"Танго смерти", так понравившееся Гиммлеру в Освенциме, тоже имело своего предшественника в Колымских лагерях. Здесь во время оглашения списков приговоренных к расстрелу заключенные-музыканты из "бытовиков" при свете факелов играли туш перед чтением и после чтения каждого приказа о расстреле очередной партии "врагов народа". "Музыканты, – пишет В. Шаламов, – обмораживали губы, прижатые к горловинам флейт, серебряных геликонов, корнет-пистонов. Папиросная бумага покрывалась инеем, и какой-нибудь начальник, читающий приказ, стряхивал снежинки с листа рукавицей, чтобы разобрать очередную фамилию расстрелянного. Каждый список кончался одинаково: "Приговор приведен в исполнение. Начальник УСВИТЛ полковник Гаранин".[196]

Душегубки тоже наше отечественное изобретение. Для массового убийства заключенных ее применял И. Д. Берг – начальник оперативной группы по приведению в исполнение решений "тройки" УНКВД МО. В страшный 1937 г., когда в Москве за день приговаривали к казни до 2-х

[195] История сталинского ГУЛАГа... С. 29.
[196] Шаламов В. Преодоление зла Избранное. М., 2003. С. 445.

тыс. чел., и палачи по заведенному порядку не успевали исполнять приговоры в тот же день, многих смертников приканчивали в душегубках. На Лубянке их тела выгружали пьяные чекисты, присваивая себе вещи убитых. Позднее, в годы войны, оберштурмбаннфюрер СС Г. Раудер сконструировал свои душегубки – "газон-вагоны", из которых тоже выгружались умерщвленные и их вещи присваивали палачи.

Александр Долгун, бывший узник "Сухановки", насчитал здесь 52 вида пыток, в том числе подтравливание газом, горячие карцеры, "сухановская ласточка", когда длинное полотенце через рот со стороны спины привязывают к пяткам и в таком мучительном положении оставляют суток на две".[197] Перечислять все виды, подвиды и разновидности пыток, вплоть до посадки обреченного на морозе в бочку, наполненную водой, неблагодарное занятие – в каждом концлагере были свои излюбленные истязания. Все они широко практиковались немецкими фашистами.

Испытание ядов и бактериологического оружия на людях тоже изобретение сталинских палачей. По свидетельству Фриновского, он имел указание Ежова испытывать яды на осужденных, приговоренных к высшей мере наказания.[198] Ему же была поставлена задача "выработать в лаборатории такие яды, которые были бы без привкуса, чтобы их можно было применять в вине, напитках и пище, не изменяя вкуса и цвета пищи и напитков".[199]

Неслучайно, Гитлер в беседе с гаулейтером Данцига Г. Раушенингом заявил: "Я многому научился у марксизма. Я признаюсь в этом без обиняков. Но не этому скучнейшему учению об обществе и не материалистическому взгляду на историю. Я научился их методам. В этом заключается весь национал-социализм. Ведь эти новые средства политической борьбы идут, по сути, от марксистов. Мне надо было только взять и развить эти средства, и я имел по сути, что нам нужно".[200] Фашистские палачи многое переняли у своих советских коллег. В частности, Р. Флейсер, называвшийся сослуживцами "коричневым Вышинским", когда судил участников антигитлеровского заговора 20 июля 1944 г., применял, как он хвастал, те же методы, какие использовались на процессах 1937-1938 годов в Москве.

В свою очередь массовая принудительная стерилизация советских мужчин и женщин, по-видимому, была заимствована в годы войны у

[197] Воля. Журнал узников тоталитарных систем. М., 1994. № 2-3. С. 101.
[198] Там же. С. 97.
[199] Там же. С. 99.
[200] Цит. по: Гинцберг Л. И. Ранняя история нацизма. Борьба за власть. М., 2004. С.182.

немецких фашистов. В частности, отступавших с немцами женщин арестовывали, навешивали через грудь и спину черные ленты с белой надписью "За измену Родине и мужу" и отвозили в лагеря, где их потом стерилизовали. Также поступали и с "власовками".[201] Вместе с ними стерилизовали и тех, кто отбывал срок в лагерях.

Милитаризация хозяйства бедственно сказывалась на жизненном уровне советского населения. Если в фашистской Германии милитаризация проводилась под лозунгом "пушки вместо масла" (масло, молоко, сыр, яйца, фрукты входили в рацион повседневного питания немецкого рабочего[202]), то в Советском Союзе при безмерной нищете населения таким лозунгом мог стать только лозунг "пушки вместо хлеба".

Свое отношение к продовольственной проблеме Германии Гитлер в 1937 г. обозначил таким образом: "решить продовольственную проблему на длительное время путем понижения жизненного уровня и введения карточной системы невозможно, учитывая, что в соседних странах имеется примерно такой же уровень жизни".[203] Основная доктрина его власти – Германия только для немцев, вне Германии немцы – раса господ – могла рухнуть в условиях массовой миграции, включавшей рабочих, необходимых ему для военного производства. Гитлера, по-видимому, пугал опыт фашистской Италии, откуда и без карточной системы за 20 лет (с 1921 г. по 1940 г.) в одну только Францию переселилось в общей сложности более одного млн. 304 тыс. человек, что составляло приблизительно 67% общего числа уехавших в европейские страны. В местах прибытия мигранты трудились на равных вместе с местным населением, способствуя тем самым росту экономического и военного потенциала тех самых стран, которые в планах Гитлера должны были стать объектами его военных нападений.

Нагнетая военную напряженность, Сталин тоже избегал вводить карточную систему, ибо общесоюзные нормы в таком случае должны были бы либо абсолютно невыполнимыми, либо ужасающе мизерными. Положение со снабжением хлебом становилось все хуже. В декабре 1940 г. политбюро запретило продажу муки, а затем печеного хлеба в сельских местностях. В городах страны распоряжениями местных властей вводилась карточная торговля хлебом. "В канун 1941 г. нарком внутторга Любимов в своей докладной записке в СНК подвел плачевные итоги – "свободной" торговли в стране не существовало. Особенно плохо

[201] См. Бердянских В. История одного лагеря... С. 68.
[202] См. Радек К. Опасность фашистского переворота в Германии. М., 1930. С. 84.
[203] Цит. по: Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой... С. 124.

обстояло дело с хлебной торговлей. Страна жила при норме 400-500 г в день на человека. Любимов вновь поставил перед СНК вопрос о введении карточной системы на хлеб. Он просил узаконить то, что фактически уже существовало в действительности".[204]

Говоря о норме 400- 500 г хлеба в день он явно добивался желаемого. 400-500 г на человека были всего лишь прикидкой. В действительности положение со снабжением хлебом городского населения обстояло много хуже. Это видно из многочисленных писем трудящихся, поступавших в наркомвнутторг. Например, январь 1940 г., Орджоникидзеград, Орловская область. Нет вермишели, сахара, сыра и колбасы, а масла и мяса уже год нет. Нет и черного хлеба. Сталинград. Зима 39/40 г. Люди в 2 часа ночи занимают очереди за хлебом, в 5-6 часов утра в очереди 600-1000 чел. Всю зиму в магазинах Сталинграда не было мяса, капусты, картофеля, моркови, свеклы, лука и др. овощей, а также молока по госцене. Те семьи, где заработок 150-200 руб. при 5 едоках, буквально голодают, пухнут.

Одновременно с сокращением хлебного пайка резко ухудшились условия труда. В июне 1940 г. президиум верховного совета СССР принял указ о переходе в городах на 8- часовой рабочий день и семидневную рабочую неделю. По этому же указу за прогулы и самовольное прекращение работы виновные присуждались к принудработам либо тюремному заключению на срок от 2-х до 4-х месяцев. Только за полгода 1940 г. к принудработам было присуждено почти 1,8 млн. чел. и 322 тыс. к тюремному заключению. В декабре 1940 г. появился новый указ об уголовной ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушения дисциплины и самовольный уход из училища. В связи с этим приток подростков в тюрьмы и концентрационные лагеря резко вырос.

Военная истерия, нагнетавшаяся в Германии и в Советском Союзе, была преддверием приближавшейся второй мировой войны, принесшей больше чудовищных страданий и лишений населению советских победителей, чем побежденных. Пакт Молотова – Риббентропа отнюдь не был неожиданным поворотом в политике Сталина. Он явился прямым итогом непримиримого соперничества обоих диктаторов за гегемонию в Европе, потребовавшего на короткий срок заключения временного соглашения о территориально разделе сфер влияния.

Хотя в период борьбы за власть, Гитлер, добиваясь свержения социал-демократов, вступал во временные соглашения с коммунистами,

[204] Осокина Е. За фасадом "сталинского изобилия"... С. 215.

последние оставались его главными врагами, обеспечивавшими вмешательство России в политическую жизнь Германии. Этим объясняется, почему антикоммунизм был поставлен во главу угла нацистской внутренней и внешней политики. Создание в 1937 г. антикоминтерновской оси Берлин – Токио – Рим приветствовала вся Европа. К этому времени она уже устала от бесконечных скандалов, связанных с разоблачениями коминтерновских компартий и советских агентов, добивавшихся свержения европейских правительств и прихода на их место коммунистов.

Устремление нацистов на Восток и пособничество им в этом Англии и Франции всего лишь одна из многих легенд, рожденных в недрах сталинской пропагандистской кухни в годы холодной войны. Не "Дранг нах Остен" а "Дранг нах Вестерн" составлял основу гитлеровских устремлений в довоенный период. Об этом, в частности, свидетельствует программное выступление Гитлера на закрытом совещании генералов и дипломатов 5 ноября 1937 г.

В своем выступлении Гитлер рассматривал варианты вооруженного нападения Германии на европейские страны. Что же касается России, то ей в выступлении отводилось ничтожно мало места. По одному из вариантов указывалось, что "военное вмешательство России необходимо предотвратить быстротой наших войск. Оно является более, чем сомнительным". По другому – лишь упоминалось, что "СССР в случае начала войны станет на сторону западных держав".[205]

Под "западными державами" здесь подразумевались, прежде всего, Франция и Англия, взявшие на себя защиту неизменности границ, установленных Версальским миром. Без их согласия, подкрепленного мощным военным присутствием, любые изменения границ в Европе были невозможны. В военном отношении фашистская Германия была еще слишком слаба. Лишь в 1935 г. рейхсвер трансформировался в вермахт – регулярную армию и была введена всеобщая воинская повинность. Свои первые территориальные притязания Гитлеру приходилось буквально вымаливать у Франции и Англии с постоянным рефреном на то, что это каждый раз его последняя просьба.

Между тем уступки нацистам с нарастающей быстротой все больше подрывали основы Версальского мира. С благословения Франции и Англии в апреле 1938 г. совершалась аннексия Австрии, в сентябре 1938 г. – Судетской области. В марте 1939 г. исчезли с европейской карты последние остатки независимой Чехии. Версальский мир оказался похороненным. Обладание мощнейшими в Европе военными заводами Австрии и Чехии позволили Гитлеру немедленно

[205] Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой... С. 131, 133.

перевооружить вермахт. Германия превратилась в грозную военную силу. В условиях пассивности Франции и Англии, опасавшихся появления в Западной Европе советских республик под эгидой СССР, фашистская Германия стала играть активную роль в жизни континента.

Агрессивные планы Сталина также были устремлены на Запад, где их реализация, как и Германии, упиралась в согласие Франции и Англии. На Дальнем Востоке тягаться с Японией в крупномасштабном вооруженном конфликте сталинская Россия не могла. Роль последней в политической жизни Западной Европы, в конце концов, определилось советско-чехословацким договором 1935 г. В договоре указывалось, что Советский Союз может оказать по просьбе Чехословакии военную помощь, если первой эту помощь окажет Франция, а Польша и Румыния согласятся пропустить советские войска.

Сталин спал и видел, как Красная Армия входит на территорию Польши, Румынии и Чехословакии и на их месте возникают новые советские республики в составе Советского Союза. Но правительства и население этих государств такая судьба не устраивала. Они не хотели подневольного принуждения с насильственной коллективизацией, сметавшей состоятельные крестьянские хозяйства, с работой в городах за хлебную пайку, с запрещением свободно выражать свои мысли и желания и прочими атрибутами такого же порядка, уготованными для них коммунистами.

Чтобы на территории Польши не было ни советских, ни фашистских войск ей постоянно приходилось балансировать между агрессорами, используя противоречия между фашистской Германией и коммунистическим Советским Союзом. Что же касается Чехословакии, то ее руководители в лице президента Гаха и министра иностранных дел Хвалковского в обстановке грубейшего нацистского произвола были вынуждены подписать соглашение о ее вхождении в состав фашистского рейха. Позднее, после убийства Гейдриха в 1942 г. Гитлер, следуя правилу переселять неугодные народы, заявил Гаху, что если выступления чехов против немцев будут продолжаться, то он их всех выселит из страны.

Рассуждения о том, что Франция и Англия предали Чехословакию, чтобы Гитлер имел возможность напасть на Советский Союз опять-таки не более чем миф, рожденный в годы холодной войны. Чехословакия с нашей страной никаких границ не имела. В действительности соперничество Сталина и Гитлера шло не из-за угроз взаимных военных нападений, а из-за аннексии Чехословакии, на которую они оба претендовали. О том, насколько оно глубоко обострилось, свидетельствует тот факт, что по указанию Сталина на юге страны было сосредоточено до 40 дивизий для вторжения в

Чехословакию через территорию Румынии. Но Гитлер его опередил. Заручившись согласием Англии и Франции, 15 марта 1939 г. его войска вошли в Прагу. Сталину оставалось лишь кусать локти.

После этих событий оба диктатора вновь возобновили переговоры с Англией и Францией. Сталин под предлогом борьбы с фашистской агрессией добивался их согласия на ввод войск в Румынию, Польшу, а также в Прибалтику, Гитлер, под предлогом борьбы с коммунизмом добивался изоляции Франции и отказа Англии от вмешательства в европейские дела. И тот, и другой получили твердый отказ. По инициативе советской стороны переговоры с Англией и Францией были прерваны. Тем самым была создана почва для заключения пакта Молотова-Риббентропа, позволившего ввести советские войска на территорию восточной Польши и Прибалтики, а затем на территорию Бесарабии и Буковины.

Требование ввода в Прибалтику советских войск постоянно мотивировалось необходимостью иметь там свои гавани. В этой связи представляет интерес постановка вопроса в редакции Ленина, изложенная Радеком в официальном органе Коминтерна, выходившего в Германии. "Если они (имеются в виду прибалты и Финляндия – Ю. И.), – писал Радек, – предпочтут остаться независимыми, то насущные жизненные интересы Советской России не толкают ее на путь завоевательной политики в отношении их. Обычный аргумент – Россия-де нуждается в Прибалтийских гаванях это лишь псевдоэкономический покров для оправдания чисто военных завоеваний. России вовсе не нужно обладать гаванями, ей нужно лишь иметь возможность их использовать. Гавани, в свою очередь, нуждаются для своего развития в русском хинтерланде. Великая Россия имеет возможность предложить окраинным государствам столько, что она сговорится с ними о хозяйственных отношениях, об использовании гаваней, о транзите. Ей незачем будет рассматривать прибалтийское население, как приложение к гаваням, ей не приходится пренебречь его временным стремлением к независимости".[206] Если исключить последнюю фразу о "временном стремлении к независимости", то сегодня под таким заявлением могли бы подписаться все демократы, как в Прибалтике, так и в России.

Примечательно, что даже в период открытого соперничества и существования мощнейших встречных пропагандистских контрпотоков: антифашистского в СССР и антикоммунистического в Германии - фашистские офицеры присутствовали на наших маневрах, советские командиры – на нацистских. Одновременно порученцы Гитлера и Сталина постоянно зондировали почву для заключения договора о

[206] Радек К. Внешняя политика Советской России. М.-Пг., 1923. С. 45.

поставках Германии на условиях немецкого кредита нефти, хлопка, зерна, хрома, алюминия, никеля и т. д. в обмен на поставки в Советский Союз военной техники.

В 1935 г. после аннексии фашистами Чехословакии было заключено соглашение о взаимном товарообороте на условии предоставления Германией двухсот миллионного кредита. При этом советская сторона получила согласие гитлеровцев на продолжение выполнения военного заказа чешскими заводами "Шкода", которые с марта 1939 г. стали собственностью Германии. Позднее переговоры с последней о расширении товарооборота неоднократно обсуждались на политбюро. Но каждый раз дальше взаимного зондажа дело не шло. Сталин и Гитлер не могли договориться, опасаясь, по-видимому, того, что их призрачное противостояние (Сталин заявлял, что он борется с фашизмом, Гитлер, – что борется с коммунизмом) может вызвать возмущение Франции и Англии, с позицией которых они не могли не считаться.

Стоило только Сталину 19 августа 1939 г. окончательно прервать переговоры с Англией и Францией о создании антигитлеровской коалиции из-за их отказа допустить вступление советских войск в Польшу и Прибалтику, как тут же немедленно, по его указанию, в ночь на 20 августа 1939 г., (еще до начала переговоров с Риббентропом) было подписано торговое соглашение с Германией на условии предоставления последней кредита СССР. Указанный факт лишь в очередной раз свидетельствует о том, что еще во время переговоров с Францией и Англией о создании антигитлеровской коалиции Сталин имел основательные контакты с фашистской Германией.

В этой связи представляют интерес его объяснения текущих изменений политики ВКП(б) по отношению к фашизму после прихода к Гитлера к власти. XVI съезд компартии. 1931 г. К этому времени уже стало ясно, что предсказанные ранее Сталиным надежды на "третий всемирный кризис капитализма", перед которым предстояло померкнуть ужасам гражданской войны в СССР, были всего лишь химерами. Поэтому в своем отчете, говоря о перспективах развития комдвижения за рубежом, он отделался ни к чему не обязывающими общими фразами о том, что "стабилизации капитализма приходит конец. Пролетариат, борясь с капиталистической эксплуатацией и военной опасностью, будет искать выход в революции".[207]

Главным защитником безошибочности сталинского предвидения был Молотов, в первый и последний раз выступавший на партсъездах от

[207] XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1931. С. 23.

имени делегации ВКП(б) в ИККИ. Его выступление было пронизано мыслью о том, что Коминтерн в своих установках следовал указаниям программы VI конгресса, которые в основном были правильными, как и было правильным изгнание из исполкома Коминтерна Бухарина, оказавшимся чуждым компартии человеком.

Молотов ни слова не сказал о предсказанном Сталиным "третьем всемирном кризисе капитализма", ограничившись лишь констатацией "нарастания элементов *нового революционного подъема"* в обстановке витающей идеи "создания "пан Европы" вокруг Франции (политически направленной против СССР)" и смещения центра международных противоречий в лагере империализма "к войне за мировую гегемонию между САСШ и Англией".

Что касается тактики Коминтерна в Германии, то Молотов указал, что "левому" оппортунизму германская компартия с полной решительностью противопоставила большевистскую линию борьбы за массы, линию на отрыв рабочих от социал-демократии, линию на единый фронт с рабочими, при беспощадной борьбе против социал-демократических вождей и профсоюзной демократии". Фашизм вместе с социал-фашизмом объявлялся "последним резервом буржуазии среди рабочих".[208]

Представленная Сталиным на XVII партсъезде (1934 г.) оценка возможностей Коминтерна была еще более сдержанной по сравнению с оценками на XVI съезде. О приближении конца стабилизации капитализма в ней не говорилось ни слова. В отчетном докладе он говорил, что "революционный кризис назревает и фашизм далеко не долговечен", что империалистическая война "развяжет революцию и поставит под вопрос само существование капитализма в ряде стран". Таким образом, вопрос о революциях рассматривался как дело будущего.

Новым было и то, что Франция перестала быть антисоветским пугалом. Среди достижений внешней политики Сталин отметил пакт о Чехословакии, договор с Польшей, пакт об определении нападающей стороны, включавший Малую Антанту. В заключении он подчеркнул, что политика СССР есть "политика мира и усиления торговых отношений со всеми странами".[209]

В связи с пактом о Чехословакии Сталин стремился как можно дальше дистанцироваться от Коминтерна, поручив связанные с ним вопросы изложить руководителю делегации ВКП(б) в ИККИ Мануильскому, который утверждал, что "Япония и Германия – факторы

[208] Там же. С. 407, 419, 420.

[209] XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии ВКП(б). 26 января – 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934. С. 8, 11, 14

разрушения капиталистической системы", что разрушению препятствуют социал-демократы, отстаивающие отживший свой век парламентаризм.

"Неужели, – говорил он, – путь германской революции лежал через фашистскую диктатуру, и ее нельзя было избегнуть в Германии. Конечно, можно было, товарищи, единственным условием для этого было, чтобы социал-демократия не препятствовала восстановлению единого фронта расколотого рабочего класса, чтобы она ту долю насилия, которую она применяла в отношении революционных рабочих, применила в отношении фашистских организаций. Это она могла сделать совершенно бескровно при правительстве Мюллера в1928 г. Ей для этого не нужно было убивать 20 тыс. фашистов, как она убила руками Носке 20 тыс. революционных рабочих и солдат; ей бы не пришлось расстреливать 35 человек, как это сделал с берлинскими рабочими полицай-президент Цергибель 1 мая 1929 г. Ей достаточно было арестовать 35 фашистских вождей плюс двух-трех капиталистов снабжавших фашистов материальными средствами, распустить фашистские организации, их боевые дружины, конфисковать их оружие". Мануильского здесь не оставляет старая коминтерновская идея о том, что рабочие массы, вовлеченные в орбиту враждебных коммунистам фашистских организаций в конце концов станут опорой антикапиталистического движения и, несмотря на социал-демократический террор, покончат с фашизмом.

Вместе с тем он дал понять, что приближается день, когда Коминтерн сможет по настоящему показать себя: "Объективные предпосылки революционного кризиса уже зрелы в наиболее слабых звеньях капиталистической системы, колониях и зависимых странах; они почти зрелы в Центральной Европе (Германии, Австрии, Чехословакии) на Балканах, в Польше, Прибалтике, они вызревают в наиболее сильных звеньях капиталистической системы, занимающих в ней командные высоты – в САСШ, Франции, Англии".[210] Среди стран, где "объективные предпосылки революционного кризиса зрелы" мы видим Чехословакию, Польшу, Прибалтику, куда в планах Сталина должны были двинуться советские войска.

Наступил 1939 г. До нового раздела между СССР и Германией несчастной Польши остается примерно полгода. Тем и интересен XVIII партсъезд, заложивший основные предпосылки для вступления в эту войну. Выступая на съезде, Сталин отметил, что "второй год идет империалистическая война", что если "первая мировая война дала победу в одной из самых больших стран мира", то "вторая мировая война

[210] Там же. С. 305, 314, 306.

может привести к победе революции в одной или нескольких стран". Таким образом, в отличие от прошлого, когда победа революции считалась возможной практически в любом уголке земного шара, теперь ее возможности были ограничены рамками одной или нескольких стран, сужая тем самым поле активной деятельности Коминтерна.

По-новому обозначилось отношение коммунистов к фашистским организациям. Раньше коммунистам предлагалось привлекать на свою сторону фашиствующих рабочих, не вступая в контакты с фашистскими организациями. Теперь этот контакт получил зеленый свет. "Коммунисты работают на предприятиях, – говорил Мануильский., – Благодаря их активной работе, фашистам не удалось завоевать влияния ни в Германии, ни в Италии на фабриках и заводах. Коммунисты, наконец, используют для работы среди трудящихся массовые фашистские организации".

Очередным врагом номер один теперь объявлены "англо-французские капитулянты", стремящиеся втянуть Германию в напрасную войну против СССР. "Англо-французские капитулянты, – говорил Мануильский, – мечтают о том, чтобы повернуть германский фашизм на Восток. На языке этих господ это называется сохранением мира. Но мы знаем, что германский фашизм не любит непроходимых дорог с непреодолимыми препятствиями, он предполагает идти туда, где легче пройти, где капитулируют перед фашизмом.[211]

Примечательно, что даже тогда, когда на партсъездах не скупились проклинать фашизм, фамилии фашистских диктаторов – Муссолини и Гитлера – никогда не назывались. В отрежисированных Сталиным спектаклях партсъездов всегда оставлялось место для их возможного появления на политической сцене в положительном амплуа. Об этом, в частности, с гордостью говорил Молотов, выступая 1-го сентября 1939 г. с речью по поводу ратификации советско-германского договора о ненападении. "На протяжении последних шести лет, с приходом национал-социалистов к власти, – заявил он, – политические отношения между Германией и СССР были натянуты. Известно, что, несмотря на различие мировоззрений и политических систем, советское правительство стремилось поддерживать нормальные деловые и политические отношения с Германией. В нашей стране были некоторые близорукие люди, которые увлекались упрощенной антифашистской агитацией, забывали об этой провокаторской работе наших врагов".[212]

[211] XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10-21 марта 1939 г. М., 1939. С. 10, 14, 62. 57.
[212] Правда 1 сентября 1939.

В свою очередь, выступая в рейхстаге по этому же поводу, "Гитлер заявил, что он может присоединиться к каждому слову, которое сказал народный комиссар по иностранным делам Молотов".[213] В своей речи Гитлер также оговорил условия новых отношений с Советским Союзом: "Россия и Германия управляются на основе двух различных доктрин. Германия не станет экспортировать свою государственную доктрину и, если Россия не намерена экспортировать свою доктрину в Германию, то эти две сильнейшие страны в Европе не имеют основания быть врагами".[214] Иначе говоря, условием новых отношений Советского Союза с Германией, явившихся, по словам Молотова, "поворотным пунктом в истории Европы, да и не только Европы", был отказ от "примитивного антифашизма" и вмешательства в ее внутриполитическую жизнь по линии Коминтерна и ее компартии во главе с Тельманом. В погоне за территориальным приращением своей империи Сталин неукоснительно соблюдал это требование Гитлера.

Сделка между ними подготавливалась задолго до ее появления на свет. В то время как сталинское руководство вело переговоры с Францией и Англией об обуздании гитлеровской агрессии в отношении Польши, за их спиной уверенно набирал силу советско-германский диалог. Еще 24 января 1939 г. было принято обтекаемое постановление политбюро ЦК ВКП(б) о предоставлении "абсолютно необходимых станков и других видов оборудования, могущих быть заказанными по германскому кредиту". К лету этот диалог, судя по косвенным данным, перерос в твердую договоренность между Сталиным и Гитлером, знаменовавшую поворотный момент в исторических судьбах Европы. 30 мая 1939 г. Сталин получил предложение гитлеровцев начать переговоры о заключении советско-германского пакта. В связи с этим он затребовал от наркомата иностранных дел все документы о советских договорах с Германией. Закулисные переговоры, по-видимому, продвигались успешно, потому что 7 или 8 июня 1939 г. появилась сталинская записка со списком товаров, которые мы собирались поставлять Германии, а она – нам. Мы обязывались поставить нефть, зерно, хлопок, железную руду, лом, апатиты, цветные металлы, немцы – самолеты, крейсер Лютцев, металлы по списку и уголь.

Пакт Молотова – Риббентропа отнюдь не итог неожиданного приезда последнего в Москву, как обычно еще со сталинских времен преподносится в нашей печати. Он, несомненно, явился плодом предварительных переговоров с глазу на глаз на высоком уровне. Кто был тайным посланцем Сталина, до сих пор неизвестно. Из

[213] Изложение речи Гитлера в рейхстаге//Правда. 2 сентября 1939 г.
[214214] Там же.

представителей Гитлера возможно – Геринг, перелет которого летом 1939 г. в Англию, где все уже было подготовлено для неофициальных переговоров, неожиданно был отменен.

Сталин твердо придерживался договоренности с Гитлером о невмешательстве во внутренние дела Германии. Коминтерн фактически был мертв задолго до официального объявления о его смерти в мае 1943 г. Никаких пленумов ИККИ, не говоря уже о конгрессах, с тех пор не проводилось. Неделю спустя после вторжения Германии в Польшу "Сталин в беседе с Димитровым в присутствии Молотова и Жданова, заявил, что надо отказаться от установок VII конгресса Коминтерна о фашизме как главном источнике агрессии. Он требовал снять лозунг народного фронта, утверждая, что, поскольку война идет за господство над миром, деление капиталистических государств на фашистские и демократические утратило прежний смысл".[215] От Коминтерна осталось одно лишь название. Его прежний имидж международной антифашистской организации коммунистов был тщательно выхолощен.

Этот процесс разрушения Коминтерна исподволь начался задолго до раздела Польши и Прибалтики, когда выборочно уничтожались те деятели коминтерновских компартий, которые не соглашались со сталинскими установками. В 1937-1938 гг. репрессии против них приняли массовый характер – расстреливались и отсылались в советские концентрационные лагеря и те, кто выступал против Сталина и те, кто попадал в разнарядки следователей НКВД. В 1937 г. одних только членов компартии Украины было арестовано более 150 тыс. чел. (почти половина ее численного состава), обвиненных в "буржуазном национализме". В 1938 г. была распущена компартия Польши. По данным генерального секретаря компартии Финляндии в эти же годы в советские концентрационные лагеря было согнано 20 тыс. финских коммунистов. Массовой чистке подверглись коммунисты довоенного посева стран Прибалтики. Не меньший по силе удар обрушился и на рядовых коммунистов, работавших в московском отделении Коминтерна, а также лидеров западных компартий, проживавших в Москве.[216]

С разделом Польши уничтожение антифашистов приняло еще больший размах благодаря сотрудничеству представителей НКВД с представителями гестапо. "Для осуществления договоренности о совместной борьбе против польского подполья, – пишет М. И. Семиряга, – было установлено сотрудничество между германским гестапо и

[215] Коминтерн и идея мировой революции. М., 1998. С. 65.
[216] См: Такер Р. Сталин у власти. История и личность. 1928-1941. М., 1997. С. 441-442, 462-465.

советскими органами НКВД. С этой целью в декабре 1939 г. на польской территории в г. Закапане был создан совместный учебный центр".[217] На основе этого сотрудничества 42492 польских военнопленных были переданы немцам в октябре-ноябре 1939 г. и 562 чел. были переданы по запросам германского посольства в 1940-1941 г. В свою очередь с октября 1939 г. по весну 1941 г. немцы передали Советскому Союзу 13757 бывших польских граждан.[218]

Но это далеко не все. Сотни тысяч польских военнопленных оставались интернированными на советской территории. В связи с этим в рамках НКВД 19 сентября 1939 г. было учреждено совершенно секретное управление по делам военнопленных, которое занималось расстрелами и пересылками в ГУЛАГ. Только в Катынских лагерях, согласно данным записки председателя КГБ Шелепина на имя Хрущева от 3 марта 1959 г. по решениям специальной тройки НКВД было расстреляно 21857 военнопленных, а сотни тысяч остальных отправлены в концлагеря и на спецпоселения.[219]

Польские антифашисты и военнопленные не были единственными жертвами сталинско-гитлеровского террора. НКВД выселяло в Германию тысячи бежавших из нее борцов с фашизмом, где они становились жертвами гестапо. Фактически цинично клались на фашистскую плаху те самые тайные агенты, которые в свое время уговаривались жертвовать собой во имя избавления человечества от фашистского мракобесия. В глазах Сталина они были всего лишь разменной монетой за власть над покоренными народами.

Протестовавшие против сговора с фашистами руководители компартий США, Великобритании и Германии снимались со своих постов либо вообще отлучались от коммунистического движения со всеми вытекавшими жестокими преследованиями. По неполным данным с 1937 г. по 1941 г. было арестовано 900 австрийских и немецких коммунистов и подло выдано гестапо в период действия пакта Молотова-Риббентропа.

Наконец, среди врагов, с существованием которых не могли примириться гитлеровцы, были, конечно, евреи. Последние, спасая жизнь, семьями бежали из оккупированной фашистами Польши. Их судьба трагична. На границе стояли чекисты, заставлявшие их возвращаться назад, где им позднее были уготованы печи крематория.

[217] Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии... С. 101.
[218] См. там же. С. 112.
[219] Катынь: пленники необъявленной войны. М. 1997. С. 601; См. также: Яжборовская И. С., Яблоков А. Ю., Парсанова В. С. Катынский сидром советско-польских и российско-польских отношений. М., 2001.

Тех же несчастных, кому так или иначе удавалось проникнуть на советскую территорию, отправляли в концлагеря и на спецпоселения, где они вместе со стариками женщинами и детьми тысячами погибали от немыслимых лишений

После этого прошло чуть более года, как открылась новая страница в истории сталинско-гитлеровского сотрудничества – начались переговоры о вступлении СССР в антикоминтерновский пакт с разделом мира на сферы влияния между его участниками. Громадная заслуга в изучении этого вопроса принадлежит Л. Безыменскому, сумевшему блестяще проанализировать соответствующие источники. Результаты его исследования опубликованы еще в 2000 г., но обладающие авторитетом сотрудники РАН по разным причинам стараются их не замечать. Поэтому мы посчитали нужным более подробно остановиться на этом вопросе.

Зондаж вступления СССР в антикоминтерновский пакт, по-видимому, начался вскоре после реализации секретного протокола пакта Молотова-Риббентропа. Согласно воспоминаниям Молотова, принимая Риббентропа, Сталин предложил: “”Выпьем за нового антикоминтерновца Сталина. Выпьем за здоровье вождя немецкого народа Гитлера”.[220] Взаимные реверансы в адрес друг друга велись с обеих сторон. 28 сентября 1939 г. Сталин заверил Риббентропа в том, что если “Германия попадет в трудное положение, то она может быть уверена, что советский народ придет Германии на помощь и не допустит, чтобы Германию удушили. Советский Союз заинтересован в сильной Германии и не допустит, чтобы ее повергли на землю”.[221] 23 декабря 1939 г. “Правда” напечатала сердечное поздравление Сталина Гитлером в связи с его 60-летием, отмечавшимся с невиданной до этого в истории российской компартии помпой.

Наконец, по мысли Сталина, обстановка созрела, когда от обмена мнениями по поводу присоединения к антикоминтерновскому пакту пора было переходить к делу. По его указанию, 10 ноября 1940 г. Молотов прибыл в Берлин в сопровождении 65 ведущих сотрудников министерства иностранных дел СССР и руководителей секретных служб Берии. При себе он имел надиктованную Сталиным записку о планах создания “Великого Восточно-Азиатского пространства”, его границ с новой Европой; *характер* его государственной структуры и отношения отдельных европейских государств в Новой Европе и в “великом Азиатском пространстве”; этапы и *сроки* осуществления этих планов и, по крайней мере, ближайшие из них; *перспективы* присоединения

[220] Чуев Ф. Молотов. Полудержавный властелин. М., 1999. С. 24.
[221] См. Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой... С.340.

других стран к пакту; место СССР в этих планах в данный момент и в дальнейшем. В записке указывалось, что в переговорах следует добиваться, чтобы к сфере интересов СССР были отнесены а) Финляндия; б) Дунай. По расчетам Сталина Красная Армия должна была вступить на территорию балканских государств.

Относительно Турции Сталин писал Димитрову 25 ноября 1940 г.: “Мы турок выгоним в Азию. Какая это Турция? Там два миллиона грузин, полтора миллиона армян, один миллион курдов и т. д. Турок только 6-7 миллионов”. Для Японии у Сталина был приготовлен “подарок” – согласие на включение Индонезии в японскую сферу влияния и оставление за Японией Маньчжоу-го.

13 ноября Риббентроп вручил Молотову “черновые наброски” будущего соглашения о присоединении СССР к “тройственному пакту”. В Берлине Сталин не хотел заключать каких-либо соглашений, имея в виду продолжение переговоров в Москве, чтобы лично участвовать при подписании документов. Л. Безыменский безусловно прав, когда пишет, что “Сталин и Молотов считали себя диктующими правила игры, какими они были в августе-сентябре 1939 г. И это был их решающий просчет”.[222]

Этим просчетом объясняется их неверие в возможность нападения Германии на СССР вопреки неопровержимым доказательствам разведчиков и дипломатов о приближении войны. Провозглашенный после разгрома Польши “самым великим полководцем все времен и народов” Гитлер посчитал претензии Сталина на расширение сферы своего влияния в Европе и на Ближнем Востоке несовместимыми с его планами раздела мира и отдал приказ о подготовке к реализации плана “Барбаросса” – нападения на Советский Союз. То, что претенденты на мировое господство так и не смогли договориться о глобальном разделе мира, спасло российский народ от величайшего несчастья сражаться против всего прогрессивного человечества на стороне фашистской Германии и ее наиболее агрессивных союзников. Но за это ему пришлось заплатить как ни одному другому народу в мире необычайно высокой ценой – колоссальными жертвами и страданиями.

В свете изысканий Л. Безыменского становится ясен и другой вопрос – вопрос об упреждающем сталинском ударе по фашистской Германии. Он действительно разрабатывался в период советских переговоров с Англией и Францией для обуздания гитлеровской агрессии. Когда же они сменились союзническими обязательствами Гитлера и Сталина, военные помыслы последнего устремились на Балканы, Турцию, Иран, Афганистан и Индию.

[222] Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой... С. 355.

14 октября 1940 г. по его указанию был утвержден план сосредоточения наших войск южнее Припятских болот. Севернее последних наша западная граница должна была оставаться оголенной от основных армейских частей, за исключением Ленинградского военного округа, где планировалась новая война против Финляндии. 25 ноября 1940 г. сюда поступила директива наркомата обороны и генштаба об уточнении и конкретизации задуманной в сентябре операции против этой страны. Стоит ли после этого удивляться почему маленькая Финляндия во главе с Манергеймом, не питая враждебных чувств к российскому народу, воевала потом на стороне фашистской Германии.

Как известно, началом реализации секретных протоколов пакта Молотова-Риббентропа послужила опубликованная 18 сентября 1939 г. нота правительства СССР, оправдывавшая уничтожение Гитлером польского государства и его позорный раздел между Германией и Советским Союзом. В ноте, в частности, говорилось: "Польско-германская война (можно подумать Польша коварно напала на Германию! – Ю. И.) выявила внутреннюю несостоятельность польского государства... Представленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилось в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу СССР. Ввиду такой обстановки Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ перейти границу и взять под защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии".[223] На основе этого приказа началась во имя мировой революции оккупация советскими войсками восточной Польши и Прибалтики, позднее к ним была присоединена Бесарабия и Северная Буковина.

Советские власти обещали навести на оккупированных территориях "твердый порядок и революционную законность". О характере этого порядка и законности можно судить хотя бы по тому, что из 20 млн. проживавшего здесь населения за каких-то два предвоенных года здесь было репрессировано порядка 2-х млн. чел., т. е. 10% всего населения, что вполне сравнимо с репрессиями гитлеровцев в ряде европейских стран. Несчастье оккупированного населения было прямым следствием их счастья проживать на территории собственных государств, имея европейский уровень жизни и европейские демократические институты. Так было везде с оказавшимися под сталинской пятой, в том числе и со странами Прибалтики.

Эти маленькие демократические государства – население Эстонии 1,1 млн. чел., Латвии – 2 млн., Литвы – 2,4 млн. – не знали массовых

[223] Нота правительства СССР//Известия 18 сентября 1939 г.

политических репрессий. В 1940 г. в Латвии было всего 200 политических заключенных, в Эстонии – 100. Печать пользовалась абсолютной свободой. Хотя здесь проживали инакоязычные группы: в Латвии, например, русские насчитывали 10% населения, в Эстонии – 8% пресловутой языковой проблемы не было. Нежелание говорить на языке прибалтийского населения, было личной проблемой, которая никого не волновала. Хуже было только самому нежелавшему. Поэтому на языке литовцев, латышей и эстонцев старались говорить все иноязычные группы, проживавшие в республиках.

Реализация секретных протоколов пакта Молотова-Риббентропа поставила эти государства между молотом и наковальней – Сталиным и Гитлером, соревновавшимися друг с другом в насилии над народами и ликвидации демократических свобод. Как сказал Сталин на переговорах с латвийской делегацией в октябре 1939 г., "я вам скажу прямо: раздел сфер влияния состоялся... если не мы, то немцы могут вас оккупировать".[224]

В это время компартия Эстонии насчитывала всего 130 чел. К лету 1940 г. в компартию Эстонии было принято еще 1200 чел., а в Латвии к этому времени насчитывалось около тысячи коммунистов. Прирост шел главным образом за счет служащих правительственного аппарата, пытавшихся спасти остатки национальной свободы от карающей десницы чека. Но их усилия оказывались тщетными. Оккупанты, не считаясь с ними, когда полагали нужным, проводили выборочные аресты в армии, полиции и аппарате государственной власти.

Эти аресты приняли массовый, систематический характер, после вхождения республик в Советский Союз. По окрику из Москвы сюда приехали министр иностранных дел Латвии и военный министр Эстонии, упрямившиеся подписывать документ, окончательно лишавший республики национальной свободы. На их отказ Молотов заявил: "обратно вы не вернетесь, пока не подпишите присоединение к нам". Чекистам было дано указание их не выпускать, пока не поставят свои подписи.[225] Молотов в данном случае в точности копировал поведение Геринга и Кейтеля в те дни, когда они добивались включения Чехословакии в состав нацистского рейха. И сталинисты и гитлеровцы одинаково глумились над народами, которых им удавалось покорить.

С вхождением в Советский Союз денежные знаки республик осенью 1940 г. сменил единый советский рубль с соответствующей советской шкалой заработков и цен, что привело к резкому снижению

[224] См. Семирядга М. И. Тайны сталинской дипломатии... С. 209.
[225] Чуев Ф. Молотов... С. 19.

жизненного уровня рабочих и служащих. Начались забастовки. Чуть позже вначале 1941 г. крестьян обязали сдавать продукцию советскому государству по символически низким ценам в объемах превышавших текущую продукцию крестьянского двора. Одновременно были национализированы все частные предприятия. В итоге на месте рынка появился остов прямого принуждения к труду пока еще без его основного компонента – прикрепления рабочих и крестьян к месту, где они трудились. Паспортная система еще не была налажена, сталинского типа тюрьмы и концлагеря находились вне территории республик.

Между тем сопротивление населения варварским сталинским порядкам нарастало. В связи с этим в июне 1940 г. были осуждены политические лидеры, правительственные чиновники, армейские офицеры. Многих из них казнили, а массу других депортировали в вагонах для скота в неизвестном направлении. Спасаясь от арестов, мужчины бежали в леса.

Уверенные в том, что сотрудничество с гитлеровцами дает неограниченные возможности бесконечно репрессировать “врагов”, ЦК ВКП(б) и СНК СССР в июне 1941 г. приняли постановление о выселении “контрреволюционных элементов”. Всего за неделю до начала войны 14 июня по всем республикам прокатилась волна арестов и депортаций. Тысячи людей, спасаясь от этой беды, ушли в леса. “В справке органов госбезопасности утверждалось, – пишет М. И. Семиряга, – что всего было переселено 49331 литовец (так на чекистском жаргоне тех лет именовались все народы Прибалтики), из них прошли переучет в 1948-1949 гг. 44814 чел. Остальные умерли”.[226] В частности, в Эстонии в одну лишь ночь на 14 июня 1941 г. НКВД депонировало в Сибирь более 10 тыс. чел. 80% из них составляли старики, женщины и дети. Чтобы избежать арестов их мужья и сыновья – солдаты и офицеры территориальных частей Красной Армии скрывались в лесах.

Но эта была лишь последняя предвоенная акция. Еще до нее, в 1937-1938 годах, были репрессированы все литовцы, проживавшие на территории СССР, включая тех, кто спасал советскую власть в годы гражданской войны. “По статистическим данным НКВД СССР всего по латышской операции было арестовано за год (т. е. с декабря 1937 г. до середины ноября 1938 г.) – около 25 тыс. чел. Осуждено по “латышской линии” 22360 чел. Из них 16573 (74%) было приговорено к расстрелу... Преследование латышей не ограничивались арестами и казнями. Известны случаи массового увольнения с работы. Так в марте 1938 г. политбюро ЦК ВКП(б) постановило очистить оборонную промышленность от немцев, поляков, эстонцев, латышей, а в июне того

[226] Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии... С. 249.

же года из армии и флота стали изгонять “всех военнослужащих иностранного происхождения”.[227]

Скрывавшиеся в лесах эстонцы, латыши, литовцы оказывали поддержку вторгавшимся в Прибалтику гитлеровцам, избавлявшим их от козней сталинистов. Как верно отмечает А. Кузнецов, “завоеватели – победители всегда освободители”.[228] На пути отхода советских войск восстававшие прибалты совершали убийства и диверсии. В первой половине октября на сторону фашистов перешло 2 тыс. эстонцев, более 5 тыс. латышей и свыше 10 тыс. литовцев. На базе созданных ими батальонов были созданы легионы СС, проводившие карательные акции против евреев и советских партизан. Озлобленные сталинскими репрессиями они связали свою судьбу с репрессиями гитлеровцев.

Но не одни они делали погоду в Прибалтике. Многие надеялись на то, что с помощью фашистской Германии они смогут возродить независимые республики. Их иллюзии увязывались с восстановлением гитлеровцами тех политических партий, которые были запрещены советами в 1940 г. В Литве, например, для достижения независимости был создан Верховный комитет освобождения Литвы (ВКОЛ) со своей литовской освободительной армией (ЛОА).

После того, как гитлеровцы, терпя одно поражение за другим, запретили в 1943 г. все партии, был создан нелегальный литовский национальный фронт со своими местными комитетами и нелегальными группами на местах, дожидавшихся ухода фашистских оккупантов. Когда в Прибалтике летом 1944 г. началась эвакуация групп вермахта, бойцы ЛОА препятствовали гитлеровцам вывозить государственное имущество и защищали Вильнюсскую область от намерений Армии Крайовой присоединить ее к Польше.

По мере продвижения в Прибалтике частей советской армии 60-70 тыс. литовцев в поисках свободной жизни через Швецию мигрировали на Запад. Остальные, как и в Латвии и Эстонии ушли в леса, надеясь с помощью Англии восстановить независимость своих республик. Началась, по точному определению М. И. Семаги, *гражданская война* между теми, кто добивался возрождения независимых республик и теми, кто поддерживал превращение их в сталинские заповедники принудительного труда. В 1945-1949 гг. из Прибалтики было депортировано 140 тыс. чел.

С тех пор прошло свыше полувека, а отзвуки былой гражданской войны сказываются до сих пор. Не подлежит сомнению, что восстановление независимости прибалтийских республик стало

[227] История сталинского ГУЛАГа. Т. 1... С. 659.
[228] См. Кузнецов А. Бабий яр. М., 2005. С. 135.

возможным благодаря решительности российских демократов во главе с первым российским президентом Ельциным, свергавшим власть сталинских последышей. Эти демократы и сегодня стоят у руля власти в России. Так зачем же вбивать клин между теми, кто боролся со сталинистами, вступая в вынужденные соглашения с гитлеровцами, и теми, кто боролся со сталинистами в России, помогая им завоевывать независимость. Время согласия уже давно наступило.

Конечно, и в прибалтийских республиках и в самой России есть последыши фашизма и закоснелого коммунизма, мечтающие о возрождении Советского Союза с его системой подневольного труда и отсутствием демократических свобод. Такие же последыши обоего толка есть сегодня и в Западной Европе. Но, устраивая уличные беспорядки с потасовками, поджогами и т. п., они уже никогда не смогут добиться своих террористических идеалов, ибо их *массовая* база – существование обширного деклассированного населения уже давно отсутствует и никогда не сможет возродиться вновь. Их легальность – следствие демократической свободы убеждений, но легальность исчезает моментально при малейшей попытки насильственного свержения любых институтов демократии.

Еще более сложным и противоречивым, чем в Прибалтике, протекал процесс становления независимого украинского государства в условиях, когда украинский народ был разделен между Советским Союзом и Польшей. В то время как в Советском Союзе украинский народ страдал от насильственного принуждения к труду и принудительного обрусения, на польских землях происходило его насильственное ополячивание. Бескомпромиссно и самоотверженно отстаивавшие независимость поляки наносили ей непоправимый вред присущими им традициями антисемитизма и ополячиванием украинского населения, породив глубокие различия борьбы украинского народа за независимость в Восточной и Западной Украине.

В Восточной Украине "в 1929-1933 г., – пишет М. И. Семиряга, в годы насильственной коллективизации, массового раскулачивания, катастрофического голода и обезлюдивания когда-то богатых украинских сел, Сталин объявил украинскому народу настоящую истребительную войну, носившую характер геноцида. Развернулось невиданное даже при царизме гонение на украинскую церковь, культуру и ее представителей, подавлялся родной язык... Подспудный рост недовольства широких слоев населения сталинским режимом не только подавлялся насилием, но и глумился шумными кампаниями, которые призваны были демонстрировать мнимое торжество "ленинско-сталинской национальной политики".[229]

В Западной Украине после раздела Польши с 1939 г. по 1941 г. было расстреляно 51 тыс. чел., подверглись депортации один млн. 400 тыс. чел. Накануне войны в советских тюрьмах Западной Украины находились десятки тысяч чел, из них только в течение 22 июня, когда происходила эвакуация советских властей, было расстреляно 50 тыс. чел.

В то время как в Восточной Украине не было организованного сопротивления сталинским палачам (оно в зародыше жестоко подавлялось), на территории Западной Украины при поддержке гитлеровцев существовало Краевое руководство организации украинских националистов (ОУН), ставившее целью пресечение акций польских властей, проводивших "панификацию" украинского населения. В 1933 г. Краевое управление возглавил Бендера, организовавший убийство министра внутренних дел Польши Перецкого, который был создателем концлагерей и сторонником решительных мер против украинских националистов.

В апреле 1941 г. в Кракове нелегально прошел II Большой конгресс ОУН. Помимо решений о демократическом устройстве будущей Украины, конгресс постановил создать собственные вооруженные силы, считать идеологии фашизма и "московского большевизма" чуждыми украинской духовности. Целью борьбы ОУН объявлялось благо украинского народа и освобождение "порабощенных Москвой" народов Восточной Европы и Азии.

Как только гитлеровцы вторглись на территорию Украины, воинские части ОУН оказали активную помощь вермахту, рассчитывая создать украинское правительство. Но Гитлер был против. Уже в начале июля 1941 г. за попытки без согласия немцев сформировать украинское правительство Бендера и его соратники были арестованы. 15 из них были расстреляны. Самому Бендере удалось убежать из тюрьмы. Еще до этого советскими палачами был убит отец Бендеры, две его сестры высланы в Сибирь. В 1942 г. немцы расстреляли двух его братьев.

Уже с начала 1942 г. начались первые столкновения с немцами отрядов ОУН, к осени 1942 г. они стали повсеместными. Войска УПА в это время сражались только с немцами. Важно и то, что ОУН и УПА осуждали действия украинцев, участвовавших в карательных акциях СС и "никогда и нигде украинские повстанцы не принимали участие в антиеврейских акциях. В нашей многочисленной подпольной печати нет

[229] Семиряга М. И. Коллаборационизм... С. 104.

слов, направленных против евреев. В УПА боролись евреи, прежде всего в качестве врачей".[230]

Лишь с конца 1942 г. на Западной Украине появились советские партизаны, несшие с собой "порабощение Москвой" народов Восточной Европы и Азии, чему УПА уже давно объявила войну. Как верно подметил А. Кузнецов, "Священная" война против Гитлера была всего лишь душераздирающей борьбой за право сидеть в своем собственном концлагере, питая надежды расширить его на весь мир". В этих условиях УПА постоянно приходилось лавировать между немцами и партизанами, блокируясь тактически то с теми, то с другими.

После изгнания из Западной Украины фашистов УПА возглавила здесь борьбу украинского народа. В воззвании к украинскому народу по поводу капитуляции Германии весной 1945 г. УПА заявляло, что "украинское освободительное движение было направлено как против сталинского режима в СССР, так и против гитлеровской "новой Европы". Это движение выступает за образование Украинского государства без помещиков и капиталистов, без большевистских комиссаров, энкаведистов и партийных паразитов, за ликвидацию большевистских колхозов и немецких общественных хозяйств, за передачу всей земли крестьянам без выкупа, за свободу печати, мысли, веры и мировоззрения, против официальных догм и доктрин. УПА борется за равенство всех граждан Украины и равноправие всех национальных меньшинств, за их собственную по форме и содержанию национальную культуру".[231]

Эти требования выражали сокровенные чаяния подавляющего большинства населения Западной Украины. Борьбу за их осуществление возглавила УПА, руководимая Бендерой. В течение многих лет после окончания войны земля горела под ногами сталинских оккупантов, установивших режим жесточайшего террора. За период с 1944 г. по 1951 г. было депортировано 700 тыс. человек. Только в 1944-1945 гг. в боях против советских войск было убито 72 тыс. бойцов УПА. В 1959 г. Бендера был убит советским чекистом Б. Сташинским.

Когда в нашей печати пишут о движении западно-украинских националистов, то зачастую, мешая правду с вымыслом, делают упор на то, что они сотрудничали с фашистами, установившими на Украине режим жесточайшего террора. Но при этом умалчивается о том, что не меньший террор осуществляли сталинские палачи, глумясь над стремлением украинцев жить в независимой демократической стране, иметь возможность свободно пользоваться прекрасным языком, языком

---

[230] Там же. С. 125.
[231] Там же. С. 126.

Шевченко, Гоголя, Леси Украинки и множества других замечательных представителей украинской культуры. Сегодня есть все предпосылки для такой независимой жизни в тесном содружестве со всеми демократическими государствами, включая покончившую со сталинизмом демократическую Россию, которая издавна имела и продолжает сохранять глубокие исторические связи с украинским народом.

За годы второй мировой войны наша страна понесла неоправданные никакими ссылками на политику гитлеровцев самые большие потери по численности погибшего населения. Причем нередко вину за это, помимо фашистов, возлагают на "империалистов" США, Англии, Франции и прочих, которые якобы были заинтересованы в бесконечном продолжении войны с целью ослабления Германии и Советского Союза.[232] Как видит читатель, дух Ропалло еще продолжает витать. В действительности же эти жертвы, не говоря уже о погибавших в тылу от голода и непосильного труда, прямой результат сталинской политики геноцида собственного народа.

Именно эта политика привела к тому, что Советский Союз оказался неподготовленным к войне с фашистами и в плену оказались в первый год войны 3,5 млн. бойцов и командиров Красной Армии, не имевших достаточно (а то и невооруженных) оружия, чтобы дать отпор гитлеровским захватчикам. На следующий год из-за сталинских установок вести наступление летом 1942 г. в плену оказалось еще 2,2 млн. бойцов и командиров. При этом Сталин четко копировал манеру Гитлера: в случае поражений вина ложилась на плечи генералов, в случае победы лавры приписывались верховному главнокомандующему. В итоге и тот и другой стали "величайшими полководцами всех времен и народов".

Основным принципом ведения Сталиным войны было удерживать в окопах под надзором командиров и чекистов заградотрядов громадные массы бойцов, продвигавшихся, не считаясь с жертвами по их приказам вперед по мере совершения танковых прорывов. Тот факт, что, несмотря ни на что, мы успешно громили фашистские войска, объясняется прежде всего патриотизмом и ненавистью к фашистам народа, в течение многих веков до этого не находившегося под ярмом иноземного врага.

До сих пор мы еще многое не знаем о Второй Мировой войне, изучение истории которой и сегодня зачастую остается на откупе отставных генералов и полковников, восхваляющих сталинские

---

[232] См: Кульков Б. Н., Мячиков М. Ю., Ржевский О. А. Война 1941-1945. Факты и документы. М., 2001.

принципы ведения войны и его гений. В частности, мы вправе гордиться героизмом и мужеством советских партизан, но невозможно определить, сколько из них погибло от рук гитлеровцев без учета гражданского населения. Согласно опубликованным данным в годы войны в их рядах насчитывалось 1145 тыс. чел. [233] Почти столько же – один млн. власевцов, казаков и прочих – служили немцам.

В тоже время в период второй мировой войны в оккупированных странах Западной Европы (без Советского Союза) нацистами было уничтожено порядка одного млн. трехсот тыс. чел. - непосредственных участников движения сопротивления, которые вынуждали нацистов держать в Западной Европе не одну так нужную Гитлеру на Восточном фронте дивизию. В этом движении участвовало много представителей белой эмиграции и советских военнопленных, бежавших из нацистских концлагерей. На родине же им была уготовлена награда: согласившихся вернуться в Союз вновь отправляли в концлагеря, но уже сталинского происхождения. "Советское руководство, – обосновано пишет М. И. Семиряга, – относилось более гуманно к военнопленным противника, нежели к собственным гражданам, вернувшимся из вражеского плена. Эти воины, которые на себе испытали ужасы первых вражеских ударов, как могли, сдерживали рвавшегося вперед врага, и подавляющее большинство из них, будучи в безвыходном состоянии, вынуждены были сдаваться в плен, рассматривались как изменники и предатели родины".[234]

Если брать не абсолютные цифры, а исходить из числа фашистских жертв, приходившихся на тысячу человек населения, то на первом месте, несомненно, будут евреи, на втором – поляки, на третьем – жители Советского Союза. Еще в 1939 г. Гитлер призвал отряды СС "Мертвая голова" убивать без милосердия и жалости всех поляков – мужчин, женщин и детей. Согласно его планам обезлюденая Польша должна была быть колонизирована немцами.

В отличие от Советского Союза и оккупированных государств Европы Польша была единственной страной, где не было формирований местного населения, участвовавших в карательных акциях гитлеровцев. Не Советский Союз, а именно Польша была зачинателем партизанского движения на оккупированных фашистами территориях. "Польский народ первым начал открытую вооруженную борьбу против гитлеровских оккупантов, пишет М. И. Семиряга, которая с самого начала носила справедливый освободительный характер. Им восхищались, с него брали

[233] См. Партизанское движение по опыту Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. С. 372.
[234] Семиряга м. И. Тюремная империя нацизма... С. 131.

пример, изучали его боевой опыт антифашисты других стран, позже попавших под иго немецко-фашистских захватчиков. В этом состоит международное значение его освободительной борьбы в первый период войны".[235]

На протяжении 6 лет оккупации польское освободительное движение было самым массовым в Европе. В его подпольных организациях всех ориентаций – от сталинской до лондонской – сражались полмиллиона патриотов, из них сто тыс. с оружием в руках. Они сыграли выдающуюся роль в борьбе советского народа с немецкими захватчиками. Через территорию Польши, которую сами гитлеровцы называли "мостом на Восток" осуществлялось 80% всех перевозок, из них две трети железными дорогами, которые громились польскими партизанами. За 6 лет было уничтожено150 тыс. (равнозначно 10 дивизий) оккупантов, многие тысячи из них ранены. В разные годы оккупации гитлеровцы вынуждены были держать в Польше от 400 тыс. до одного млн. солдат и полицейских. Иначе говоря, от 40 до 100 дивизий не могли принимать участие в сражениях на Восточном фронте. Бойцы Гвардии Людовой, Армии Людовой, Батальонов Хлопских провели около 100 тыс. боевых операций, ими было уничтожено 700 паровозов, 200 тыс. вагонов, взорвано 100 мостов и виадуков.[236]

Но эти заслуги польских патриотов перед своей и советской страной в глазах Сталина ничего не стоили. В его планах Польша должна была стать государством, лишенным самостоятельности и управляемым Москвой. Этим объясняются его тайные распоряжения препятствовать помощи участникам героического варшавского восстания в апреле 1943 г., в ходе которого три месяца сражалось с гитлеровцами население гетто вместе с партизанами Гвардии Людовой, Армии Крайовой и партизанскими группами социалистов. То же самое повторилось в августе 1944 г., когда Армия Людова вновь подняла варшавское восстание. И, наконец, самое позорное, когда в конце 1944 г. из Освенцима шли призывы подпольной радиостанции бомбить казармы эсэсовцев, чтобы узники могли поднять восстание, ни один советский самолет не поднимался в воздух, предоставляя фашистам возможность уничтожать смертников Освенцима, среди которых было немало советских военнопленных.

Разговоры о том, что Советский Союз "пахал" один, в то время как "империалисты" только ставили палки в колеса его борцам с

[235] Семиряга М. И. Борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы против немецко-фашистского гнета. М., 1985. С. 160-161.
[236] См. Семиряга М. И. Движение сопротивления. (50-летию начала второй мировой войны. М., 1989. С. 25.

фашизмом, могут растрогать только коммунистов, до сих пор витающих в своих эмпиреях и не желающих знать, что происходило на самом деле. Только благодаря ленд-лизу разутые и раздетые сталинским режимом мы имели возможность громить врага, передвигаясь по бездорожью на автотранспорте. Но это не все. США и Англия снабжали нас продовольствием, самолетами, боеприпасами, радио и навигационным оборудованием, оплаченными большой кровью потопленных караванов. Благодаря их помощи оружием ширилось сопротивление гитлеровцам на территории стран Западной Европы, благодаря их решительным действиям были сорваны планы Гитлера использовать атомное оружие. Наконец, с ожесточенными боями был открыт второй фронт вначале на Юге, а затем во Франции.

Единственно, что уже тогда вносило раскол в совместные действия против общего врага это сталинские установки на советскую оккупацию возможно большего числа европейских стран. К этому времени "марксистские" установки поиска внутренних врагов уже заслонил российский вариант гитлеровского противостояния наций, в котором немцев и их арийских потомков в других странах были призваны сменить славяне во главе с "великим старшим братом" – русским народом, о чем сегодня у нас мечтают все коммунисты и лжепатриоты. Сохраняя марксистскую лексику, сталинизм в итоге трансформировался в российскую разновидность заурядного фашизма.

Еще шла война с гитлеровцами, а Сталин в беседе с М. Джиласом, говоря о немцах, счел нужным заявить: " Лет через двенадцать-пятнадцать они снова будут на ногах и поэтому нужно единство славян. И вообще если славяне будут едины – никто пальцем не пошевельнет. Война скоро кончится, через пятнадцать-двадцать лет мы оправимся, а затем снова".[237] В этих условиях холодная война становилась неизбежным венцом всемирного разгрома фашизма, о чем в свое время прозорливо первым сказал Черчилль.

Сталин во время войны использовал малейший повод для заселения славянами территорий национальных автономий. В Крыму численность сотрудничавших с гитлеровцами татар составляла менее 8 тыс. чел. Это было достаточно для выселения всего татарского населения – 226 тыс. чел. То же произошло с балкарцами – сотрудничало с немцами порядка 1,5 тыс. чел., выселено 41 тыс. чел.; с калмыками сотрудничало с немцами всего 750 чел., выселены все калмыки; были выселены все чеченцы и ингуши – 500 тыс. чел. и немцы республики Поволжья – 605,5 тыс. чел. По сравнению со славянами выселенные были людьми второго сорта. После войны число второсортных граждан СССР и государств –

[237] Джилас М. Разговоры со Сталиным. N. Y., 1970. С. 109.

сталинских сателлитов пополнили евреи. Подобно фашистам сталинские славянофилы раздували тлеющие угли антисемитизма, обвиняя евреев главными виновниками народных страданий.

Добиваясь расширения границ своей империи, Сталин не считался с колоссальными жертвами народа не только на фронте, но и в тылу. С начала войны резко уменьшилась численность узников ГУЛАГа: досрочно освобожденные заключенные передавались в армию. До конца 1941 г. их численность составила 420 тыс. чел, а всего за годы войны – около одного млн. На сокращении населения ГУЛАГа сказалась и практика приговоров троек, направлявших обвиняемых вместо мест заключения на фронт. Все они были так называемые "бытовики". Политических отправлять на фронт запрещалось. Из таких "бытовиков" формировались штрафные батальоны.

Остававшимся в ГУЛАГе был уготован возросший голод и изнурительный труд. В начале войны были эвакуированы 27 лагерей и 210 колоний. Заключенные зачастую передвигались пешком на расстояние до тысячи км. Перемещение 750 тыс. заключенных из оккупированных районов сопровождалось уплотнением населения восточных лагерей и сокращением жилплощади на одного заключенного до уровня менее одного кв. м. В лагерях усилился голод: узники собирали отбросы, ели корни белены, поедали собак. Нормы выработки были увеличены.

Большинство заключенных, работая при 40-50 градусном морозе, не имели зимней одежды. Так, "В 1947 г. зимнюю одежду имели только 30% заключенных лагерей Восточного управления БАМ, 27% – в ИТЛ и строительстве № 883, 20% – Южкузбасслаге, а в ОИТК Калининградской области зимней обуви не было вообще (одетыми были преимущественно уголовники – Ю. И.) И это не исключения, а типичная картина тех лет".[238]

Счет умиравших от голода и непосильного труда шел на миллионы. "В 1941-1945 гг. в лагерях и колониях согласно только ведомственной статистике, умерли 1 млн. 5 тыс. заключенных... С 1 июля 1941 г. по 11 февраля 1945 г. численность узников в лагерях и колониях уменьшилась с 2,3 млн. до 1,4 млн. Причем значительная часть заключенных была больна и истощена. Даже по официальным данным доля работающих снизилась в 1942 -1944 гг. до 65-70%, а количество больных составляло 20%".[239]

Набиравший все новые обороты механизм репрессий постоянно требовал возрастания принуждения к подневольному труду. В частности,

[238] История сталинского ГУЛАГа. Т. 4... С. 49.
[239] Там же. Т. 3. С. 31.

по известному указу от 26 июня 1940 г. о наказаниях за прогулы к 1956 г. было осуждено 11 млн. чел., приговоренных к принудительным работам и 2,8 млн. чел. – к тюремному заключению на срок от 2-х до 4-х месяцев. Указом от 26 декабря 1941 г. “Об ответственности рабочих и служащих военной промышленности за самовольный уход с предприятий” (к ним были причислены почти все промышленные отрасли) виновные карались военным трибуналом сроком от 5 до 8 лет лагерей. С 1942 г. по 1945 г. по этому указу, который действовал до весны 1948 г. были осуждены более 900 тыс. чел.[240] С 1947 г. к ним вновь присоединились многие тысячи “парикмахеров”, спасавших в колхозах пухнувших от голода детей. Это были только “бытовики” А ведь помимо них росло число и пресловутых “контрреволюционеров, троцкистов и прочих пособников” неизвестно кого и за чем.

В конце концов, возраставшие кровопускания не могли не сказаться на численности работоспособного населения страны. “Неблагоприятные демографические процессы, – пишет М. И. Семиряга, – привели к тому, что численность рабочих и служащих к 1945 г. уменьшилась по сравнению с 1940 годом на 5,3 млн. чел., а трудоспособное население деревни сократилось с 35,5 млн. чел. в 1940 г. до 23,9 млн. чел. в 1945 г”.[241] Иными словами за годы войны трудоспособное население нашей страны сократилось в целом на 16,9 млн. чел.

Последовавший затем рост трудоспособного населения происходил, прежде всего, за счет согласившихся вернуться на родину военнопленных (2,5 млн.) и угнанных фашистами на работу в Германию и оккупированные ими страны (более 2-х млн. чел.). Невозвращенцы их называли смертниками. И они действительно становились таковыми, так как за их счет росла численность спецпоселенцев и узников концентрационных лагерей. Другого использования трудоспособного населения сталинская машина уничтожения людей на своем излете уже не знала. На 1 января 1953 г. на учете КГБ СССР состояло 2 млн. 820 тыс. спецпоселенцев. К началу 1950 г. численность узников ГУЛАГа достигла непревзойденного до этого максимума – 2,6 млн. чел., в 1952 г. она стабилизировалась на уровне 2,5 млн. В то же время на 1 января 1953 г. на учете КГБ СССР состояло 2 млн. 820 тыс. поселенцев.

Но не успел Сталин умереть как его самые любимые детища – спецпоселения и ГУЛАГ, представлявшие наиболее законченные формы принудительного труда из-за убыточности стали разваливаться. То, что было достаточно для его личного возвеличивания, после окончания

---

[240] Там же. Т. 1... С. 77, 78.
[241] Семиряга М. И. Тюремная империя нацизма... С. 189.

войны стихийно превратилось в величайший тормоз общественного прогресса. Безусловно, развалу наиболее одиозных форм ГУЛАГа и ликвидации спецпоселений способствовали восстания рабочих как на “воле" (в Новочеркасске, Краснодаре, Караганде и др.), так и в самих местах заключения. Однако в целом система прямого принуждения, модифицируясь, еще долго продолжала сохраняться. Это порождало надежды коммунистов возродить вновь культ Сталина, с одной стороны, с другой, – загоняя вглубь, умножать проблемы единства российского народа и его международных связей.

Не подлежит сомнению, что в течение многих веков Россия была страной Самодержавного “начальства”, “ежовых рукавиц” и “канцелярий” в тиши которых решались народные судьбы. Господство самодержавия в те годы держалось на подневольном труде, допускавшим существование неразвитого рынка. Лишь при Сталине подневольный труд стал абсолютным, порождая иллюзии существования самодержавных традиций якобы присущих российскому народу, способному лишь на бунт бессмысленный и беспощадный. При этом обычно не учитывается того, что Великая французская революция на почве развивавшегося рынка, породила в России, начиная с Радищева, осмысленную борьбу за демократию. Ее традиции насчитывают свыше двухсот лет. Именно этими традициями объясняется возникновение сегодня движения “Единая Россия”, поддерживающего начинания президента.

Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 7,25. Тираж 250 экз. Заказ № 87.

Отпечатано в типографии «Карпов».
109004, г. Москва, ул. Большая Коммунистическая, д. 1/5-7.
Тел./факс: 911-66-92